

Российская Академия Наук
Институт философии

**ПРОБЛЕМА СБОРКИ СУБЪЕКТОВ
В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Москва
2010

УДК 300.36
ББК 15.56
П 78

Ответственные редакторы

доктор филос. наук *В.И. Аршинов*
доктор психол. наук *В.Е. Лепский*

Рецензенты

доктор филос. наук *В.Э. Войцехович*
доктор филос. наук *А.Л. Никифоров*

П 78

Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: В.И. Аршинов, В.Е. Лепский. – М. : ИФРАН, 2010. – 271 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0176-1.

Работа посвящена актуальным и активно обсуждаемым проблемам формирования адекватных эпохе глобализации форм и типов субъектности. Предлагаемый авторами подход базируется на идеях постнеклассической науки, в которой интерпретация знаний неразрывно связана с субъектами, их производящими, с их отношениями и взаимными рефлексивными представлениями, с этическими нормами и морально-нравственными представлениями.

Представляет интерес для специалистов гуманитарных и естественнонаучных областей знаний, ориентированных на исследование проблем социального проектирования, управления и развития, а также для широкой аудитории управленцев-практиков.

Предисловие

В настоящее время как в России, так и за рубежом наблюдается кризис проблематики социального проектирования, управления и развития. Среди черт сложившейся ситуации можно выделить следующие: резкое снижение роли норм и традиций; дискредитация демократических процедур делегирования властных полномочий; разрушение традиционных механизмов идентификации; ослабление роли государств; возникновение сложнейших проблем обеспечения легитимности субъектов власти; неадекватность культуры обеспечения безопасности социальных систем, ее отрыв от проблем развития и др. Указанные изменения в XXI в. становятся фундаментальными, поэтому и способность систем к переменам должна быть все более глубинной и масштабной. Отсюда актуальность проблемы динамичной самоорганизации социальных систем – формирования адекватных форм и типов субъектности, сборки субъектов развития.

Анализ не совсем удачных попыток перевести страну на инновационный курс развития позволяет утверждать, что главная проблема связана с бессубъектностью российского развития, с явной незаинтересованностью коррумпированных чиновников и олигархов в изменениях сложившейся очень удобной для них ситуации.

Как следствие не удается сформировать пространство доверия в треугольнике «государство – общество – бизнес», столь необходимое для интенсивного инновационного развития. Это отчетливо проявилось в попытках создать и реализовать «Стратегию 2020».

Эта практическая проблема ставит перед отечественной наукой актуальную фундаментальную и научно-прикладную проблему сборки субъектов российского развития. Современная наука имеет определенный задел для решения указанной проблемы, вместе с тем постановка её с учетом конкретных реалий нашей страны отличается явной новизной и требует серьезных междисциплинарных усилий научного сообщества. Сложность проблемы усугубляется также тем, что в России практически разорвана связь между наукой и властной элитой. А решать проблему сборки субъектов российского развития надо сообща. Одними научными рекомендациями со стороны ученых в данном случае не обойтись.

В сборнике анализируется в контексте субъектно-ориентированного подхода сложившаяся в стране ситуация, ставятся и решаются актуальные междисциплинарные научные проблемы сборки субъектов. Представленные материалы имеют не только научную ценность, но могут быть полезны при осмыслении и разработке механизмов консолидации усилий государства, общества и бизнеса в интересах российского развития.

Сборник представляет интерес для широкого круга читателей, как ученых, так и практиков-управленцев.

*В.А. Лекторский,
академик РАН*

ЧАСТЬ 1

АКТУАЛЬНОСТЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ СБОРКИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ

В.Е. Лепский

Проблема субъектов российского развития

Кто субъекты российского развития?

В 2008 г. впервые за все постсоветские годы государство решилось взять стратегическую инициативу в свои руки¹. Вплоть до последнего времени эта инициатива находилась в руках международных финансовых организаций, экспортеров сырья, транснациональных корпораций, естественных и неестественных монополий, а также организованной преступности. Каждый из этих субъектов навязывал стране свою стратегию, а их комбинация породила порочные круги ловушек, в которых оказалась стремительно деградирующая российская экономика. Развитие последних лет шло по инерции этих стратегий, а относительно благополучные макроэкономические показатели достигались не столько благодаря, сколько вопреки политике государства, которая до позапрошлого года характеризовалась безыдейностью и безынициативностью, следовала псевдолиберальным рецептам международных финансовых организаций².

Однако разработанная Министерством экономического развития (МЭР) концепция долгосрочного развития страны до 2020 г. не дает оснований для оптимизма.

Во-первых, в этой Концепции отсутствует обстоятельный ответ на важнейший вопрос: кто будет субъектом развития, также вопрос о роли госаппарата в осуществлении развития страны. Нет ответа на вопрос о том, каким образом преодолеть кадровые проблемы госаппарата: в проекте абстрактно говорится лишь о создании эффективного государства, но при этом не поясняется, кто и каким

образом будет это делать. Административная реформа 2005 г. оказалась явно провальной. Остается без должного внимания оценка госаппарата В.В.Путиным в феврале 2008 г.: «сегодняшний госаппарат является в значительной степени забюрократизированной, коррумпированной системой, не мотивированной на позитивные изменения, а тем более на динамичное развитие».

Во-вторых, откладывается на конец прогнозного периода макроэкономический эффект инновационного развития; это означает, что правительство исходит не из прорыва на инновационный путь, а из преобладания инерционной составляющей. Об этом же свидетельствует откладывание увеличения финансирования НИОКР до уровня развитых стран и кардинального увеличения нормы накопления на вторую половину прогнозного периода. Между тем повышать расходы на НИОКР до уровня развитых стран нужно именно сейчас, пока еще сохраняется возможность реанимации значительной части научно-технического потенциала страны. Через пять лет будет поздно: старение и сокращение численности ученых, износ основных фондов давно превысили критический уровень. Снижение темпов роста инвестиций и откладывание массивного наращивания расходов на НИОКР приведет к необратимой утрате значительной части сохраняющихся еще заделов по разработке новых технологий вместе с деградацией владеющих ими организаций³.

В-третьих, как это ни парадоксально, планируется сокращение численности занятых в научном секторе с 788,5 тыс. чел. в 2007 г. до 754,1 тыс. чел. в 2010 г.⁴. Это означает продолжение деградации научного потенциала страны, Россия остается единственной страной в мире с сокращающейся численностью ученых. Более того, в ближайшие три года планируется сохранить двукратное по сравнению с общемировыми стандартами недофинансирование уровня расходов на образование, науку и здравоохранение, в которых именно сейчас критически важно провести модернизацию и кардинально поднять зарплату. Откладывание этих мер еще на несколько лет приведет к углублению необратимых тенденций деградации отечественной науки и образования и тем самым сделает реализацию инновационного сценария в принципе невозможной. Разрыв между уходящим и подрастающим поколениями ученых и педагогов как по количеству, так и по качеству кадров через три года может стать непреодолимым.

В-четвертых, правительство продолжает идти на поводу монополистов в энергетике, планируя дальнейший опережающий рост тарифов на газ и электроэнергию.

В-пятых, в Концепции не планируется устранение налоговых барьеров, мешающих переходу на инновационный путь развития.

Можно привести и еще целый ряд аргументов относительно того, что в этой Концепции явно просматривается доминирующая роль инерционного и энерго-сырьевого сценариев при пассивной роли сторонников инновационного развития, поддержка которого ограничивается призывами и лозунгами, в то время как поддержка инерционного и энерго-сырьевого сценариев конкретными решениями⁵.

Необходимость коррекции указанной концепции обнаружилась уже при первых шагах ее реализации. Ситуация резко ухудшилась из-за локального военного столкновения с Грузией в Южной Осетии и глобального финансово-экономического кризиса, захватившего Россию.

И все-таки факт ее принятия свидетельствует о важном сдвиге в осознании стратегических целей – того, что без консолидации всех ветвей власти и интеллектуально-духовной элиты общества переход на инновационный путь российского развития обречен на провал. Нужны новые высокие гуманитарные технологии и проекты формирования и координации стратегических субъектов российского развития. Эти сложные проблемы бросают вызов интеллектуальным силам России⁶.

Были ли среди участников перестройки субъекты российского развития?

Чтобы понять, кто сегодня является субъектами российского развития, необходимо начать с анализа участников перестройки. И честно ответить на вопрос: а были ли среди субъектов перестройки субъекты российского развития, или ее участники преследовали какие-то другие цели, не связанные с развитием России?

На наш взгляд, сегодня можно смело утверждать, что в период перестройки не было социально ответственных субъектов, ориентированных на российское развитие⁷. Убедительное обоснование отсутствия у них критериев оценки принимаемых на уровне ру-

ководства решений и прогнозов последствий приведено в работе С.Г.Кара-Мурзы⁸. Он стремился ответить на вопрос, чем объясняются гигантские человеческие и материальные потери, которые сопоставимы с потерями в период гражданской войны.

Один из ответов сводится к тому, что организаторы и продолжатели перестройки разрушили экономически слабо эффективную, но работающую систему управления страной, даже не задумываясь о том, как создать новую. Методом проб и ошибок они привели страну к анархии, а не к демократии.

На наш взгляд, можно выделить пять основных субъектов перестройки: «менялы», «идеалисты», «разрушители», «ТНК» и «мародеры-мифологи».

«Менялы» были главными действующими лицами перестройки, вместе с тем, как правило, находящимися в тени. Они осуществляли обмен «номенклатурного ресурса» бывшей властной элиты на «материальный ресурс» будущей. И вполне успешно справились с этой задачей: сегодня они и их помощники – главные действующие лица в стране.

Для **«идеалистов»** перестройка представлялась как культ идеи установления демократии любой ценой, без оглядки и четкого осознания последствий. К этому типу «субъектов», возможно, следует отнести основную массу советской интеллигенции, впавшей в состояние эйфории от «глотка свободы».

Для **«разрушителей»** перестройка явилась долгожданным актом завершения «холодной войны». И неслучайно З.Бжезинский, комментируя факт поражения СССР в этой войне и переживаемое Россией «смутное время», довольно точно охарактеризовал их как следствие разрушения «концепции бытия» русского народа.

Для **«транснациональных корпораций»** (ТНК) интерес к перестройке был связан прежде всего с желанием ослабить государство, контролирующее территории с гигантскими запасами энергетических и других ресурсов, а также нейтрализовать конкурента в области высоких технологий. Интересы этого субъекта также были достигнуты.

К внешним субъектам-«разрушителям» и ТНК примкнул наш внутренний подвид «субъектов» – **«мародеры-мифологи»**, которые стали продвигать систему разрушительных мифов: рынок сам себя отрегулирует; начальный капитал всегда образуется

преступным путем; административная система управления – это наш враг; все западные товары лучше отечественных и т. п. Они же при этом не упустили случая обогатиться в процессе разрушения страны.

Были ли другие субъекты перестройки? Безусловно, но их влияние не столь заметно.

Общий вывод таков: среди участников перестройки не оказалось субъектов российского развития. В итоге Россия стала жертвой очередного культа – культа светлой идеи «демократии». Естественно, демократия тут ни при чем. Она сама стала жертвой процесса, по сути своей разрушительного, прикрываемого красивыми лозунгами.

А сегодня мы получили новый культ: культ денег, обогащения и наживы, который, похоже, будет самым тяжелым испытанием для России.

Диагноз: бессубъектность российского развития

В начале века удалось добиться относительной социальной стабильности, укрепления «властной вертикали», сравнительно скромного и весьма неустойчивого экономического роста. Однако из системного кризиса страна не вышла.

Нарастающий поток угроз безопасности России обусловлен системной дезорганизацией государства и общества в целом. Отметим отдельные ее признаки:

– *государство не является четко выраженным субъектом управления и развития, не сформировало стратегию развития, понимаемую и принимаемую большей частью населения, не обеспечило нормальных условий жизни своим гражданам и соблюдения основных конституционных прав;*

– *существенную роль в управлении всеми сферами экономики и общественной жизни играют коррумпированные чиновники, криминал и другие асоциальные элементы;*

– *«средний класс» атрофирован, дезорганизован, не включен в реальные механизмы управления и развития;*

– *политические партии и движения в основной своей массе имеют бутафорский характер;*

– *общественные* (не политические) *образования слабо организованы* и практически не влияют на социальные процессы;

– *граждане* в подавляющем большинстве *социально пассивны*, имеют трудноразрешимые проблемы с самоидентификацией (государственной, этнической, семейной и др.).

Необходимы экстренные меры по повышению степени субъектности государства и одновременно по становлению гражданского общества в России. Такого рода процессы надо планировать и организовывать, а не надеяться на естественное их разворачивание, как это уже было с рыночной экономикой.

Самый трудный и драматический вопрос – о *субъектах* исторического действия, готовых взять на себя бремя и ответственность за осуществление намечаемых целей и задач. Имеется в виду наличие и реальное состояние тех общественных и политических субъектов или претендентов на статус таковых, которые не только выражают желание, но и обладают *волей*, чтобы осуществить проект на практике.

Надо лечить главную болезнь России – *бессубъектность*⁹. Эта болезнь поразила в той или иной степени всех основных участников реформационного процесса: государство, общественные и политические сообщества, социальные институты. Главные ее симптомы: блокировка рефлексии; неспособность адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться над нею, самоопределиться и самоидентифицироваться; отсутствие смелых, хорошо обдуманых «прорывных» идей и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать. Указанные симптомы «грубо и зримо» проглядывают в образе мышления и действий всех основных субъектов современной России, в том числе и власти, что достаточно точно фиксируется аналитиками.

Приходится констатировать, что после развала КПСС и разрушения хоть не самых эффективных, но работавших механизмов принятия и реализации государственных решений новых действенных механизмов управления страной, сложным общественным хозяйством создано не было.

Бессубъектность многолика и по-своему отражается на деятельности всех участников процесса российской трансформации.

Несмотря на огромные полномочия, весьма ограничены управленческие возможности у *высшего руководства* страны. В своей активности и инициативности оно явно стеснено высочайшим

уровнем коррупции во всех ветвях власти, а также очевидной неопределенностью поддержки его реформаторских усилий со стороны властных элит. Сформировано устойчивое мнение, что у руководства страны нет управленческой команды единомышленников, поэтому оно вынуждено часто идти за ходом событий, а не формировать и менять ситуацию в соответствии со своим видением и пониманием происходящего в стране. По этой же причине оно вынуждено большую часть своих сил тратить не на управление страной, а на регулирование отношений группировок во властной элите, конфликтующих за различные виды ресурсов. «Политическая вертикаль», созданная при «вертикали власти», в большей степени является инструментом чиновников, а не руководства страны. Основным властным ресурсом последнего остается относительно высокий рейтинг среди населения – ресурс важный и мощный, но, увы, переменчивый.

Российская *бюрократия*, бесспорно, могущественна и почти бесконтрольна. В этих условиях чиновничий аппарат, осознав свою автономность и независимость от общества, присвоил себе права и функции господствующего класса и правящей партии. Фактически снова сформирована новая несменяемая «номенклатура». Она более защищена от первого лица государства и от общества, чем при Сталине, Хрущеве и Брежневле. О такой райской жизни советские чиновники только мечтали. Любой из них, самый некомпетентный и проваливший порученные дела, остается в «номенклатуре».

Ротация кадров из общества блокирована, что приводит к возрастающей некомпетентности чиновников. Но такое положение не может длиться вечно. Оно опасно не только для общества, но и для самого государства, так как в силу бесконтрольности чиновничий аппарат стремительно криминализируется и подвержен широкой и глубокой коррупции. Это в сочетании с организованной преступностью и мощной «теневой» экономикой создает угрозу окончательной криминализации и государственных, и партийных, и ключевых общественных структур.

Многие чиновники, используя административный ресурс, попали в клан «новых богатых»; они охотно поддерживают союз крупного бизнеса и власти как в центре, так и на местах. Отсюда утрата чувства социальной ответственности за судьбу реформ и страны.

Бюрократия и сотрудничающие с нею властные элиты не заинтересованы в серьезных изменениях и переменах в стране. Для них, выросших в условиях полузакрытой экономики режима «мутной воды», любые изменения «вправо» или «влево» – угроза нынешнему привилегированному положению. Это хорошо чувствуют и выражают в своей деятельности так называемые «партии власти», имитирующие бурную деятельность по сути на пустом месте, вчера цепко державшиеся за Ельцина, сегодня – за Путина и Медведева.

В полной мере признаками бессубъектности в контексте российского развития обладают и другие акторы социально-политической сферы трансформационных изменений в нашей стране.

Российское *бизнес-сообщество* разделено на две совершенно различные по интересам группы. Первые хотят строить свой бизнес в России на перспективу и передать его детям – это представители национально ориентированного бизнеса. Вторые ориентируются на скорейшую прибыль, отсутствие долгосрочных инвестиций и вывоз капитала. Их конечной целью является продажа своих активов международным корпорациям и собственная «легализация» на Западе.

Очевидно, что первые могут стать активными субъектами инновационного развития, а вторые ориентированы на быстрый бизнес и в таковом не заинтересованы. Более того, вторые заинтересованы отсрочить перспективу объединения снизу патриотической волны с национально ориентированным бизнесом. Между тем сегодняшние условия фактически благоприятствуют иностранным производителям и международному финансово-торговому капиталу, способствуют их конкурентной победе над отечественным предпринимателем и посредником. Российские предприниматели пока демонстрируют опасную беспечность перед нашествием «икей», «патерсонов», «рамсторов», «ашанов» и проч.

Бессубъектность населения и механизмы ее формирования. По словам одного из ведущих социологов ВЦИОМ В.В.Петухова, русские последние несколько лет переживают острый экзистенциальный кризис, не понимают, для чего и зачем им жить. Когда шла борьба за повседневное выживание, было не до души, но стоило ситуации улучшиться – резко повысился интерес к проблемам смысла жизни¹⁰. Без решения этих проблем нет оснований ожидать активности людей, направленной на инновационное развитие, самоопределения населения в качестве его субъекта.

По данным Левада-Центра, оценки гражданами России степени своего влияния на то, что происходит в стране, таковы: 62 % – никакого влияния; 35 % – крайне слабое; 3 % – довольно большое. Лишь примерно половина граждан ощущает хоть какую-то ответственность за все то, что происходит в стране¹¹.

При грамотном подходе идея инновационного развития могла бы послужить основой для формирования проектной идентификации населения и его мобилизации на ее воплощение в жизнь. Позитивные примеры такого подхода имеют место в отдельных регионах России.

Результаты конкретных эмпирических исследований, выполненных в Институте психологии РАН (ИП РАН) с помощью преимущественно качественных методов фокус-групп, анализа отдельных случаев и ассоциаций, экспресс- и глубинного интервью, беседы, контент-анализа и др., свидетельствуют: большинство изучавшихся социальных групп российского общества, выделенных по признакам пола и возраста, характера занятости и семейного положения, отношений собственности и имущественного статуса, типа поселения и региона проживания и т. д., находятся на уровне *предсубъектности*¹². Не соответствуют основным признакам и свойствам коллективного субъекта следующие: проявление социальной активности и инициативности, социальной ответственности; недостаточны степень самоорганизации и самоуправления; отсутствуют навыки и опыт совершения согласованных групповых действий; доминирует относительная автономность, самостоятельность и самодостаточность; невысока групповая саморефлексивность; слаба открытость для внутригруппового или межгруппового взаимодействия и др.

Для преодоления бессубъектности населения надо осознать механизмы ее формирования и обеспечить их нейтрализацию. Как это ни прискорбно для властной элиты, следует признать, что бессубъектность населения в значительной степени сформировалась под воздействием государства в лице коррумпированных чиновников.

Во-первых, наблюдается последовательное принципиальное расхождение реальных действий исполнительной власти с целевыми стратегическими ориентирами, выдвигаемыми Президентом Российской Федерации. Причем именно с теми, которые ожидает и которые одобряет большая часть населения

страны: забота о наименее защищенных слоях населения, стимулирование и поддержка становления гражданского общества, возрождение российской науки, перевод России с сырьевого на инновационный путь развития и др. Так было при В.В.Путине, так есть и при Д.А.Медведеве.

Во-вторых, государство убедительно доказало населению, что, последовательно действуя в интересах узкой группы лиц, оно решает свои задачи в основном за его счет. Эта политика проводилась и проводится планомерно, начиная с первых акций по фактической ликвидации личных накоплений и до сегодняшнего дня: государство постепенно перекладывает на плечи населения плату за основные виды социальных услуг, при этом крайне бережно относясь к присвоенным узким кругом лиц национальным богатствам. Обществу вызывающе демонстрируется и неприкосновенность лиц, совершивших преступления перед народом, и беззащитность населения перед государством.

В-третьих, в государственной машине доминирует официально отвергнутая населением идеология неолиберализма, чуждая традиционным российским ценностям, проповедующая насаждение индивидуализма и культа денег¹³.

В-четвертых, через манипулятивные механизмы политического PR и СМИ планомерно осуществляется оболванивание населения, превращение избирателей в бездумные «голосовательные автоматы» за кандидатов и партии, которые как правило, не имеют обоснованных программ и стратегий¹⁴.

В-пятых, спорадически происходит организация разовых «для галочки» мероприятий по стимулированию механизмов построения гражданского общества, которые приносят больше вреда, чем пользы, формируя у населения адекватные представления об истинных целях организаторов этих мероприятий.

Для большинства граждан России реальным стимулом формирования субъектности может стать ориентация на достижение характеристик качества жизни, свойственных среднему классу. Это относительно высокое материальное положение; высокий социально-профессиональный статус (высшее или среднее специальное образование, стабильная, достаточно интересная работа); самоидентификация (ощущение самодостаточности, принадлежности к активной части российского общества). В настоящее время

лишь 6,9% российских семей обладают всеми названными тремя признаками, а двумя – 20% населения страны. В наиболее развитых странах средний класс составляет 70% населения.

Крайне желательно, чтобы в русле инновационных процессов, относящихся к классу социальных, в первую очередь попали мероприятия, направленные на решение двух приоритетных проблем.

Первой является формирование у всех слоев населения социально положительных потребностей, ценностей и целей. Для этого необходимо разработать основы политики улучшения менталитета населения в соответствии с принципами гражданского общества и социального государства, создать соответствующий механизм воздействия институтов государственной власти на средства массовой информации и организации, входящие в сферу образования и культуры (общественные или попечительские советы и др.).

Вторая заключается в создании реальных и равных возможностей для всех молодых людей самореализоваться в той или иной сфере социально позитивной деятельности в соответствии со своими наклонностями и способностями, но в условиях честного соревнования с возможными конкурентами¹⁵.

Для преодоления болезни бессубъектности необходима консолидация всех созидательных сил общества, готовых принять активное и конструктивное участие в осуществлении проекта создания процветающей России.

Готова ли «вертикаль власти» стать субъектом инновационного развития?

В последние годы властная элита внушает обществу, что она занята решением задачи, самой актуальной для России, – построением «вертикали власти».

Задумка хорошая, «никто не против», все за то, чтобы государственная машина была хорошо управляема, чтобы были сильными государство и общество. Поступают рапорты об успехах укрепления «вертикали власти», но настроение отнюдь не оптимистическое. Почему? Нет реальных изменений в лучшую сторону. Наблюдаются продолжающееся вымирание россиян, дальнейший

развал образования и науки, отсутствуют яркие успехи в инновационной сфере, продолжается последовательный курс на превращение России в сырьевой придаток развитых стран.

Одни политтехнологи все чаще утверждают, что именно они превратили Государственную Думу в послушную пристройку «вертикали власти», создали «политическую вертикаль». Другие пытаются успокоить общество «каплями демократии», создают «общественную вертикаль» как очередную пристройку к «вертикали власти».

Глубинные причины лежат в том, что сегодня Россия стоит перед необходимостью преодолеть тяжелый комплексный кризис и найти модель своего развития, специфичную ровно в той мере, в какой специфичной является она сама. Чтобы это произошло, требуется разработать «концепцию бытия» и стратегию развития, понятную и приемлемую для большинства граждан современной России

Способна ли создаваемая «вертикаль власти» решить эту проблему – разработать стратегию инновационного развития, обеспечивающую достойную жизнь населению и могущество государства Российского? В состоянии ли она мобилизовать общество на ее реализацию? К сожалению, ответ на эти вопросы пока отрицательный.

Создаваемая «вертикаль власти» задумывалась для решения тактических задач и поэтому не способна решать стратегические проблемы.

Она в значительной своей части – не вертикаль власти, а *горизонталь предклонения перед силой денег*. И пока этот культ не будет преодолен, она будет действовать в его интересах. Зачем что-то менять коррумпированному чиновнику? Зачем лишаться сложившихся персональных финансовых потоков от нефти, газа, металла, леса и других «источников доходов»? Ведь развитие потребует высококвалифицированных управленцев, а подавляющую часть действующих некомпетентных чиновников сдует ветром перемен с насиженных мест. И неизбежно встанет вопрос: кто незаконно обогатился на развале могущественной страны, обнищании и вымирании народа?

Цель коррумпированных чиновников – стабилизировать нынешнее состояние, не дать выйти стране из того тупика, в который она зашла. Инновации не просто не нужны, а вредны и опасны для

этого класса: развитие и высокие технологии, необходимые для инновационного развития России, потребуют другой элиты. Эту придется тем или иным способом «отодвинуть».

Развитие нуждается в ресурсах, а в условиях развала обрабатывающей промышленности эти ресурсы придется брать в добывающем секторе, перераспределять гигантские финансовые потоки.

Интересы ориентированных на экспорт производителей и их услуги самым тесным образом связаны с другими центрами силы – американским, китайским, исламским или европейским. Они обслуживают и поддерживают иные цивилизационные проекты в отсутствие собственного, российского проекта развития. Если он появится и будет всерьез реализовываться, это заставит переоценить прошлое и рассматривать его в совершенно другом контексте, переосмыслить настоящее и, что ещё более важно, увидеть другое будущее, другую реальность, конец нынешнего безвременья.

Во-вторых, созданная «вертикаль власти» в принципе не способна к разработке стратегии российского развития. В ней просто отсутствуют стратегические субъекты. Они в ней и не предусмотрены, так как неминуемо порождают ту «прозрачность», которая совсем не нужна коррумпированным чиновникам.

Поэтому не должны удивляться радеющие за интересы России идеалисты тому, что наука полностью отстранена от реальных механизмов управления. Прикормленные же политтехнологи – это тактики, а не стратеги, они нужны для ситуационного манипулирования общественным сознанием.

В-третьих, «вертикаль власти» только кажется управляемой по вертикали. Это иллюзии: в принципе управляемость при высоком уровне коррупции чиновников невозможна, ибо в этом случае финансовые интересы отдельных групп и ведомств доминируют над интересами государства и общества. То же самое распространяется и на координацию по горизонтали, что мы наблюдаем, например, в никак не выходящей из «тени» экономике.

Есть ли в России стратегические центры инновационного развития?

Сегодня в России существует множество разнообразных по форме и ориентации интеллектуальных центров, но их влияние на инновационное развитие страны явно недостаточное. Почему?

Во-первых, государство, в лице коррумпированных чиновников, не заинтересовано в разработке стратегии инновационного развития России, а следовательно, в создании стратегических центров. Между тем в мировой практике государственного управления негосударственные (общественные, некоммерческие и коммерческие) структуры активно привлекаются к разработке стратегических проблем.

Так, в США существуют многочисленные «фабрики мысли» (включая RAND), допущенные к решению самых важных государственных стратегических проблем; в некоторых европейских странах привлечение негосударственных организаций к экспертизе и проработке стратегических проектов определено законодательно.

Во-вторых, отсутствует государственная идеология и стратегия инновационного развития России, что затрудняет процессы формирования и самоопределения стратегических центров, координацию работы, а также адекватную оценку их деятельности, провоцирует создание в стране альтернативных центров, финансируемых из-за рубежа и действующих в интересах стратегий других государств и международных групп.

В-третьих, скрыто насаждается неолиберальная идеология, противоречащая базовым российским цивилизационным ценностям, что способствует появлению «придворных» стратегических центров, нацеленных на манипулирование общественным сознанием в интересах коррумпированных чиновников и финансовых группировок. Такого рода «стратегические центры», руководствующиеся стремлением к наживе, легко переключаются на решение любых проблем, лишь бы платили.

В-четвертых, так называемая «советская интеллигенция» оказалась неспособной к самоопределению и самоорганизации.

В-пятых, развал науки и образования обусловил дефицит кадров для стратегических центров.

С целью выявления основных типов последних в России нами была осуществлена экспертная оценка ряда центров. Анализ полученных данных позволяет выделить три их основных типа: целеустремленные стратегические; проектно-технологические стратегические; интеллектуальные стратегические клубы¹⁶.

Первые постоянно ищут общие устойчивые стратегические ориентиры, наличие которых позволяет стимулировать общество и государство стать на путь инновационного развития, успешно защищаться от внешних влияний и попыток перехвата управления. Они стремятся к достижению поставленных целей через организацию проектной деятельности, выступая в качестве инициаторов и стимуляторов проектов, претендуют на роль центров инновационного развития.

Вторые напоминают западные «фабрики мысли». Отсутствие четко осознанных стратегических целей не позволяет им строго придерживаться пророссийской позиции. Они главным образом занимаются выполнением заказных работ в соответствии с принципом «кто платит, тот и заказывает музыку». Цель, сформулированная заказчиком, оправдывает используемые для ее достижения средства. Выражаясь в терминологии В.А.Лефевра¹⁷, эти центры обладают второй этической системой. Совмещение добра и зла оценивается как добро. В современной России такой стиль обеспечивает портфель заказов и широкие возможности для лоббирования интересов. Как следствие, такие центры крайне слабо защищены от внешних манипулятивных воздействий. Их позитивная черта – концентрация сил на технологии решения разнообразных социальных задач, более широкая ресурсная база, чем у центров других типов.

Интеллектуальные стратегические клубы концентрируются на рассмотрении наиболее сложных проблем, в том числе и стратегических проблем общества и государства. Как правило, они не занимаются проектной деятельностью. Основная цель их работы – стимулировать рефлексивные процессы в общественном сознании и способствовать становлению консолидированной позиции интеллектуальной элиты; их позитивная черта – коллегиальное рассмотрение проблем с разных точек зрения.

Разнообразие стратегических центров делает актуальной проблему их сетевой организации. Целеустремленные стратегические центры могут рассматриваться как системообразующие;

это разработчики стратегических ориентиров и проектов, главные функциональные единицы сетевой организации. Проектно-технологические стратегические центры могли бы выступить в качестве ведущих интеграторов технологий, а интеллектуальные стратегические клубы – в качестве независимых аналитических структур, генераторов нестандартных идей, а также как проводники воздействия на общественное сознание.

Пока неясно, кто займется координацией, стимулированием и поддержкой механизмов сетевой самоорганизации. Для решения этих проблем нужны стратегические центры нового типа и новые формы их взаимодействия с государством.

Технологии «управляемого хаоса» – механизм формирования бессубъектности российского развития

В последние десятилетия все чаще приходится констатировать формирование в крайне короткие сроки бессубъектности развития в различных странах мирового сообщества: Чили, России, Украины, Грузии, Афганистане, Ираке, Косово и др. Причины ее возникновения в каждом конкретном случае имеют свою специфику, однако во всех случаях просматриваются некоторые общие черты, которые можно объединить в рамках «концепции управляемого хаоса». Происхождение этой концепции обусловлено тем, что США под предлогом привнесения «демократии» во все регионы настойчиво перестраивают на свое усмотрение мир, не гнушаясь для достижения целей прибегать к созданию в «непослушных-недозревших» странах и регионах режима «управляемого хаоса».

Организаторы «управляемого хаоса» ориентируются, на наш взгляд, на достижение двух основных целей: перехват управления в стране или регионе и блокирование потенциальной и реальной способности к развитию, прежде всего инновационному¹⁸.

Фактически «концепция управляемого хаоса» – это новая форма колониальной политики, превращение ряда стран в обслуживающий придаток избранных государств, например, «золотого миллиарда». При этом предполагаются и реализуются неравноправные, грабительские отношения товарообмена и присвоения собственности «колоний». В конечном итоге результатом приме-

нения «концепции управляемого хаоса» является организация бес- субъектности в стране или регионе, на которые направлены воз- действия организаторов «управляемого хаоса».

Проведенный нами анализ позволил выявить эскиз обобщен- ной схемы данной концепции:

1. Предварительная подготовка к организации «управляемого хаоса», предпочтительно в условиях возникновения острых поли- тических и экономических кризисов.

2. Организация «управляемого хаоса».

3. Формирование новой организованности для внешней управ- ляемости.

4. Частичная потеря внешней управляемости.

5. Антикризисная самоорганизация или дальнейшая коло- низация?

Сегодня в России исследованы и обозначены механизмы появ- ления болезни бессубъектности и разрушения государственности. Это внешний перехват инициатив в реформировании отечествен- ной экономики путем некритического использования западных моделей, неадекватных российским условиям; доминирование сырьевой ориентации; создание режима благоприятствования для бурного роста коррупции в системе государственного управления, для проникновения в него финансово-промышленных группиро- вок и криминальных структур; ангажирование отдельных лидеров российской системы управления и их использование для управ- ления страной извне; навязывание либерального императива не- вмешательства государства в социальное строительство в качестве гаранта неотвратимости подлинно демократических преобразова- ний и д. Все рассмотренные признаки вписываются в механизмы «концепции управляемого хаоса».

Рассмотрим примеры реализации технологий «концепции управляемого хаоса» в России с 90-х гг. до настоящего времени.

Предварительная подготовка к организации «управляемого хаоса». Десантирование команды «чикагских мальчиков»¹⁹, фор- мирование сети агентов влияния для обеспечения процессов орга- низации хаоса и последующего перехвата управления.

Организация «управляемого хаоса». Для выявления техноло- гий формирования бессубъектности через организацию «управ- ляемого хаоса» рассмотрим эти процессы в контексте их влияния

на базовые качества субъектов: целеустремленность, рефлексия, свобода, развитие. Приведем примеры технологий, направленных на разрушение базовых качеств субъектности в России.

Нейтрализация целеустремленности:

– разрушение сложившейся и как-то работающей системы управления страной (в отличие от КНР, которая перешла к рыночной экономике, не сломав существующую систему управления).; – актуализация системы мифов: «рынок сам все отрегулирует», «административно-командная система – это зло», «все западные товары лучше отечественных» и др.²⁰.

Блокировка рефлексии:

– массовый экспорт культовых организаций (образовательных, например, «Лайф Спринг» и др.; религиозных, например, сайентология и др.)²¹;

– экспорт политических технологий «блокировки рефлексии» в избирательные кампании²²;

– ангажирование СМИ и ведущих дикторов;

– превращение СМИ в субъектов рыночной экономики²³;

– насаждение примитивной массовой культуры²⁴.

Ограничение свободы влияния на события:

– широкое внедрение манипулятивных технологий в избирательные кампании (известны случаи прихода к власти партий, фактически не имеющих программ)²⁵;

– насаждение неолиберальной идеологии, а как следствие индивидуализма и «атомизации» общества;

– насаждение культа денег и системы примитивных ценностей (предложенная З.Бжезинским технология разрушения концепции бытия)²⁶;

– свертывание независимых СМИ;

– стимулирование сверхвысокой коррупции и криминализации общества.

Ограничение возможностей развития:

– разрушение отечественной науки и образования (например, деятельность Д.Сороса и др.);

– грабительская приватизация «по Чубайсу» по рекомендации «чикагских мальчиков» из Гарварда;

– вовлечение в грабительский вариант кредитной зависимости от международных финансовых систем;

– продажа за бесценок стратегических предприятий, в том числе и иностранным гражданам, и последующее свертывание их деятельности.

Как следствие системного воздействия на базовые качества субъектности в России была сформирована бессубъектность развития, и прежде всего инновационного. Для восстановления субъектности необходимо (но не достаточно) воссоздание соответствующих базовых качеств²⁷.

Формирование новой организованности для внешней управляемости. После выполнения основных задач «управляемого хаоса» – формирования бессубъектности управления и развития – были созданы благоприятные условия для создания «ручной властной элиты». Приведем примеры технологий работы с ней:

- активное использование и лоббирование заранее сформированных и ангажированных представителей властной элиты;
- мониторинг их зарубежных счетов;
- мониторинг финансово-экономических нарушений представителей властной элиты;
- активное массовое включение последних в контролируемые сетевые западные структуры (Ротари Клуб, People to People International, фонд Маршалла и др.).

При этом продолжалась активная работа по дальнейшему «оболваниванию» населения:

- дальнейшее насаждение примитивной массовой культуры (телепередачи «Дом-2» и др.);
- блокирование законопроектов по наведению порядка в информационной сфере (законопроекты «Об информационно-психологической безопасности», «О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию» и др.);
- дальнейший развал науки и образования и др.

Частичная потеря внешней управляемости. Условия «управляемого хаоса», способствуя формированию высочайшей коррупции, создают также предпосылки бесконтрольного усиления властной элиты, которая в какой-то момент начинает стремиться к повышению уровня своей самостоятельности. Этому, в частности, способствовали следующие факторы:

- осознание самодостаточности властной элиты;

- осознание потенциальных личных проблем при развале страны;
- озабоченность сохранением своих материальных активов;
- угрозы мирового финансово-экономического кризиса;
- ослабление внешнего управляющего.

Как следствие наблюдается повышение самостоятельности властной элиты. В частности, это проявилось в активном предотвращении агрессии Грузии против Южной Осетии, в разработке стратегических планов до 2020 г., в жесткой позиции в «газовой войне», в резком расширении состава партнеров в экономической и военной сфере и др.

Антикризисная самоорганизация или дальнейшая колонизация? Мировой финансово-экономический кризис в определенной степени отвлекает внимание Запада от России и способствует созданию благоприятной ситуации для восстановления субъектности инновационного развития. У страны появляется шанс вырваться из «объятий» стратегов «управляемого хаоса».

Сможем ли мы им воспользоваться и стать одним из лидеров инновационного развития? Если нет, то нам уготована участь сырьевого придатка, фактически статус колонии.

Потенциальные субъекты инновационного развития России

В процессе перехода к постиндустриальному обществу, в условиях расширения международной и межрегиональной кооперации объективно формируются и начинают активно заявлять о себе новые стратегические субъекты инновационной и научно-технической политики. Еще сравнительно недавно единственным субъектом, определяющим перспективные направления научно-технического прогресса, приоритеты в области высоких технологий, было государство в лице своих профильных министерств и ведомств. Сегодня ситуация резко изменилась: в качестве активных и в известной мере самостоятельных субъектов инновационной политики начинают выступать российские регионы, крупные корпорации, наукограды и муниципальные образования, где имеется значительный научный, кадровый и технологический потенциал²⁸.

Это в значительной мере усложняет и переводит на иной качественный уровень управление инновационным процессом. Возникает необходимость интегрировать и согласовывать интересы и целевые установки различных субъектов инновационной деятельности, среди которых не только администрации различных уровней, но и предприятия малого и среднего бизнеса, академические и отраслевые научные организации. При этом значительно возрастают информационные потоки, сокращается время, необходимое для принятия квалифицированных управленческих решений, меняются требования к качеству и квалификации самого управленческого персонала.

Очевидно, что в решении стратегических вопросов инновационного развития должен быть задействован коллективный интеллект, мощные, как правило, распределенные аналитические и экспертные системы. Точные прогнозы в экономической и научно-технической сфере, объективная информация об исследованиях и разработках, развитая практика независимой экспертизы – все это средства реального влияния на инновационные процессы и управления ими.

В сущности, есть множество потенциальных кандидатов на роль субъектов инновационного развития, которые могут обрести вес, влияние и определить сценарий движения в будущее. И у них тоже есть весьма серьезные интересы для того, чтобы следовать по инновационному пути. Обратим внимание на эти группы и их возможные интересы, которые могут быть удовлетворены в ходе инновационного развития²⁹.

– *Сырьевики*. Объективно в перспективе 10–15 лет, не говоря о более длительных сроках, эта группа заинтересована в том, чтобы сохранить доставшиеся им ресурсы и собственные капиталы от посягательств зарубежных и отечественных претендентов. Это предполагает дееспособную армию и спецслужбы, которые остро нуждаются в модернизации на новой социальной и технологической основе; требуется и существенно отличающийся от нынешнего госаппарат. При коррупции, нелегальный объем, которой сравним, по оценкам руководителей Генеральной прокуратуры, с бюджетом страны, рассчитывать на поддержку государства, без которой крупному бизнесу не обойтись, не приходится. Поддержка же эта нужна и внутри (достаточно вспом-

нить «феномен Ходарковского»), и вовне: сохранение крупных капиталов за рубежом гарантирует только собственное достаточно сильное государство.

– *Крупные предприниматели, работающие в обрабатывающей промышленности и оборонном комплексе.* Именно эта группа может быть крайне заинтересована в росте своего влияния, неразрывно связанного с развитием. В самом деле, Россия продает вооружений примерно на 8 млрд. долларов в год, а Индия программного обеспечения примерно на 40 млрд. Огромные потенциальные возможности нашей страны не используются. Оборонный комплекс откатывается назад – армия в течение многих лет не закупала в заметных объёмах современного оружия. Оборонный комплекс стареет и деградирует: знаковое событие – возврат Алжиром купленных им российских истребителей. Эта группа жизненно заинтересована в реальном развитии, а не в «бумажном» продвижении высоких технологий. Пока эта часть элиты слаба и дезорганизована, но инновационное развитие может изменить её место и роль в социальной структуре.

– *Научно-техническая интеллигенция, работники высокотехнологического сектора.* В начале реформ академик Н.Н. Моисеев именно с этой социальной группой связывал надежды на возрождение России. Он оценивал её численность примерно в 10 миллионов человек. В случае демодернизации, архаизации социальной и технологической структуры эта социальная группа уничтожается и теряет всё. Она, точнее, её остатки жизненно заинтересованы в инновационном развитии. Проблема состоит в том, что эта группа распылена, дезорганизована, пока неспособна к рефлексии своего состояния, социальному проектированию, осознанию и защите своих интересов.

– *Силовики.* В кризисные, переломные периоды развития во многих странах армия брала на себя ответственность за вывод страны из кризиса. Основой российского суверенитета в последние 20 лет было и остаётся обладание ядерным оружием. Роль военного руководства была весьма велика в Советском Союзе. К сожалению, меры по развалу оборонного комплекса и снижению военно-стратегического потенциала страны не получили адекватной оценки. В то же время реализация проекта инновационного развития потребует возможности отстаивать свои национальные

интересы. Учитывая тяжёлую демографическую ситуацию, негативное отношение значительной части общества к армии, резкое сокращение числа военнослужащих, приходится планировать её возрождение на новой технологической и социальной основе. Во многом нужно заново формировать военное сословие. Время достижения своих целей военными средствами не прошло: по оценкам американского экономиста, Нобелевского лауреата Джозефа Стиглица объём прямых и косвенных расходов на войну в Ираке составил более 3-х триллионов долларов; в результате этой самой дорогой войны в истории погибло более 1 млн. иракцев. Поэтому развитие может и должно иметь весьма существенную военную компоненту, нужно повысить также качество, роль и значение военного руководства страны.

– *Банковские структуры.* Сегодня они начинают проявлять активность в создании инфраструктурных образований по комплексной поддержке инновационной деятельности. Причина в осознании угроз потери бизнеса при энерго-сырьевом и инерционном сценариях развития, а также в видении перспектив банковского бизнеса при переходе страны на инновационный курс развития.

– *Предприятия малого и среднего бизнеса в инновационной сфере.* Для них торможение перехода на инновационный курс развития грозит полным вымиранием.

Можно обратить внимание на другие социальные группы, прямо или косвенно заинтересованные в инновационном сценарии развития России, и прежде всего молодежь, однако эти интересы к настоящему времени не осознаны в достаточной степени, не от-refлексированы, они не стали основой для политических решений и конкретных действий. Дежурные слова об инновациях, венчурных фондах, эффективном использовании человеческого и научно-технического потенциала страны повторяются как привычные заклинания в течение 15 лет, не воплощаясь в конкретные дела.

Лидером в процессах сборки субъектов российского развития могла бы выступить формируемая в стране инновационная элита³⁰.

Выводы

Страна располагает относительно небольшим ресурсом времени для продолжения поисков выхода из кризисного состояния. В этой связи нельзя рассчитывать на стихийное формирование механизмов развития.

Без консолидации всех ветвей власти и интеллектуально-духовной элиты общества переход на инновационный путь российского развития обречен на провал. Нужны новые высокие гуманитарные технологии и проекты сборки субъектов российского развития. Эти сложные проблемы бросают вызов интеллектуальным силам России.

Примечания

- ¹ Выступление В.В.Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года», 8 февраля 2008 г., г. Москва, Кремль, <http://president.kremlin.ru>
- ² *Глазьев С.Ю.* Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов. М., 2007.
- ³ *Глазьев С.Ю.* О стратегии и концепции социально-экономического развития России до 2020 // Экономические стратегии. 2008. № 3. С. 34–39.
- ⁴ Основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020–2030 гг. / Приложение к Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. МЭР РФ, август, 2008 г.
- ⁵ Например, в планах Правительства не стыкуются меры в сфере производства и потребления новой техники. С одной стороны, говорится о приоритетности развития гражданского авиастроения, а с другой стороны, принимаются решения о закупке контролируемых государством авиакомпаниями иностранных самолетов и освобождении их ввоза от импортных пошлин. Аналогичные примеры можно привести и в других отраслях. Так, государство тратит десятки миллиардов рублей на закупку иностранных лекарств при наличии более дешевых отечественных аналогов. Контролируемые государством энергетические корпорации вкладывают миллиарды долларов в закупку иностранного оборудования при наличии более конкурентоспособных отечественных аналогов и т. д.
- ⁶ *Лепский В.Е.* Проблемы субъектов российского развития // Рефлексивные процессы и управление. 2006. № 2. Т. 6. С. 5–20; Проблема субъектов российского развития: Материалы Междунар. форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16–19 окт. 2006 г. Звенигород / Под ред. В.Е.Лепского. М., 2006. <http://www.reflexion.ru/Library/Book2006.pdf>

- 7 *Ленский В.* Субъекты перестройки и перестройка субъектов // Перестройка: Двадцать лет спустя / Сост. В.И.Толстых. М., 2005. С. 81–88. <http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky/2005a.doc>
- 8 *Кара-Мурза С.Г.* Подрыв рационального мышления и рефлексивное управление // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 2. С. 16–34. <http://www.reflexion.ru/Library/Kara-Murza2003.doc>
- 9 *Ленский В.Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 5–23. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm
Ипполитов К.Х., Ленский В.Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 1. С. 5–27. http://www.reflexion.ru/Library/Ippol_2003.htm
- 10 *Козлов И.Д., Леонова Ю.С., Немкова О.В., Побываев С.А.* Чистая вода или глаз тайфуна? // Экономические стратегии. 2007. № 7. С. 48–55.
- 11 *Агеев А.И.* Зов истории // Экономические стратегии. 2007. № 1. С. 7.
- 12 *Журавлев А.Л.* Большие социальные группы как коллективные субъекты: постановка проблемы и направления исследования // Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Препринт под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. М., 2007. С. 12. <http://www.reflexion.ru/Library/Preprint2007.pdf>
- 13 *Ипполитов К.Х., Ленский В.Е.* О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 1. С. 5–27. http://www.reflexion.ru/Library/Ippol_2003.htm
- 14 Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний / Под ред. А.В.Брушлинского, В.Е.Лепского. М., 1999; *Ленский В.Е.* Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний – стратегия оздоровления общества // Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний. М., 1999. С. 6–23.; *Ленский В.Е.* Рефлексивный анализ политического PR в России: аспект построения гражданского общества // Рефлексивное управление: Сб. ст. Междунар. симпоз. 17–19 окт. 2000 г., М., 2000. С. 169–179.
- 15 *Зараковский Г.М.* Инновационные процессы в России и качество жизни населения // Рефлексивные процессы и управление. 2007. № 2. С. 34–44.
- 16 *Ленский В.Е.* Стратегические центры России // Экономические стратегии. 2004. № 7. С. 66–68. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_Centre.doc
- 17 *Лефевр В.А.* Алгебра совести / Пер. с англ. М., 2003.
- 18 В частности, осуществление структурной перестройки общества, приватизация общественных богатств в своих интересах, превращение объектов воздействия в ресурсный придаток и рынок продуктов высоких технологий и др.
- 19 *Кляйн Н.* Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М., 2009.
- 20 Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16–19 окт. 2006 г., Звенигород / Под ред. В.Е.Лепского. М., 2006. <http://www.reflexion.ru/Library/Book2006.pdf>
- 21 *Ленский В.Е., Степанов А.М.* Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59–72. http://www.reflexion.ru/Library/J2002_2.pdf

- 22 Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний. *Лепский В.Е.* Рефлексивный анализ политического PR в России: аспект построения гражданского общества. С. 169–179.
- 23 *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2 т. Т. 1: Телевизионные и рекламные коммуникации / Под ред. А.И.Донцова, Я.Н.Засурского, Л.В.Матвеевой, А.И.Подольского. М., 2002. С. 19–29. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2002_b.doc
- 24 *Емельянов Г.В., Лепский В.Е., Стрельцов А.А.* Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3. С. 47–51. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_1999_d.htm
- 25 Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний / Под ред. А.В.Брушлинского, В.Е.Лепского. М., 1999.
- 26 *Ипполитов К.Х., Лепский В.Е.* О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 1. С. 5–27. http://www.reflexion.ru/Library/Ippol_2003.htm
- 27 Проблема субъектов российского развития. <http://www.reflexion.ru/Library/Book2006.pdf>
- 28 *Провинцев П.М.* Новые требования к системе управления инновационным процессом // Рефлексивные процессы и управление. 2007. № 2. С. 64–68.
- 29 *Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г.* Пятое «И» или вариации на темы развития // Рефлексивные процессы и управление. 2007. № 2. С. 44–64.
- 30 *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М., 2009. <http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2009s.pdf>

Актуальность проблемы сборки российских субъектов в инновационном, технологическом, образовательном пространстве

Единство, – возвестил оракул наших дней,
– Быть может спаяно железом лишь и
кровью...
Но мы попробуем спаять его любовью,
– А там увидим, что прочней...

Ф.И.Тютчев

Уже почти 10 лет президент и премьер России призывают к технологическому перевооружению страны, к модернизации, к инновационному развитию. В 2001 г., в бытность президентом, В.В.Путин во время встречи с руководством РАН 3 декабря поставил перед научным сообществом России две задачи.

Независимая экспертиза государственных решений, прогноз и отработка мер по предупреждению бедствий, кризисов и катастроф в природной, техногенной и социальной сферах.

Отработка сценариев перевода страны от «экономики трубы» к инновационному пути развития.

Трудно, особенно сейчас, сомневаться в своевременности и дальновидности постановок этих задач. В самом деле, мировая практика показывает, что каждый рубль, вложенный в прогноз и предупреждение аварий, позволяет сэкономить от 10 до 100 рублей, которые потребовали бы ликвидация или смягчение последствий уже произошедших бед. Решение этой задачи не только гуманно, но и очень выгодно для общества в целом.

Более того, и ресурсы, и научный, и кадровый потенциал, и необходимые денежные средства в докризисные времена для этого были. В 2002 г. Институт прикладной математики им. М.В.Келдыша РАН (ИПМ), поддержанный десятью другими академическими институтами, выступил с инициативой создания *Национальной системы научного мониторинга опасных явлений и процессов в природной, техногенной и социальной сферах*. Однако

подобная система так и не была создана. В необходимом масштабе политическое решение, принятое Президентом РФ, не нашло поддержки ни в правительстве, ни в Академии.

В той же, а может быть, и в большей степени это относится и к инновациям.

Поэтому можно сделать вывод, что общество, элиты, государственный аппарат не готовы к решению ряда жизненно важных для страны задач. После знаковых катастроф 2009 г. – аварии на Саяно-Шушенской ГЭС, крушения «Невского экспресса», пожара в Перми – становится ясным, насколько глубок социальный, управленческий, моральный, рефлексивный кризис, в котором оказалось российское общество. Поэтому естественно анализировать происходящее и ожидающее нас с позиций теории рефлексивного управления.

Говоря кратко, дело в «социальной шизофрении», в вытеснении, нежелании видеть объективно неприятную, шокирующую реальность и вытекающую из нее безрадостную перспективу. Дело в нежелании связывать необходимые, назревшие перемены страны и региона со своими конкретными действиями, с отсутствием социального субъекта, имеющего потребность, желание и возможности менять реальность в соответствии с коренными интересами большинства населения, готовым управлять «для будущего и из будущего».

Взгляд с метауровня

Не думаю, что даже сейчас мы абсолютно трезво осознали, что произошло. С одной стороны, чем больше государство берет на себя функций контроля, тем больше взятки. С другой – уменьшение контроля не гарантирует повышение безопасности.

О. Чиркунов, губернатор Пермского края

Мы видим, что вопросы модернизации России, её инновационного развития, эффективного решения социально-экономических проблем, очевидно, не имеют решения на том уровне, на котором они ставятся. Двадцать лет риторических вопросов и бесплодных попыток что-либо улучшить в процессе реформирования в этом

ясно убеждают. Следовательно, в соответствии с принципами теории рефлексивного управления вопрос следует ставить на более высоком – *метауровне*¹. Чтобы это сделать следует осознать, что же происходит в стране.

Холодная гражданская война и кризис жизнеустройства

Анализ государственных докладов ряда министерств и ведомств России, чрезвычайных ситуаций и знаковых событий последних лет убеждает, что в стране идет «холодная» *гражданская война*. В ходе этой войны происходит деградация большинства населения страны, сокращение его численности, ликвидация ряда ключевых отраслей промышленности и оборонного комплекса, сужение коридора возможностей и уничтожение перспектив развития.

Чрезвычайность нынешней ситуации наглядно показывается рис. 1. Здесь представлена зависимость средней ожидаемой продолжительности жизни населения от валового внутренне-

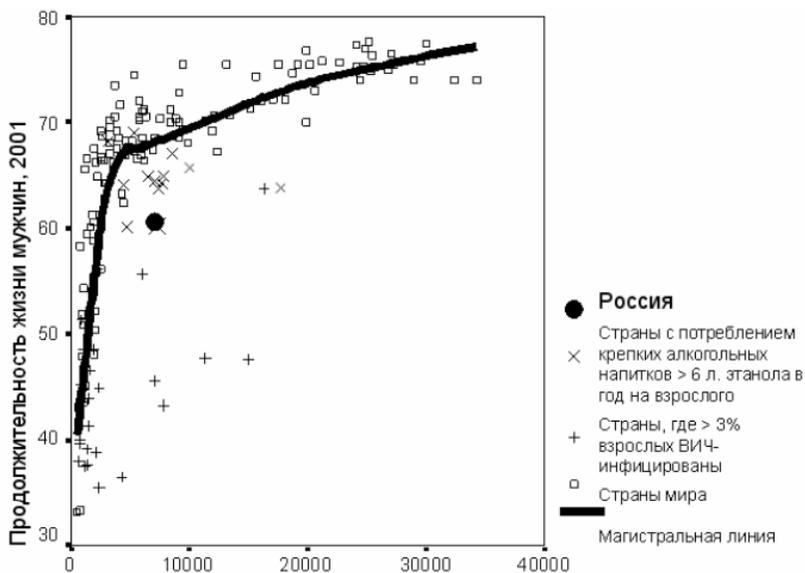

Рис. 1. Диагноз России – холодная гражданская война
ВВП на душу населения и продолжительность жизни мужчин в 2001 г.

го продукта (ВВП) на душу населения. Видно, что большинство стран мира имеют показатели вблизи некоторой ломаной кривой. Первый участок соответствует массовой гигиене, родовспоможению, вакцинации, развитию массовой медицины. Сравнительно небольшие вложения в здравоохранение здесь приводят к значительному увеличению продолжительности жизни. В нашей стране в XX в. в советские времена прохождение этого участка кривой позволило увеличить среднюю ожидаемую продолжительность жизни мужчин почти вдвое – с 30 до 70 лет. Второй участок (после излома) требует «индивидуальной медицины», вложений в изменение образа жизни и других серьёзных социальных программ.

Из этой кривой «выпадают» страны тропической Африки, в которых более 15 % взрослого населения заражено СПИДом. Жирная точка на рисунке соответствует России. Это означает, что в среднем граждане нашей страны живут примерно на 10 лет меньше, чем позволяет их средний подушевой доход.

Это означает тяжёлый кризис жизнеустройства и позволяет сформулировать *национальную идею и критерий эффективности управления обществом, элитами и госаппаратом*. Идея состоит в том, чтобы *выйти из зоны социально-демографической катастрофы и вернуться к тем показателям и взаимосвязям между национальным богатством и качеством жизни, которые характерны для остальных стран мира*. Качество управления определяется тем, насколько успешно и быстро удастся решить эту главную задачу. Инновационное развитие – лишь инструмент для решения этой проблемы в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Идея «сбережения народа», с которой всё чаще выступают различные политические силы, приобретает с этой точки зрения конкретные количественные выражения.

Не является ли преувеличением представление о «холодной» гражданской войне? Рисунок 2 показывает, что, к сожалению, нет. В период войны мужчин убивают, и разница в средней ожидаемой продолжительности жизни достигает 10–12 лет. На рисунке видны пики, соответствующие мировым войнам, а также большой максимум, характерный для нынешней ситуации. Отсюда становится ясен масштаб переживаемой катастрофы.

Рис. 2. Кризис жизнеустройства в России

Поэтому наша уникальная самодостаточная цивилизация проходит кризис, решая задачу исторического масштаба. Это поиск и строительство того типа жизнеустройства, согласующегося с мировыми трендами и новыми социальными и технологическими реалиями, который позволил бы перейти от вымирания к выживанию, а от выживания к развитию, сборка социального субъекта – создание инструмента для решения этой грандиозной задачи.

Социальная основа российского кризиса. В том, что ключевые проблемы являются социальными, связанными с жизнеустройством, с неудовлетворенностью нынешним положением и отсутствием перспективы, убеждает рис. 3, построенный на основе данных нескольких государственных докладов. Видно, что численность погибших людей в результате стихийных бедствий, природных катастроф, в результате террористических актов, находящихся в центре общественного сознания, на порядки отличается от количества просто пропавших без вести, убитых, окончивших жизнь в результате дорожно-транспортных проис-

шествий. Видно, что главная причина гибели по неестественным причинам – самоубийства. По этому горькому показателю наша страна в течение последних лет держала первое или второе место в мире.

Рис. 3. Индикаторы социального неблагополучия

Половина всех убийств и самоубийств совершается в России в состоянии алкогольного опьянения. Значительная часть населения страны спивается и губит себя. Российские элиты в течение последних двадцати лет декларируют своё стремление направить страну по капиталистическому пути. Рецепт социальной стабильности, открытый в XX в. и успешно использованный рядом ведущих стран современного мира, представлен на рис. 4. На нем схематически показана социально-экономическая структура социальностабильного общества. Чтобы найти долю населения, накопления которых меньше a , надо посчитать площадь левого криволинейного треугольника (a – абсцисса его правой стороны). Чтобы найти долю богатых, накопления которых больше b , надо оценить площадь правого криволинейного треугольника (b – абсцисса его

левой стороны). Основная часть такого общества – средний класс, которому есть что терять. Именно его интересы прежде всего отражает и защищает государственный аппарат такой страны. Бедные в этом случае получают социальные пособия, трансферты и т. д. Тщательно проводится селекция талантливой молодёжи из бедных слоев, и с помощью разнообразных «социальных лифтов» их поднимают «наверх». Для «правого треугольника» есть эффективно применяемое антимонопольное законодательство, позволяющее контролировать владельцев крупнейших состояний страны.

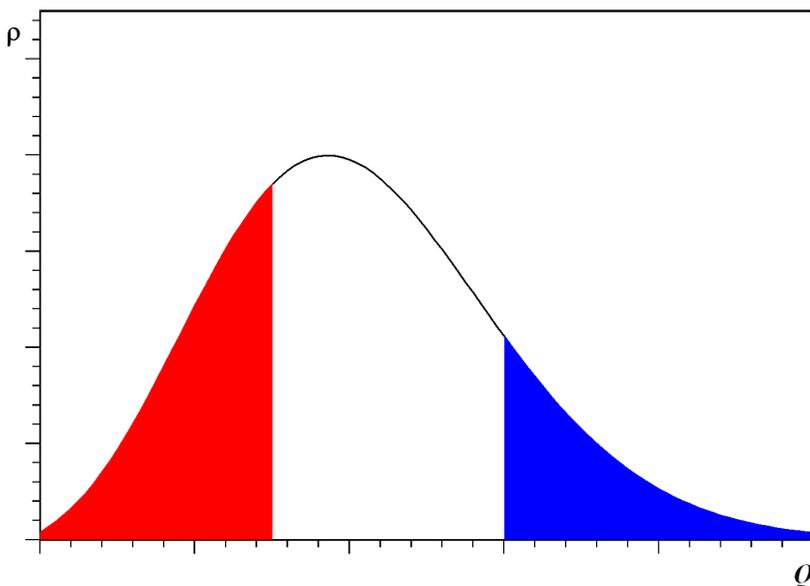

Рис. 4. Экономико-социальная структура стабильного общества.
 По оси абсцисс – накопления граждан, по оси ординат – их доля.
 Площадь области, заливной красным определяет долю бедных, синим – долю богатых, а белым – долю среднего класса

К сожалению, в нынешней России ситуация другая. Схематично она представлена на рисунке 5. Плотность распределения вероятности по накоплениям имеет два «горба». Первый вместе со слабым и малочисленным средним классом составляют около 90 % населения. В другом – «горбе» богатых – около 10 % граждан. Это «но-

вые русские», высшая бюрократия, обслуживающие их структуры: охрана, дорогие проститутки, криминалитет, часть творческой интеллигенции и т. д.

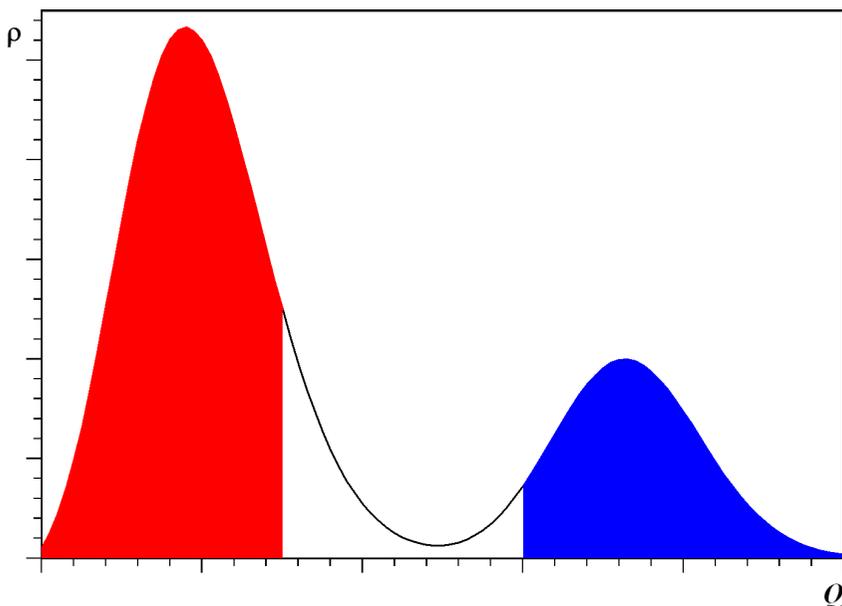

Рис. 5. Структура, ведущая к революции.
Бедных стало больше, а средний класс практически исчез.

Проблема состоит в том, что интересы представителей этих двух «горбов» антагонистичны. Это можно проиллюстрировать на простом и жизненно важном примере – снабжении населения страны лекарствами. Напомним, что СССР был биотехнологической сверхдержавой, обеспечивающей себя практически полным спектром лекарственных средств и импортировавшей многие препараты. Правительство Ельцина-Гайдара практически ликвидировало отечественную фармацевтическую промышленность. Основой лекарственного средства является действующая субстанция (остальное – наполнители, разбавители, упаковка). Академик-секретарь Отделения химических наук РАН, выступая на заседании Президиума Академии несколько лет назад, заявил, что Россия в настоящее время не делает действующих субстанций для каких-либо лекарств.

«Горб бедных» заинтересован, чтобы в стране были доступные, качественные отечественные лекарства. «Горб богатых» – в противоположном. Его представители могут лечиться за границей, а импорт дает весомые «откаты». По данным Генеральной прокуратуры РФ, более 90 % лекарственных средств, продаваемых в России в качестве импортных, являются фальсификатом. Материальные интересы криминалитета и высшей бюрократии и в данном случае совпадают. Государственный аппарат в этом, как и во многих других случаях, действует в интересах «горба богатых». Последний представляет собой коллективный социальный субъект, паразитирующий на обществе в целом. Эффективно противостоящего ему субъекта, выражающего интересы «горба бедных» и среднего класса, пока в стране нет. Поэтому многие действия, предпринимаемые властью, а также реакции на них общества и кажутся порой парадоксальными и самоубийственными.

«Горб бедных» объективно заинтересован в модернизации, в нанотехнологическом проекте, а не в его имитации, в других инновационных программах, в полноценном, качественном образовании, в том, чтобы наша страна встала с колен.

«Горб богатых» чувствует себя вполне комфортно, оседлав нефтегазовую трубу, и трактует большинство населения «этой страны» как ненужное обременение. Именно поэтому никакие инновационные проекты и модернизация в стране в течение двух десятилетий не идут, напротив, происходит деградация и демонтаж созданного в инновационном, образовательном, технологическом пространстве и – главное – в пространстве смыслов и ценностей.

Что дальше?

Стоит также напомнить, что в России процессы политического развития до недавнего времени сопровождались ослаблением и «полураспадом» государства, вплоть до превращения его в орудие воровства, инструмент манипуляций и циничных интриг в руках отдельных групп и даже личностей.

Ю.М.Лужков

Что же ждет Россию? Как ни странно, у значительной части научного и экспертного сообщества сформировался общий ответ на этот вопрос. Он конкретизирован и обоснован в трудах различных исследовательских центров, обсуждался на многих конференциях. Приведем недавние примеры. Сообщество, сложившееся в Институте прикладной математики им. М.В.Келдыша РАН и вокруг него, представило своё видение будущего России в нескольких книгах².

Около десятка лет Институт экономических стратегий РАН собирает Глобальный стратегический форум, целиком посвященный будущему России³. Исследование этого круга проблем – основа деятельности Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования⁴. Эти вопросы были в центре внимания проекта «Комплексный системный анализ и математическое моделирование мировой динамики» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знания». Они же регулярно обсуждаются в журнале «Рефлексивные процессы и управление» и на заседаниях Клуба инновационного развития РАН, который возглавляет профессор В.Е.Лепский.

Подводя итог этих обсуждений, можно сказать, что сейчас страна находится в точке бифуркации, когда действия различных сообществ, социальных субъектов и элитных групп определяет судьбу нашей цивилизации – мира России – на много поколений вперед или навсегда. Какой же выбор делается?

Российские сценарии. Инерционное развитие. Всё будет идти примерно так же, как идет в настоящее время. Страна будет плыть по течению. Её экономика будет целиком зависеть от мировых цен на энергоносители. Политика будет определяться управ-

ляющими воздействиями субъектов мировой геополитики – сейчас США, чуть позже Китая, далее, возможно, мира ислама или Объединенной Европы.

Экономика будет падать независимо от мировых кризисов (последние могут лишь ускорить падение). В 2014–2018 гг. развитые страны мира смогут освоить VI технологический уклад. Локомотивными отраслями этого уклада, вероятно, будут *биотехнология, роботика, новая медицина, нанотехнологии, новое природопользование, высокие гуманитарные технологии, полномасштабные технологии виртуальной реальности*. Поскольку субъект инновационного развития страны не сложился и «сложится» его в нынешнем российском обществе, в условиях «холодной» гражданской войны будет нелегко, и адекватных усилий, чтобы вскочить в последний вагон уходящего мирового технологического поезда, не предпринимается, то страна сначала будет отброшена на обочину истории без каких-либо перспектив развития и шансов обрести субъектность в современном мире. А потом её просто будут рвать на части, в которых будут воплощаться цивилизационные проекты других геополитических субъектов.

В этом варианте войска не вводятся на территорию России, и столкновение различных цивилизаций происходит в экономическом, демографическом, информационном пространстве, в пространстве смыслов и ценностей.

Сахалин и Курилы отходят к Японии, появляется китайская зона влияния, мусульманский анклав в Поволжье, Северо-Западная республика. Чукотка, Камчатка, обширные пространства Севера и Дальнего Востока, Восточная и часть Западной Сибири оказываются под протекторатом США.

Естественно, возможны более острые, комбинационные сценарии, ведущие к форсированному распаду слабеющей России, после того как определенный порог будет перейден. Их детали также подробно обсуждают эксперты.

Революция снизу. Прообраз такого развития событий дают Великая французская революция и Великая Октябрьская социалистическая революция. К сожалению, история показывает, что на фоне «падающей экономики» революции обычно не происходят. Поэтому страну можно «разорять до смерти».

Однако если Россия начнет вставать с колен, то шанс для революционных преобразований появляется. В революции снизу «горб богатых» и основная часть паразитических классов будут «срезаны», лишившись возможности извлекать природную ренту и «пилить» государственный бюджет. Опыт предыдущих революций показывает, насколько велики могут быть социальные и экономические издержки таких процессов.

К сожалению, «верхи» всё в меньшей мере могут управлять страной. Ряд чиновников в беседах с зарубежными коллегами уже в открытую говорят о неизбежности распада страны и желательности непосредственного внешнего управления Россией. Вероятный крах мировой валютной системы, военные столкновения мировых субъектов или их сателлитов, «войны элит» увеличивают вероятность такого сценария.

Пока нет социального субъекта, ориентированного на этот вариант захвата власти. Однако опыт революционного движения, оранжевых революций, информационных войн показывает, что такой субъект может появиться очень быстро.

Революция сверху. В этом варианте «горб богатых» лишается многого, но не всего. Распределение становится «одногорбым». На историческую арену наконец-то выходит российский средний класс. В этом варианте стране, вместо того чтобы проедать и потреблять, придётся созидать, творить, наверстывать упущенное.

Опыт подобных «революций сверху» есть. Отчасти Новый курс Рузвельта в США, реформы Ататюрка в Турции, реформы Эрхарда в Германии, взлет Южной Кореи. Да и советский опыт не стоит сбрасывать со счетов.

Возможно ли это в новой мировой реальности? В условиях необходимости срочно осваивать новый технологический уклад, формировать инновационные субъекты и общество под высокие технологии?

История показывает, что это трудно, но возможно. Это требует сверхусилий от народа страны, большого проекта и адекватных ему социальных и управленческих технологий. Хрестоматийным примером здесь является развитие Южной Кореи в последней трети XX в.

Можно сказать, что Южная Корея и Канада 1970-х гг. являются странами-аналогами России 2010-х. Первые две страны решали задачи освоения возможностей, предоставленных V технологиче-

ским укладом. Локомотивными отраслями последнего были компьютерная индустрия, малотоннажная химия, телекоммуникации, интернет, ряд других. Канада, занимая положение сателлита США, развивалась в невысоком темпе (см. рис. 6), направляя львиную долю валового внутреннего продукта на потребление. Поэтому место Канады и её роль в мировой системе не изменились.

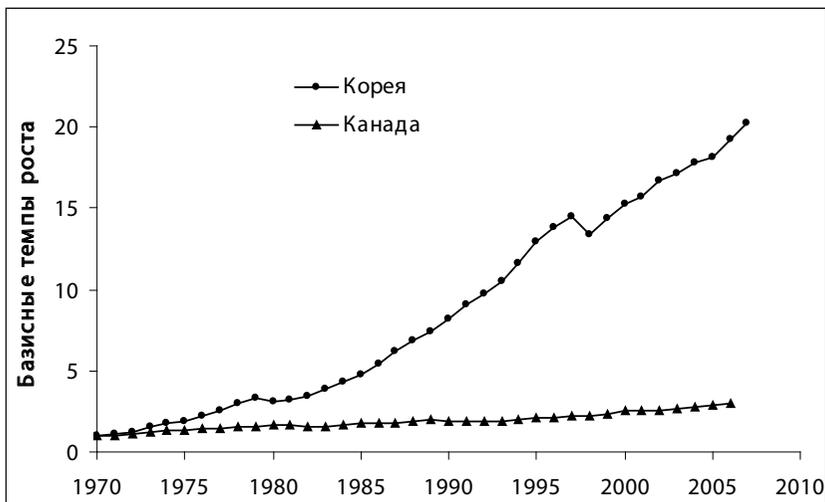

Рис. 6. Динамика объема ВВП стран-аналогов

Южная Корея, напротив, осуществила сборку стратегического субъекта, ориентировав страну на технологический прорыв, на инновационное развитие. На знание, науку, будущее, на более высокие моральные стандарты. В течение короткого времени город Сеул занял первое место в мире по числу физиков на душу населения. В течение ряда лет в экономику вкладывалось более 40 % валового внутреннего продукта (см. рис. 7): подчеркнем социально-экономические формы, адекватные задачам технологического прорыва, найденные в те годы в стране. Патернализм, патриархальность, преданность роду и традиции удалось использовать в целях модернизации в вертикально интегрированных компаниях – чеболях. Для последних был характерен пожизненный найм, социальная ответственность и забота об образовании, продвиже-

нии, социальной защите и других сторонах жизни сотрудников. Это сработало. Приложив сверхусилия, освоив V технологический уклад, Южная Корея вырвалась в число развитых преуспевающих стран, в лидирующую группу государств современного мира.

Рис. 7. Динамика доли инвестиций в ВВП Кореи

Этот путь не заказан и России. Именно он и является её главным шансом и надеждой.

Универсальность алгоритмов сборки субъекта

Сегодня не может быть сомнений в том, что большинство людей, некогда составлявших советский народ, ни за что не отдало бы свою страну в обмен на тот строй и тот социальный статус, который они в результате получили.

А.Панарин

Ответим себе на вопрос, что может «собрать» исторический субъект. Это прежде всего общность:

- исторической судьбы;
- беды;
- проблемы;
- вызова;
- проекта.

Все эти элементы имеют место в переживаемой Россией ситуации. *Общность исторической судьбы* позволила «сложить» советский народ, прошедший через многие тяжелые испытания и выстоявший в них. *Бедой* состоит в том, что из субъекта он превращается в объект, уходит из мировой истории. *Проблема* заключается в *бессубъектности*, в отсутствии в данный момент элиты и контрэлиты, которые могли бы организовать граждан России и направить их усилия на решение исторических задач, стоящих перед страной. *Вызов* состоит в необходимости очень быстро, меньше чем за 10 лет, освоить возможности, предоставленные VI технологическим укладом. Инструментом для этого является *большой проект* для России, который предстоит создать и выполнить.

Классики марксизма, многие выдающиеся историки и социологи полагали, что сборка социальных субъектов – процесс естественный и стихийный, результат самоорганизации. В XX в. социология, политология, развитие теории информационного, рефлексивного, трансформационного управления, большой опыт оранжевых революций, манипулирования общественным сознанием, уроки новейшей истории показали, что сейчас самоорганизация может дополниться организацией, целенаправленными действиями по сборке и демонтажу социальных субъектов. Многие

из сферы науки уже удалось перевести в область конкретных социальных технологий⁵. Обсуждение этого круга проблем требует отдельного разговора.

Проблема сборки российского субъекта является междисциплинарной и универсальной. Нельзя, к примеру, «сложить субъекты» в научном, технологическом, образовательном пространстве, оставив неизменными социально-экономическую область и доминирующие в обществе смыслы, ценности и жизненные стратегии.

Итак, какие же общие задачи предстоит решить будущему стратегическому субъекту, который может вырвать страну из сегодняшнего тягостного безвременья и повернуть вспять нынешние процессы распада России?

Новая повестка дня. По сути, перед *стратегическим субъектом* (в терминологии профессора В.Е.Лепского) встанут следующие задачи.

Модернизация России. Это системная задача. В экономике предстоит добиться продовольственной и лекарственной безопасности, возродить обрабатывающую промышленность, удержать техносферу, оказавшуюся на пороге масштабных техногенных катастроф, сориентировав науку, образование, технологии, экономику на освоение возможностей VI технологического уклада. Развитие и использование социальной и деловой активности населения. Простейший ключ к этому – строительство собственного жилья. Неприемлема ситуация, когда большинство населения страны нуждается в улучшении жилищных условий и не имеет шансов в течение всей жизни решить эту задачу. Для «горба богатых» жильё ныне – объект спекуляций, за 10 лет строительному лобби в Москве удалось взвинтить цены в 6 раз, для «горба бедных» жильё – это важнейшая жизненная потребность. В расчете на душу населения в США строилось до кризиса втрое больше жилья, чем в России... Стране нужен быстрый экономический рост, иначе её не будет.

Целеполагание и создание нового государственного аппарата. История учит, что большой модернизационный проект в России не реализуется без государства и вне его. Несколько лет назад В.В.Путин в беседе с Г.А.Зюгановым заявил, что государства в России ещё нет. Стратегическому субъекту российского развития предстоит его создать. В настоящее время, по данным

Администрации Президента, выполняется 5 % решений, принимаемых Президентом (по независимым оценкам – около 2 %). Необходим возврат управляемости, вероятно, создание ещё одного дополнительного контура управления.

Бюрократия в России была и остаётся огромной силой. Поэтому создание нового аппарата госуправления – грандиозная задача, она сравнима с той, которую решал Иван Грозный, создавая опричнину, Петр I, отодвигая от рычагов управления боярство и приближая дворянство, Сталин, выводя на передовые позиции технократов вместо профессиональных революционеров. Но без решения этой задачи России просто не будет.

Декриминализация страны. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в настоящее время объем взяток, даваемых и принимаемых в стране, превысил национальный бюджет. Срастание госаппарата с криминалом, проникновение последнего в высшие эшелоны власти лишает страну надежд на развитие. Технологии декриминализации общества и власти в мире хорошо известны и апробированы. Стратегическому субъекту, ориентированному на возрождение России, можно выбрать наиболее подходящие и воспользоваться ими. Подобные меры, с учетом местной специфики, принимались в США, Китае, Италии, Южной Корее, во многих других странах. Возможны они и в России.

Освоение Евразии. Ряд ведущих государств и влиятельных политиков современного мира всё настойчивее ставят вопрос о нежелании и неспособности России осваивать природные богатства на её территории, находящиеся за Уралом. Всё громче звучат голоса тех, кто требует «интернационализации» (конфискации у России) этих природных ресурсов. Продолжается отток населения из азиатской части России в европейскую.

Россия находится в экстремальной географической и геоэкономической зоне. Более двух третей её территории лежат в зоне вечной мерзлоты. Технологии освоения территории, которыми пользовались многие другие страны (создание сети железных дорог, хайвэев и т. д., строительство легко возводимых щитовых домов), в большинстве своем неприменимы для освоения этой геоклиматической зоны.

В последние несколько лет американскими исследователями Л.Г.Бадалян и В.Ф.Криворотовым была развита теория *техноценозов*.⁶ Эта теория распространяет системные идеи В.И.Вернадского,

создавшего биогеохимию, на исторические и социально-экономические процессы, на развитие цивилизаций. Техноценоз представляет собой целостную систему, включающую осваиваемую геоклиматическую зону, используемые технологии, главный энергоноситель эпохи, народ, решающий проблему освоения этой зоны, социальные и финансовые институты.

Каждый пример успеха, взлета определенной цивилизации был связан с новыми технологиями освоения земель, побережий, акваторий, ресурсов, считавшихся «неудобьями» в рамках предшествующих технологических укладов. Для России, если учитывать её социально-демографические реалии, трудность освоения евразийских просторов, возможности современных высоких технологий, способы жизнеустройства и использования наших пространств, адекватные современным историческим задачам страны, ещё предстоит найти.

Как встать с колен?

Боже, дай силы изменить то, что я должен изменить, дай терпения, чтобы принять то, что я не могу изменить, и дай мудрость, чтобы отличить первое от второго.

Франциск Ассизский

Прежде чем строить планы о том, как выходить из кризиса, естественно проанализировать, как страна в нем оказалась, и что необходимо ликвидировать, устранить, отыграть.

Главные шаги, обусловившие нынешний кризис, сделанные в период горбачевщины-ельцинщины, были таковы.

– Уничтожение или принижение системообразующих смыслов, ценностей, идеалов мира России.

– Отказ от прогнозирования, планирования и целеполагания на государственном уровне.

– «Шизофренизация» руководства страны и государственного аппарата (разные части управленческой структуры решают противоположные, исключают друг друга задачи).

– Жесткая геополитическая, геоэкономическая, геокультурная привязка к Западу.

- Разрушение трудовой этики и переход от работы к её имитации в массовом масштабе.
- Опора на криминалитет.
- Уничтожение личной ответственности.

Чтобы встать с колен, стране надо будет двигаться в прямо противоположном направлении.

Перехват власти. В настоящее время в общественных науках активно развивается *теория элит*⁷. Она позволяет выявить скрытых субъектов, вскрывать контекст действий и стратегии кланов и элитных групп; эта «микросоциальная теория», доходящая до действий и целей отдельных людей, позволяет анализировать процессы в «быстром времени» вплоть до изменения текущей политической ситуации. Однако при переходе к макроописаниям, к длительным и масштабным элитным сдвигам многое описать и спрогнозировать становится гораздо проще.

И в этой системе «макроэлитных переменных» и прошлого, и варианты будущего видятся гораздо яснее.

В СССР реальное управление страной осуществляли *партийная элита* и *элита оборонно-промышленного комплекса*. Именно они генерировали большие проекты для страны, стратегии развития и организовывали их существование в течение многих десятилетий. Феномен КПСС – партии нового типа – сыгравшей важнейшую роль в мировой истории XX в., нуждается в дальнейшем осмыслении и исследовании.

Однако к 1990-м гг. партийная элита была разложена. Оборонная элита оказалась слабым макросоциальным субъектом и не смогла защитить ни себя, ни общество.

В 1990-х гг. произошла «великая криминальная революция», в результате которой реальная власть в стране оказалась захвачена *криминальной элитой* и *элитой чиновничества*, освободившейся от всякого контроля извне. История учит, а российский опыт последних десятилетий подтверждает, что они не в состоянии предлагать большие проекты и стратегии развития. В лучшем случае они используют существующие социальные структуры и стратегии и осуществляют оперативное, ситуационное управление. Организовать эффективное развитие экономики и тем более переход к новому технологическому укладу они оказались неспособны. Коренные интересы этих элит оказались антагонистичны по отношению к потребностям и целям

большинства населения, которым они управляют (описанная выше ситуация двух «горбов»). Россия потеряла многие важные позиции в мировом геоэкономическом, геополитическом, геокультурном пространстве. Страна утратила значительную часть своего суверенитета и субъектности. Отстроенная «колониальная демократия» не удовлетворяет по разным причинам большинство населения страны. «Верхам» справиться с ситуацией становится всё сложнее.

Путь в будущее связан с перехватом власти двумя новыми элитами, которые могут взять на себя роль стратегических субъектов. Условно их можно назвать *элитой развития* и *элитой знания*. Чтобы страна не ушла в небытие, ей нужны форсированное экономическое, социальное, культурное развитие, новая рефлексия и самосознание. И на краю пропасти, к которой движется Россия, это может стать очевидным очень многим.

Вполне возможно, что теории «общества, основанного на знании», представления об «обществе риска», о «людях воздуха» или «креативном классе» весьма скоро обретут почву под ногами. Стоит напомнить, что экспорт программного обеспечения из Индии сравним по объему с экспортом нефти из России и значительно превышает объем экспорта российского оружия. *Стратегический прогноз, проектирование будущего, создание новых поколений технологий, управление рисками, формирование образов массового сознания играет всё более важную роль в мире.* И творцов всего этого всё меньше устраивает роль услуги других классов и групп. И это шанс для создания новой элиты.

В теории самоорганизации – *синергетике* – в своё время было введено понятие *русел и джокеров* в пространстве возможных состояний системы (фазовом пространстве). Областям русел соответствуют медленные, эволюционные процессы с большим горизонтом прогноза. В области джокера, напротив, горизонт прогноза мал, состояние системы характеризуется множеством факторов, переменных, субъектов, которые при эволюционном течении событий вообще не играют никакой роли. Важными становятся субъективные, игровые моменты. В этих областях малые причины могут привести к большим последствиям, случайности начинают играть большую роль. Смыслы, ценности, установки отдельных групп или людей могут оказать-

ся решающими. Ситуация не просчитывается, и можно говорить лишь о сценариях, их вероятностях, о различных возможностях саморазвития системы.

Происходящий мировой кризис, высветивший российские проблемы, быстро приблизил Россию к области джокера. В данной области возможно многое, в том числе и сборка новых субъектов в инновационном, технологическом, образовательном и многих других пространствах. Сейчас такая сборка – одна из главных надежд России на то, что будущее нашей цивилизации – мира России – состоится.

Примечания

- ¹ Рефлексивный подход: От методологии к практике / Под ред. В.Е.Лепского. М., 2009.
- ² Будущее России в зеркале синергетики / Под ред. Г.Г.Малинецкого. М., 2006; Синергетика: Будущее мира и России / Под ред. Г.Г.Малинецкого. М., 2008; Будущее России. Вызов и проекты: История. Демография. Наука. Оборона / Под ред. Г.Г.Малинецкого. Изд. 2-е. М., 2009.
- ³ *Агеев А.И.* Ньюансы турбулентности // Прогнозы и стратегии. № 1/2008–01/2009(2). С. 7.
- ⁴ *Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С.* Новые технологии борьбы с российской государственностью. М., 2009.
- ⁵ *Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С.* Новые технологии борьбы с российской государственностью; *Кара-Мурза С.Г.* Демонтаж народа. М., 2007.
- ⁶ *Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф.* История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее. М., 2010.
- ⁷ *Кургинян С.Е.* Слабость силы: аналитика закрытых элитных игр и её концептуальные основания. М., 2006.

ЧАСТЬ 2

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СБОРКИ СУБЪЕКТОВ

В.И. Аршинов, В.Е. Ленский

Субъектность в контексте этапов развития науки (от классической к постнеклассической науке)

Развитие представлений о научной рациональности

В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные, согласно В.С.Стёпину, со становлением постнеклассического этапа ее развития. Не принимая во внимание этих изменений, мы рискуем, помимо всего прочего, упустить из виду принципиальные изменения в понимании рациональности в науках об управлении и организации. Смена общенаучных картин мира сопровождалась коренным изменением нормативных структур исследования, а также философских оснований науки. Эти периоды правомерно рассматривать как глобальные революции, которые могут приводить к изменению типа научной рациональности. Три крупные стадии исторического развития науки¹, каждую из которых открывает глобальная научная революция, можно охарактеризовать как три исторических типа научной рациональности, сменявших друг друга в истории техногенной цивилизации. Это – *классическая рациональность* (соответствующая классической науке); *неклассическая рациональность* (соответствующая неклассической науке) и *постнеклассическая рациональность*. Между ними как этапами развития науки существуют своеобразные «перекрытия», в том смысле, что появление каждого нового типа рациональности не отбрасывало предшествующего, а лишь ограничивало сферу его действия, определяя его применимость только к определенным типам проблем и задач.

Следуя В.С.Стёпину, можно сказать, что «каждый этап характеризуется особым состоянием научной деятельности, направленной на постоянный рост объективно-истинного знания.

Если схематично представить эту деятельность как отношения «субъект-средства-объект» (включая в понимание субъекта ценностно-целевые структуры деятельности, знания и навыки применения методов и средств), то описанные этапы эволюции науки, выступающие в качестве разных типов научной рациональности, характеризуются различной глубиной рефлексии по отношению к самой научной деятельности.

Классический тип научной рациональности, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире. Цели и ценности науки, определяющие стратегии исследования и способы фрагментации мира, на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Но классическая наука не осмысливает этих детерминаций. Научные исследования рассматриваются как познание законов Природы, существующих вне человека.

Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют характер знаний (определяют, что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем в мире). На результаты научных исследований накладывается осмысление соотносительности объясняемых характеристик объекта с особенностью средств и операций научной деятельности.

Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотносительность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями, решается задача осмысления ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности в их соотносении с социальными целями и ценностями»².

С точки зрения стратегии развития принципов управления можно сказать, что классическая наука исследует законы и осваивает создание и применение простых систем (примером может служить часовой механизм), неклассическая – сложных саморегулирующихся систем, постнеклассическая наука – сложных саморазвивающихся систем.

Все внимание сегодня обращено на *человекообразные* саморазвивающиеся системы с их проблемой включения человека в сам процесс научных исследований.

Исходя из того, что основой современной научной картины мира является универсальный эволюционизм, включающий в себя также и «состояния социальной жизни», В.Степин обращает внимание на удивительное соответствие «современной научной картины мира не только тем новым менталитетам, которые постепенно формируются в недрах западной (техногенной) культуры конца XX столетия в связи с осмыслением современных глобальных проблем», но и на ее соответствие «философским идеям, выросшим на почве самобытности России и ее Серебряного века, а также философским и мировоззренческим представлениям традиционных культур Востока»³. Исходя из принципа универсального эволюционизма, он подчеркивает необходимость коммуникативного (диалогического) включения в современную научную картину мира всей совокупности ценностей мирового культурного развития. Только на этом, уподобляемом вселенскому, пути можно ожидать успехов с построением действительно человекообразных саморазвивающихся систем (примем это как некий очевидный постулат), а также достижения подлинного понимания альтернативных идей восточных культур, в частности, идеи о связи истины и нравственности.

Это можно рассматривать как постнеклассическое предсказание, основанное на философских исследованиях путей развития познания человеком окружающего его мира и самого себя в этом мире. Далее, согласно В.С.Стёпину, «каждый новый тип научной рациональности характеризуется особыми, свойственными ему основаниями науки, которые позволяют выделить в мире и исследовать соответствующие типы системных объектов (простые, сложные, саморазвивающиеся системы). При этом возникновение нового типа рациональности и нового образа науки не следует понимать упрощенно в том смысле, что каждый новый этап приводит

к полному исчезновению представлений и методологических установок предшествующего периода. Напротив, между ними существует преемственность. Неклассическая наука вовсе не уничтожила классическую рациональность, а только ограничила сферу ее действия. При решении ряда задач неклассические представления о мире и познании оказывались избыточными, и исследователь мог ориентироваться на традиционно классические образцы: например, при решении ряда задач небесной механики не требовалось привлекать нормы квантово-релятивистского описания, а достаточно было ограничиться классическими нормативами исследования. Точно так же становление постнеклассической науки не приводит к уничтожению всех представлений и познавательных установок неклассического и классического исследования. Они будут использоваться в некоторых познавательных ситуациях, но только утратят статус доминирующих и определяющих облик науки.

Современная наука – на переднем крае своего поиска поставила в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен сам человек. Требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки. Есть все основания полагать, что по мере развития современной науки эти процессы будут усиливаться»⁴. Для техногенной цивилизации на современном этапе ее развития гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегий научного поиска. Стоит ли в этой связи специально подчеркивать, сколь востребован нашим временем эпохи бифуркации и макросдвига (Э.Ласло) развертывающийся буквально на наших глазах переход к парадигме открытой постнеклассической рациональности в междисциплинарных науках о социальном проектировании, стратегическом управлении и организации.

Основные черты постнеклассической науки

Субъекты как главный системообразующий фактор. Согласно позиции создателя постнеклассической парадигмы В.С.Стёпина, в её фокусе находятся *человекоразмерные* саморазвивающиеся си-

стемы с их проблемой включения человека в сам процесс научных исследований. Для нас это означает, что понятие субъект становится центральным в постнеклассической науке. В самом деле, как показывает С.Л.Рубинштейн, деятельность, так же как и сознание, – это способность *деятельного субъекта*⁵. С.Л.Рубинштейн определял субъект как способ реализации человеком своей человеческой сущности в мире. Это определение предполагало качество субъекта как детерминанты осуществляемых им изменений в мире (активность), его способность к самостоятельности, самодетерминации (саморегуляции, самоорганизации) и самосовершенствованию⁶. Новая картина мира не может быть представлена знаниями, изолированными от познающих и действующих субъектов, от их субъективных реальностей, в отрыве от которых невозможна адекватная интерпретация полученных ими знаний. Системообразующими факторами постнеклассической картины мира становятся субъекты и их взаимодействия. Сетевая связь частных субъектных представлений мира образует общую постнеклассическую картину мира.

Легализация субъектных реальностей через рефлексю. Каждый субъект рефлексит среду, себя и других субъектов индивидуально, интерпретируя это по-своему, переводя в свою собственную реальность. *Реальность* – это форма представления бытия субъектом. Рефлексия моделирует реальность, превращая ее в воображаемую реальность. Только с появлением субъектов возникают реальности как субъективные формы представления бытия.

Сетевая организация знаний. Первые шаги были сделаны физиками, которые обнаружили аналогии в своих моделях с идеями восточных мистических традиций⁷. Сегодня на этот путь пытаются встать и гуманитарные науки. По образному выражению представителя психологической науки⁸, черты постнеклассической парадигмы обнаруживаются в переходе от систем к судьбам (метафора Л.С.Выготского), от упрощенных систем к сетям, от предметов к проблемам (направлениям исследований), от однозначных текстов к множественности интерпретаций и игре стилями – подход, связанный с работами Ю.М.Лотмана). Иными словами, постнеклассическая наука – это такое состояние знания, в котором различные научные теории (понимаемые как модели и субъектные реальности) составляют взаимосвязанную сеть.

Взаимосогласованность моделей как критерий научности. В постнеклассической науке полная картина мира открывается лишь благодаря взаимосвязности научных теорий. На смену «верификации» (О.Конт) и «фальсификации» (К.Поппер) приходит принцип «паутины концепций», сетевой подход⁹.

Открытая коммуникативная рациональность. Эгоцентризм научных парадигм сменяется в постнеклассической науке установкой на коммуникативность¹⁰. Необходимость выработки нового междисциплинарного (включая и философский) подхода к осмыслению синергетически развивающихся человекомерных систем как совокупности неких целостных коммуникативных по своей природе гештальтов имеет огромное мировоззренческое и практическое значение. Осознание трансцендентально-эмпирической (Ж.Делез), операциональной, когнитивной, процедурной природы этих гештальтов и новая «философская открытость» очевидно взаимообусловлены, порождая вместе новое синергетическое качество «открытой коммуникативной рациональности», оно становится основным конституирующим синергетическим параметром порядка, посредством которого и строится новая картина мира¹¹.

Ориентация на динамичные конфигураторы исследовательских контекстов. Полифония последних становится нормой в постнеклассической науке. Исследуемые явления рассматриваются одновременно с различных исследовательских (субъектных) рефлексивных позиций, между которыми устанавливаются аналогии и связи. Такого рода подход представлен В.А.Лефевром как конфигурактор¹², а в работах Т.Куна как владение «линзами», через которые ученые смотрят на мир.

Междисциплинарный дискурс. Постнеклассическая наука органично связана с ростом междисциплинарных исследований, поскольку имеет дело с уникальными саморазвивающимися субъектами, для представления которых необходима реализация *принципа дополнительности*. Постнеклассическая методология адекватна и для естественнонаучного, и для гуманитарного знания, она позволяет разрешить давнее противоречие между «науками о природе» и «науками о духе». Формируется общенаучный метаязык, междисциплинарный дискурс, в центре внимания которого оказалась проблема субъекта.

Примечания

- ¹ *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. М., 2003. С. 619–640.
- ² Там же.
- ³ Там же. С. 681–682.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 253–381.
- ⁶ *Абульханова К.А.* С.Л.Рубинштейн – ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В.Брушлинского, М.И.Воловиковой, В.Н.Дружинина. М., 2000. С. 13–26.
- ⁷ *Капра Ф.* Дао физики. Киев–М., 2002.
- ⁸ *Гусельцева М.С.* Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 6. С. 5–15.
- ⁹ *Капра Ф.* Дао физики.
- ¹⁰ *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003.
- ¹¹ *Гусельцева М.С.* Постнеклассическая рациональность в культурной психологии. С. 5–15.
- ¹² *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М., 1973.

Становление субъекта синергетики

Социальная синергетика в настоящее время имеет статус постнеклассического междисциплинарного, а также трансдисциплинарного исследовательского проекта, перспективы которого, однако, не могут быть «здесь и сейчас» однозначно определены. Это утверждение следует из рекурсивно-коммуникативной (нелинейной) природы синергетического дискурса, его междисциплинарной «заикленности» на себя и одновременно на иное. Такова природа синергетического циркулярного мышления, стремящегося посредством рекурсии, повторного вхождения в форму (в смысле исчисления индикаций Спенсера-Брауна) превратить себя в мышление креативное, инновационное и самосозидательное. Поэтому, оценивая возможности дальнейшего развития синергетики вообще и социальной синергетики в частности, важно с самого начала иметь в виду перспективы ее «встречи» с иным, с тем, что с ней в настоящее время не идентифицируется. Оглядываясь на предшествующие этапы формирования синергетики как Х-науки, по Ю.А.Данилову, можно видеть, какое принципиальное значение для ее становления имела когнитивная практика рекурсивного общения с «иными» дисциплинами. Для внешних наблюдателей эта практика выглядит похожей на хождение по замкнутому кругу. Возможно, эта линейная перспектива стала одним из источников упреков синергетике в редукционизме, механицизме, физикализме. С другой стороны, справедливости ради следует отметить, что рефлексивный компонент когнитивной практики синергетики как

рекурсивной (нелинейной) междисциплинарной коммуникации также не получил своего должного развития. А ведь именно в этой «практике второго порядка» синергетика претендует быть инструментом междисциплинарной коммуникации. Это в свою очередь означает, что синергетический субъект как таковой еще не сформировался. Любопытно, что примерно в то же время, когда Г.Хакен инициировал свой синергетический проект, Эдгар Морен – его французский коллега, выдающийся мыслитель, внесший значительный вклад в разработку междисциплинарной методологии и философии познания сложных систем, – писал: *«Мы смутно предвидим возможность превращения порочного круга в действенный цикл, становящийся рефлексивным и генерирующим сложное мышление»*¹. Я думаю, что из всего сказанного выше следует, что синергетический проект получит новые импульсы своего развития в сфере социальной синергетики, если и дальше в её рамках удастся удерживать и преемственно развивать его основные принципы. Быть может, параллельно с проектом кибернетики второго порядка – «кибернетики кибернетики» фон Ферстера – стоит предложить проект синергетики второго порядка – синергетики синергетики. В этой креативной заикленности и должен сформироваться синергетический субъект. Такой проект, на мой взгляд, явился бы одним из возможных путей развития синергетики, если этот путь рассматривать в качестве одного из элементов виртуальной сети таких путей. Не вдаваясь в обсуждение всего проекта синергетики второго порядка, замечу только, что некоторые шаги в этом направлении были сделаны в ряде наших совместных статей с В.Г.Будановым, В.Е.Лепским, Я.И.Свириком.

Инструментами реализации сборки синергетического субъекта должны выступить такие принципы, как принцип круговой причинности, трансформированный в принцип креативного когнитивного цикла, принципы параметра порядка, подчинения, трансформированный в принцип коммуникативного процессуального кооперативного гештальта, дополнительности «фона» и «фигуры», наконец – наблюдаемости, трансформированный в принцип границы, различения и соединения внешнего и внутреннего, соединения «Я» и «Другого», «не-Я» посредством повторного вхождения (Re-entry) познающего субъекта в познаваемый и одновременно создаваемый им объект. Вообще говоря, все эти принципы, коль скоро

они характеризуются как синергетические, являются кооперативно связанными. Верность им создает предпосылки для феноменолого-герменевтического понимания синергетики в качестве постнеклассического междисциплинарного направления исследований процессов самоорганизации как в «естественно-природных», так и в социокультурных контекстах без методологического принуждения (или подчинения) одного из них другому.

Из сказанного вытекают по крайней мере два связанные между собой вывода. Первый – это необходимость формирования нового синергетически самоорганизующегося субъекта как системной целостности не редуцируемых друг к другу таких понятий как «Я», «личность», «другой», «self», когнитивно когерентных понятию синергетического объекта. Второй – этот процесс должен быть конструктивно связан с предшествующим развитием синергетики как множества контингентных коммуникативных междисциплинарных «встреч». По моему глубокому убеждению, синергетический субъект второго этапа развития синергетики – его можно было назвать социосинергетическим – мог бы реализоваться в совокупности рекурсивно оформленных «встреч-узнаваний» синергетики с «иными» концептуально оформленными практиками-рефлексиями современных междисциплинарных взаимодействий. Этим «иным» для синергетики могут быть современные дискурсы радикального конструктивизма, кибернетики второго порядка, или неокибернетики, фон Ферстера, автопоэзиса Варелы и Матураны, коммуникативной социологии Н.Лумана. Все это можно выразить и иначе: самоорганизующийся субъект синергетики второго порядка возможен как эмерджентный продукт постнеклассической «встречи» синергетики в качестве X-науки с ее богатым прошлым контингентных событий-встреч – ненулевых междисциплинарных пересечений с современной конструктивистской социокибернетикой и киберсемиотикой, а также с современной теорией «сложности» (или хаоса) и, наконец, с акторно-сетевой теорией Б.Латура, Д.Ло, М.Каллона². Путь, на котором становится (собирается) синергетический субъект, – это «сетевой» путь. В некотором смысле это и путь трансцендентального эмпиризма Делеза и Гваттари. Но одновременно это именно и тот путь, который выбирает синергетика. «Синергетику, вне всякого сомнения, следует отно-

силь к универсалистскому направлению. Есть два важнейших течения – это уже упоминавшийся выше редукционизм и холизм. Синергетика занимает промежуточное между этими двумя крайностями положение – или, лучше сказать, положение посредника...»³. Но этот срединный путь синергетики в контексте ее собственной рефлексии выглядит не как механическая траектория, по которой из пункта А в пункт В движется механическая частица И.Ньютона, а скорее как вероятностная, виртуальная сеть, матрица-оператор, рекурсивно связывающая между собой образы-картинки (гештальты), возникающие в сознании частичных наблюдателей, которые «так и роятся во всех науках и во всех системах референции»⁴. Образ роящихся «частичных наблюдателей», производящих когнитивные акты наблюдения, измерения, именованья, узнавания, принятия решений, в конце концов понимания, сам по себе и порождает тот образ сетевого хаоса, трансформация которого в сетевой порядок и является задачей синергетического субъекта. Но что это за «сетевой порядок»? Вследствие принципиальной важности этого момента, процитируем отрывок из текста статьи Хайнца фон Ферстера, написанной им в качестве ответа на поздравительное письмо Никласа Лумана в честь его 80-летия. Продолжая свой диалог с ним, фон Ферстер указывает на две проблемы, или исследовательские программы, которые непосредственно касаются возможности прогрессивного проблемного сдвига в социальных исследованиях. Первая касается расширения или, быть может, углубления концепции рекурсивной функции. «Мы все знаем о тех беспрецедентных результатах, которые были получены благодаря использованию рекурсивных функций в теории хаоса и других областях. Но я ощущаю, что эти результаты теории хаоса могут быть приложимы к социологическим проблемам только метафорическим образом. Почему? Исследования хаоса в целом используют функции, а функции – это только отношения между числами. Но социология не работает с числами. Социология работает с функциями. А функции функций называются функторами. Функтор есть система, в которой имеется соответствие между одной группой функций и другой группой функций. И я предлагаю развить исследовательскую программу, в которой используются рекурсивные функторы». Вторая проблема – это проблема «теории композиции». Она, со-

гласно фон Ферстеру, состоит в следующем: «Пусть мы имеем систему А и систему В, и нам хотелось бы интегрировать их в систему С. Каковы правила интеграции, композиции, позволяющие возникнуть системе С?»

Эта проблема обнаруживает себя в концепции автопоэзиса. И выглядит в этом автопоэтическом контексте она следующим образом: «Как я могу соединить вместе (**bring together**) автопоэтическую систему А с автопоэтической системой В так, чтобы новая система С также была автопоэтической?» К сожалению, констатирует фон Ферстер, «поэтики (**poieticists**), или автопоэтики (**autopoieticists**), те, которые определяют автопоэзис, не дали никакого правила для различных композиционных возможностей таких систем»⁵. Можно предположить, что подсоединение синергетики к проблематике проектирования новых автопоэзисов окажется весьма конструктивным и в свою очередь окончательно снимет сомнения по поводу субъектного статуса синергетики в ее гуманитарном измерении как новой социотехнонауки.

Примечания

- ¹ Морен Э. Метод. М., 2005. С. 41.
- ² Социология вещей. Сб. ст. / Под ред. В.Вахштейна. М., 2006.
- ³ Хакен Г. Хакен-Крель. Тайны восприятия. М., 2002. С. 246.
- ⁴ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998.
- ⁵ Heinz von Foerster. For Niclas Luhmann: How recursive is communication?

Рекурсивность постнеклассического субъекта

В качестве субъекта обозначается не субстанция, которая своим собственным чистым бытием является носителем всего другого; но субъект есть собственно самореференция как основание познания и действия. Эксперименты с этой мыслительной фигурой все же не являются достаточно воодушевляющими, чтобы можно было поддаться искушению без всяких оговорок переносить ее на общество – рассматривать общество собственно как субъект, титуловать его как Дух или intersубъективность и потом ожидать от него того же, чего прежде ожидали от индивидуального сознания. Не следует, конечно, игнорировать достижения философии субъекта; но их надо понимать как глубины, которые не должны поглотить судно общественной теории.

Никлас Луман. Самоописания

Продолжая мысль, намеченную в словах Лумана, приведенных нами в качестве эпиграфа, отметим сразу же, что, если мы соглашаемся в принципе с исходной теоретической посылкой немецкого социолога, субъект для нас является не только самореференцией, но и рекурсией. Тем более что и сам Луман практически сразу после предъявленной в эпиграфе позиции говорит следующее: «Классическая философия субъекта также и эту проблему [проблему различения истинного и неистинного. – В.И., Я.И.] пыталась уловить с помощью схемы *субъект/объект*, делая ставку на субобъективную операцию... и потерпела здесь фиаско. Правда, Кант в своем трудном, во всяком случае, непомерно сжатом ключевом параграфе “О схематизме чистых понятий рассудка” предпринял попытку решить проблему отношения внешнего мира и познания в самом субъекте – а именно, с помощью “повторного вхождения” различения в само себя: в субъект»¹. То есть, по сути дела, Луман говорит здесь именно о рекурсии. К тому же здесь возникает уже совсем иной субъект – субъект, меняющийся во времени, некий

процессуальный гештальт. Забегая вперед, скажем, что такой субъект одновременно различает и собирает сам себя. Очевидно, есть множество путей, на которых происходят такого рода различения и сборки. Можно даже говорить о сети опытов таких различений и сборок: художественных, литературных, политических, религиозных и т. д. Нас, однако, будет интересовать тот опыт, который связан со становлением субъекта постнеклассической науки.

Путь становления субъекта постнеклассической науки имеет своей отправной точкой классического субъекта научно-познавательной деятельности как инореференциальной компоненты рекурсивного процесса, реализующегося в эмоционально нагруженном стремлении найти, обнаружить, открыть и познать реальность «как-она-есть-на-самом-деле» – реальность, находящуюся «по ту сторону» изменчивого мира человеческих эмоций, ощущений, желаний и перцептивных образов. Следующая точка этого исторического пути – неклассический субъект квантово-релятивистской физики, для которого познаваемая им реальность осознается не только как открываемая, но и как конструируемая в процессах экспериментирования как мысленного, так и «натурного», а также (что не менее важно) рефлексии над ними. Наконец, постнеклассический субъект порождается в рефлексивных практиках «второго порядка», создающих коммуникативную реальность «нового диалога человека и природы» (И.Пригожин), процесс объективации которой делает его субъектом-носителем ценностно-познавательного сознания. Мы вводим здесь конструктивное понятие креативно-рекурсивной, коммуникативной реальности, которое имеет историко-культурную, междисциплинарную подоплеку и позволяет рекурсивно связать всех трех субъектов научного познания, идентифицируя их посредством принадлежности к общему этосу науки.

Конечно же, здесь нельзя пройти мимо и трансцендентального субъекта Гуссерля, пытавшегося восстановить единое информационно-коммуникативное пространство человеческого познания на основе данности трансцендентального опыта и особой науки о конкретной трансцендентальной субъективности, данной в таком действительном и возможном трансцендентальном опыте; т. е. науки, образующей крайнюю противоположность по отношению к наукам в прежнем смысле слова, к *объективным*

наукам. При этом, «вынося объективный мир, реальность за скобки, Гуссерль не собирался отбрасывать науку. Он только хотел показать, что ее основанием является не “действительность, как она существует сама по себе”, выступающая критерием истинности любых сообщений, а данности трансцендентального опыта. Наукой об этом опыте и выступает феноменология»². Таким образом, ««трансцендентальный субъект становится новым медиумом коммуникативной системы»³. Но эта последняя, пытающаяся помимо прочего решить проблему единства наук о природе и наук о духе посредством ориентации на субъектно-ориентированный опыт сознания, сама сталкивается с трудностями коммуникации в сферах науки и культуры, «здесь–и–теперь» человеческого бытия.

Теперь обратимся к собственно проекту постнеклассической науки и прежде всего к ее субъекту. Так, В.С.Стёпин, в отличие от Гуссерля, не выносит субъекта за скобки, а, напротив, заключает его в них. Тем самым символически подчеркивается преемственная историческая связь всех этапов становления субъекта познания постнеклассической науки, понимаемой прежде всего как науки *естественной*, черпающей свои истины из самой природы. С другой стороны, субъект постнеклассической науки открыт для будущего развития, в том числе и в направлении его коммуникации с трансцендентальным субъектом Гуссерля. Стоит ли при этом специально говорить о том, что такое развитие вовсе не есть одностороннее «восхождение» по пути все более полного и всеохватного постижения истины? Добавим: отказ от этого *линеаризованного* образа прогресса относится и к культурному, и к гуманитарному развитию, где по умолчанию он до сих пор часто имеется в виду. Все еще оставаясь заключенным в скобки, субъект постнеклассической науки постепенно становится трансдисциплинарным, нелокальным, коммуникативно сопряженным со всей иерархией уровней реальности.

Отметим также, что для нас субъект постнеклассической науки, о становлении коего идет речь – это прежде всего рекурсивный субъект, осознающий себя в интертекстуальном метаконтексте многообразных междисциплинарных и кросскультурных коммуникативных практик, включающих в себя практики творческой познавательной деятельности, а также и современные инновационные практики в области образования, осмысливаемые в контексте

преодоления «обезличенного», объективистски ориентированного подхода. Причем без непосредственного участия становящейся постнеклассической науки и ее субъекта, оснащенного высокими информационно-коммуникативными технологиями, современная техногенная цивилизация не в состоянии преодолеть критическую или «хаотическую» фазу макродвига (Э.Ласло), рискуя при этом свалиться в «фазу провала», когда «социальный порядок подвергается серии внутренних и внешних кризисов, которые вырождаются в конфликт и насилие»⁴.

Новая индивидуальная субъектность человека делает только свои первые шаги в окрестности бифуркационной поверхности исторического пути, его биологической и социокультурной эволюции. Индивидуальный субъект, формировавшийся также и под влиянием естественнонаучного дискурса Нового времени, отделяет себя от мира природы и других людей, проводя жесткие границы «Я – не Я». Его общение с природой, обществом, другим человеком осознается в рамках редукционистской модели коммуникации как обмена веществом или битами информации. Принципиальная возможность перехода к новому способу развития с необходимостью ставит проблему экологии сознания индивидуального субъекта – его целостности с пространством жизни, в конечном счете с космосом.

Полноценно развитая индивидуальная субъектность требует нового понимания человеком себя и мира. Нам необходимо преодолеть то отчуждение от реальности всеобщей жизни, которое возникло на первом этапе современной эволюции индивидуального самосознания. Процессы такого развития уже идут. Исследуя психологию добившихся успеха творческих людей, психологию победителей, выдающийся психолог А.Маслоу выделил определяющую их поведение основную внутреннюю потребность – действовать не ради получения индивидуальных выгод за счет других, а в осознании смыслов и целей всеобщего человеческого бытия и своей гармонии с этим бытием.

По сути, междисциплинарные трудности, порождаемые отсутствием «единства мироздания» как основания на уровне трансцендентального опыта построения общей картины мира, не дают возможности устойчивого (*объективированного*) коммуникативного включения реальности трансцендентного в контекст той сложной

саморазвивающейся системы, с которой в качестве объекта имеет дело постнеклассическая наука. Напомним, что среди этих сложных саморазвивающихся систем выделяется особый класс человекомерных, в которые включен человек. Но он, очевидно, не может быть непосредственно инкорпорирован в эти системы ни в качестве объекта, ни в качестве субъекта в классическом их понимании. Не удастся его полностью включить и посредством неклассической квантово-релятивистской связи «наблюдатель – наблюдаемое», поскольку за скобками остается такой существенно человеческий фактор, как процесс сознания (осознавания) субъектом самого себя. Включение процесса опознавания требует соответствующих инструментов для эмпирической работы в области трансцендентного.

И первое, что здесь бросается в глаза, так это подчеркнутое разведение терминов «человек» и «субъект» – разведение далеко не оригинальное с точки зрения классической философии. С определенной точки зрения то, что обозначается термином «человек», выступало и выступает в качестве объекта познавательной деятельности, производимой субъектом. Именно человек наделен страстями, аффектами, намерениями, психическими расстройствами, наконец. Субъект же, будь то картезианское *cogito* или кантовское единство апперцепции, выступает в качестве чего-то логически нейтрального, по существу лишенного «естественных» (неважно, физических или психических) субстантивов и предикатов. Субъект «живет» не в мире, но в логосе и потому причастен к таким инстанциям, которые гарантируют саму возможность знания. Человек же – всего лишь одна из компонент мира, причем в иных космологических построениях далеко не самая важная.

Однако не стоит забывать то, как, например, формулировал главный интерес философского вопрошания Кант: что такое человек⁵? Или же, если брать XX в., вспомним, что говорил М.Полани: «Будучи человеческими существами, мы неизбежно вынуждены смотреть на Вселенную из того центра, что находится внутри нас, и говорить о ней в терминах человеческого языка, сформированного насущными потребностями человеческого общения. Всякая попытка исключить человеческую перспективу из нашей картины мира неминуемо ведет к бессмыслице»⁶. Такой центр, по Полани, вовсе не нейтрален в отношении окружающего мира, а нередуци-

руемо наделен личностными характеристиками (личностным знанием), неявными предпосылками, образовавшимися в ходе контактов с этим миром и с себе подобными, а также страстями (страстная самоотдача).

Итак, «человека» и «субъекта» можно рассматривать как два полюса рекурсивного взаимодействия (коммуникации), между которыми движется гносеологическая и онтологическая мысль. Причем дискредитации и возвеличиванию равным образом подвергаются как тот, так и другой полюс. Подобная терминологическая различенность воспроизводилась и воспроизводится в собственно научных исследованиях, в частности, при построении теории относительности и интерпретации квантовой механики, что делает саму проблему разведения «человека» и «субъекта» актуальной и по сей день. Рассмотрим её подробнее.

Дабы отделить субъекта от человека Декарт, в свое время, ввел тезис о непрерывности сознания, коррелятом которой выступает отсутствие во внешнем для субъекта объекте лакун, где проявлялась бы свободная воля (детерминизм). Объект лишается спонтанности в своем поведении. Как только речь заходит о такого рода спонтанности, наука якобы должна опустить руки и отдать ее на откуп иных стратегий мышления, поскольку спонтанность привносит элемент принципиальной непредсказуемости, а последняя как раз и свидетельствует, что тут присутствует нечто наделенное душой, то есть человекомерное. Но такая человекомерность тоже может интерпретироваться по-разному. *С одной стороны*, человеческая реальность трактуется как зияние в бытии, как «ничто», в котором гаснут все претензии на «ясность и отчетливость» или «рефлексию» (Сартр). Тогда появление в фокусе научных изысканий объектов, наделенных человекомерностью, будет означать, что научные построения и практики должны органично включать в себя подобные пробелы как в исследуемом объекте, так и в его понимании. *С другой стороны*, человек, не будучи субъектом, может рассматриваться как непрерывная множественность, чьими элементами выступают, к примеру, «страсти души». Следует отметить, что такие страсти, или аффекты, могут полагаться полностью детерминированными и поддающимися развертке, не скрывающей в себе вышеуказанных лакун, а потому «объективироваться». В таком случае человек отождествляется, скажем, с психикой. Но тут

имеется трудность, состоящая в невозможности строгого разграничения и определения тех или иных страстей или их оттенков, а также в неподдающихся калькуляции переходах от одной «страсти» к другой (то есть, речь идет о непрерывной множественности). Тогда человек приравняется к некоей многомерной, а в пределе бесконечномерной системе. В этом случае он уподобляется микрокосму, соразмерному по своей сложности с макрокосмом. Но, будучи «бесконечномерной системой», человек тем не менее ограничен не только временем своей «актуальной» жизни (в том числе, возможно, и как род), но и теми познавательными-теоретическими установками, какие наличествуют в данный исторический период. Тогда «невычислимость» человека соотносится с указанной его изменчивостью. В итоге мы получаем то, что называем рекурсивным циклом: человек не может непрерывным образом развернуть самого себя для собственного умственного взора именно потому, что он человек. Тут, скорее, речь идет не столько о зиянии в бытии, сколько о бесконечности «модусов существования» человеческой реальности. Человекомерность тогда может интерпретироваться как учет в научных построениях такой бесконечности, причем последняя позволяет обсуждать и то, что наука нагружена пристрастиями ученых – пристрастиями, преодолеваемыми с помощью конвенций (Пуанкаре), одновременно снимающих и подспудно имеющих в виду указанное многообразие.

Как первая (человек – зияние в бытии), так и вторая (человек – непрерывная множественность) интерпретации в конечном счете опять же сводятся к упомянутым спонтанности и непредсказуемости в поведении человеческой компоненты мироздания. Постнеклассическая рациональность и сопряженный с нею рекурсивный субъект (именно субъект, как гарант познавательной деятельности) как раз и имеют в виду разработку техник освоения мира, включающих в себя указанные моменты. Тогда и сам субъект должен обретать особые черты, для содержательного определения которых имеет смысл обратиться к предложенному Бергсоном словосочетанию «непрерывное многообразие интенсивностей». Поясним еще раз, что тут имеется в виду.

Речь идет о двух типах многообразий: дискретном и непрерывном. Так, дискретное многообразие задается совокупностью отделимых друг от друга качественно однородных элементов (до-

пустим, ощущений), отчасти поддающихся исчислению (приведению в систематизированную форму). Между такими элементами субъект-наблюдатель может провести четкие границы, опираясь как на собственные способности восприятия (зрение, осязание и т. д.), так и на подручные инструменты. Данное многообразие меняется лишь количественно: прибавление нового элемента в принципе не меняет качественно самого многообразия. С другой стороны, непрерывное многообразие, для восприятия которого уже недостаточно утилитарно ориентированных органов чувств, качественно меняется при появлении каждого нового члена: музыкальная мелодия может качественно измениться при появлении новых звуков, обретающих дискретность лишь на нотном стане. Такое многообразие в принципе составлено из взаимоперекрывающихся и взаимопересекающихся непрерывных длительностей. Например, как писал Бергсон: «Когда мы сидим на берегу реки, то течение воды, движение лодки или полет птицы и непрерывный шепот нашей внутренней жизни могут, по нашему произволу, являться тремя различными вещами или одной»⁷.

Допустим, имеются три непрерывных длительности. Первая (непрерывность наблюдения) весьма напоминает картезианско-кантовскую непрерывность, с той разницей, что упор тут делается не на «я *мыслю*», а на поток микроперцепций. К тому же есть еще непрерывность полета птицы и непрерывность течения реки. Последние одновременно и внутри непрерывной длительности субъекта-наблюдателя, и вне ее. И если вне непрерывной длительности субъекта непрерывность полета птицы и непрерывность течения реки выступают как две разные непрерывности, то в совокупности с ней они формируют качественно иной ансамбль, нежели тот, каким была каждая длительность по отдельности. Появление же какой-то четвертой непрерывной длительности может опять качественно изменить всю совокупность. Именно в этом смысле непрерывное многообразие интенсивностей качественно меняется и при его делениях или прибавлениях, когда какие-то длительности изымаются из имеющейся совокупности или добавляются к ней.

Чтобы четче пояснить то, о чем идет речь, можно обратиться к М.Фуко, в частности к тому, как последний разводит две способности: видеть и говорить. Видение и говорение также могут быть проинтерпретированы как два непрерывных и «бесконечно

пересекающихся» многообразия. Длительность видения и длительность говорения – две разные по природе способности, резонирующие друг с другом. Так, сколько бы мы ни описывали картину, мы не получим живописное полотно. И сколько бы мы ни смотрели на какой-то объект, он не сообщит нам ни слова о самом себе. Соответственно, сколько бы мы ни говорили о чем-то, это что-то не появится в поле зрительного восприятия так, как того хотел бы рассказчик. То, что нам сообщается, не выглядит так, как о нем сообщается. Рисунок – не слово, а слово – не рисунок. Но, с другой стороны, имеются такие приемы «искажения» речи, которые позволяют задавать образные ряды, соответствующие (судя по ответным реакциям) намерениям говорящего. Тут присутствует какая-то скрытая структура (калиграмма), подразумевающая в том числе и то обстоятельство, что как только появляется зримое и мы начинаем о нем говорить, это зримое меняется. С другой стороны, когда мы сопровождаем речь рисунками, то сама она обретает качественно иные оттенки и смыслы. Два непрерывных многообразия, соединяясь, но не смешиваясь друг с другом, образуют качественно иную совокупность.

В этом случае картезианско-кантовскую «зацикленность» *Я мыслю*, если речь идет не столько о человеке, сколько о субъекте, также можно представить как один из интенсивных элементов такого рода многообразий. Тогда очередной раз следует сказать, что субъектность (или сознание) децентрализуется, она лишается выделенного центра («Я») и может быть представлена в виде некой среды, куда входит и то, что не приурочивается к классически (картезиански) понятому субъекту. То есть «среда субъекта» принципиальным образом не эгоцентрирована, а конституируется через имманентную ей фигуру «alter», но не в смысле необходимости наличия другого субъекта, а в смысле внутренней присущей субъекту инаковости по отношению к самому себе. Такую «alter-резированную» субъектную среду можно пояснить с помощью следующего литературного примера: мы имеем в виду госпожу Ленин из пьесы В.Хлебникова «Госпожа Ленин»⁸, где действующими лицами выступают Голос Слуха, Голос Зрения, Голос Осязания, Голос Внимания, Голос Воспоминания и т. д. Причем на равных с ними выступают в том числе Голос Рассудка, Голос Сознания, Голос Соображения. Голоса переплетаются и пере-

секаются, не смешиваясь, в голове больной шизофренией госпожи Ленин как разнокачественные непрерывные длительности. Субъектная среда предстает здесь как живой поток. Но те же самые голоса выступают и как источники дискретных сообщений:

«Голос Зрения: Только что кончился дождь, и на согнутых концах потемневшего сада висят капли ливня.

Голос слуха: Тишина. Слышно, что кем-то отворяется калитка. Кто-то идет по дорожкам сада.

Голос рассудка: Куда?»

То есть, с одной стороны, эту среду можно рассматривать как непрерывное многообразие интенсивных длительностей, с другой же – как дискретные наборы сообщений. Такие сообщения на первый взгляд нарушают континуальность многообразия, названного «субъектной средой». Они могут быть приравнены к дискретным «вспышкам ясности и отчетливости» (по Декарту) или «вспышкам интуиции» (по Бергсону), хотя точнее было бы сказать, что именно такие вспышки влекут за собой содержания дискретного толка. Момент дискретности проявляется здесь не столько через прерывистый характер сообщений, сколько через качественные изменения, претерпеваемые многообразием, а «вспышка» маркирует само изменение, связанное, как мы говорили, с добавлением к многообразию или изъятием из него нового интенсивного элемента (новой длительности)⁹. Сообщения же можно рассматривать как содержания, возникающие в результате этих «вспышек». Причем речь тут ни в коей мере не идет о предзаданности или предсуществовании тех содержаний, какие влечет за собой «вспышка», и тем более о предсказуемости последних. Такие вспышки не есть нечто длящееся, они, повторимся, маркируют именно изменение многообразия. Изменение многообразия, момент его качественной трансформации и есть то, что мы будем понимать под его инаковостью по отношению к самому себе – изменение, которое затем может выражаться в том или ином содержании. Отметим, что эти вспышки нельзя считать случайными в том смысле, в каком случайность понимается как акциденция. Не являются они и непредвиденными происшествиями, стечениями обстоятельств. Скорее к ним применим термин «контингентность», определяемый как то, что происходит без внешних предпосылок и потому не может быть выведено из них и одновременно неотъемлемо присуще самому

многообразие непрерывных длительностей, если угодно, укоренено в его бытии. И опять же, контингентное бытие вспышки дается не через себя, а через иное. Оно расположено как бы между акциденцией и шансом. Тогда картезианско-кантовское *Я мыслю* также может быть наделено контингентностью: эгоцентризм выступает здесь как некое оформляемое (самоорганизующееся) образование на альтруистической субъектной среде. Термин «альтруизм» появляется здесь как некая оперативная характеристика самой среды вне привязки к морально-нравственным или прагматическим установкам. Он призван подчеркнуть динамичность и открытость субъектной среды. И в этом смысле приведенная иллюстрация несколько хромает, поскольку состояние госпожи Ленин предполагает ее специфическую закрытость от внешнего.

Но пойдем дальше. Итак, «вспышка интуиции» маркирует собой появление нового содержания посредством перекомпоновки, добавлений и изъятий интенсивных длительностей. Новое содержание возникает (самоорганизуется) в интенсивном многообразии длительностей через «вспышки интуиции». Дискретное здесь не противопоставляется непрерывному, а рождается в нем, сопутствует ему.

Сказанное можно перетолковать и так: любая новая компонента, появляющаяся в интенсивном многообразии, будет вызывать некое аффективное состояние, сопровождающееся или не сопровождающееся в том числе и тем, что мы условно назвали «вспышкой интуиции», влекущей за собой новое содержание. Такая интуиция или мысль не является неизменным атрибутом сознательной, или разумной деятельности. Истолковывая ее как нечто вспыхивающее, появляющееся, не предполагающее за своей спиной некоего гаранта в виде внешних причинных связей или психологических мотивов, можно, конечно, говорить о разуме, чреватом безумием, но безумие здесь возникает только с точки зрения эгоистической картезианской парадигмы. Если же указанная парадигма сама рассматривается как нечто вторичное по отношению к альтруистической интерпретации, то речь должна идти о равноправии любых мыслительных содержаний в отношении друг друга по всему спектру возможных оппозиций типа «внешнее-внутреннее», «истина-ложь» и т. д. Но тут возникает проблема условий устойчивого существования таких содержаний, возможности выстраивания их

в некую структуру, ибо лишь во взаимном (структурно организованном) устойчивом сосуществовании им можно приписать прагматическую или информационную ценность, интерпретируемую далее как «сообщение о чем-то». В противном случае мы будем иметь дело с недифференцируемым потоком виртуально сосуществующих длительностей, не нацеленных на фиксированную соддержательность как таковую.

Итак, здесь уже речь заходит не о противопоставлении дискретных и непрерывных (или экстенсивных и интенсивных) многообразий, а об их взаимосвязи и о том, как контингентные экстенсивные содержания, являющие собой уже экстенсивные дискретные многообразия, могут возникать, сосуществовать в конечном счете исчезать на интенсивных многообразиях в случае перекомпоновки, расширения или сжатия последних. Причем каждая из введенных инстанций: непрерывные многообразия интенсивных длительностей, дискретные многообразия исчислимых содержаний, контингентные «вспышки интуиции» – приурочена не столько к человеку, сколько к субъекту – к постнеклассическому субъекту, пребывающему в непрерывной динамике.

Итак, все наши рассуждения предполагают как бы двойное прочтение. С одной стороны, дискретные многообразия соддержательных элементов надстраиваются над непрерывными многообразиями интенсивных длительностей, выступая своего рода вторичными устойчивыми структурными образованиями, наслаивающимися на подвижные потоки длительностей. Непрерывные многообразия истолковываются здесь как некая «среда», где инстанция *я мыслю* считается интенсивной длительностью, равноправной другим интенсивностям, на которой возникают поддающиеся рациональной калькуляции структуры, центрируемые вокруг субъекта-*cogito*. С другой стороны, оба типа многообразий различены, пребывают в разных «областях», между которыми возможны неартикулируемые переходы, причем последние сами претендуют, как было сказано, на роль инстанций, предполагающих собственный выделенный онтологический статус. Такое двойное прочтение может рассматриваться как неотъемлемая черта не только обсуждаемой рекурсивной динамики постнеклассического субъекта, но самого способа ее обсуждения. Здесь, скорее всего, имеет смысл говорить о «мерцающем» характере такого субъекта. Причем такое мерцание указывает

на принципиально неустрашимую двойственность: первый вариант прочтения опять же тяготеет к «однозначному, жесткому» классическому субъекту, второй же, если так можно выразиться, к рекурсивному (постнеклассическому) субъекту, действующему в потоках непрерывных множеств. И, наоборот, в первом прочтении может быть выделен тот аспект, что сам классический субъект является продуктом некоей самоорганизации, а во втором – что рекурсивный характер постнеклассического субъекта вбирает в себя некие топологические (пусть даже самостирающиеся, как говорил Деррида) характеристики. Если угодно, такая модель выступает в виде своеобразного «квантового объекта» и требует учета точки зрения, с которой к ней подходят (кто подходит?). Здесь можно сказать, что внутри такой трактовки постнеклассической субъектности присутствует аспект ее специфического саморассеивания. И именно он позволяет говорить об а-человеческом характере постнеклассического субъекта, когда тот выступает в роли субъекта-коммуниканта с «высшим миром», предполагающим особую динамику и становление. То есть человекомерность должна вводиться и обсуждаться с учетом а-человекомерной компоненты, маркирующей собой фрактальную динамику постнеклассического субъекта как в естественно-научной, так и в духовной практиках.

Обратимся теперь к собственно познавательной деятельности. Любой познавательный акт, совершается ли он в натурном эксперименте или же с помощью вычислительной машины, предполагает отношение к тому, что «что-то приходит»: происходит контингентная встреча с неизвестным, причем такое неизвестное отчасти предполагается заранее в плане возможных, теоретически допустимых характеристик, отчасти же несет в себе потенциал непредсказуемости. Причем именно непредсказуемые результаты, полученные в ходе исследования, как раз и составляют проблемное поле, отсылающее к *контексту обоснования*. Можно сказать, что акт познания направлен на ситуацию выбора: либо согласиться с тем, что перед нами некая ошибка (то, что не укладывается в предзаданную схему истолкования изучаемого явления), либо признать, что хотя бы в принципе полученный эффект может поколебать обоснованные ранее тем или иным образом теоретические построения. Такой выбор, такая селекция результатов эксперимента не столь уж однозначны. Даже если экспериментатор отбрасывает негодные с его

точки зрения показания приборов, он учитывает эти негативные последствия, откладывая их в качестве своего рода аномалий ради возможного дальнейшего разбирательства. Такое откладывание способствует косвенным образом укреплению *уверенности* экспериментатора и теоретика в адекватности полученных результатов актуальному положению дел во внешней реальности и наделяет позитивностью тезис о нагруженности наблюдения теоретическим знанием. Одновременно подобная «уверенность» свидетельствует о присутствии некоего неявного синтеза, направленного на связывание того, что *не получилось* в предполагаемом эксперименте, с тем, что *ожидалось* (или предвиделось). Собственно, здесь мы имеем еще один вариант рекурсивной интерпретации интенциональной природы сознания, обсуждаемой еще Гуссерлем.

Указанный синтез (синтез уверенности исследователя) может обладать разными оттенками и имеет разные следствия. С одной стороны, он подразумевает движение в некоей устоявшейся исследовательской традиции истолкования природы, или парадигме (по Куну). С другой – он же ведет к «научным революциям», то есть предлагает качественные сдвиги не только в интеллигибельном отношении к миру, но и в способах его, если можно так выразиться, ощущения, эмоционального восприятия. Во втором случае этот синтез выступает как некая сингулярность в ламинарном потоке исследований, да и познающий субъект утрачивает многие черты коллективности (ангажированности научным сообществом) и сам обретает сингулярный характер. Но по отношению к классической интерпретации научной деятельности такая сингулярность, единичность исследователя, как правило, нивелируется (отсылается к «контексту открытия») в силу невозможности объективного учета всего многообразия психосоматических процессов, сопровождающих «естественную» жизнедеятельность ученого в ходе познавательной практики. Последняя какой-то своей частью погружается в стихию неопределенности. Потому речь скорее должна идти о том, может ли ученый «подготовить» себя (как приготавливают квантовый объект), ввести себя в состояние открытости для ситуаций смены парадигмы. Сегодня, когда постнеклассические междисциплинарные исследования становятся «всепроницающими», указанная позиция выглядит особенно актуальной. Тем более что за ее кажущейся естественностью кроются серьезные проблемы,

связанные с отношением к уже устоявшимся и отчасти отрефлексированным в самих научных сообществах нормам и правилам изучения природы и человека – правилам, которые достаточно статичны и транслируют свою статичность в поведенческие исследовательские установки, в образ научного мышления.

Тогда – в несколько ином ракурсе – продолжим обсуждение *рекурсивного* (процессуального, нелинейного) постнеклассического субъекта, открытого для всякого рода самопреобразований в ходе интеракции с иным. Такой субъект будет собираться в виде совокупности тех потенциальных усилий или возможностей, которые сопровождают любой познавательный акт, направленный на освоение – как внутреннего, так и внешнего – обстояния дел. Данный акт включает в себя по крайней мере несколько компонентов, или потенциалов: рациональный, эмоциональный, чувственный и т. д. При этом нужно учитывать, что в ходе исследовательской деятельности одни из указанных потенциалов находят свое явное выражение, тогда как другие исчезают и в процессе своего исчезновения формируют зону виртуальности (зону открытости для освоения новых аспектов реальности): часть потенциалов уходит в зону виртуальности, другая часть актуализируется, формируя сложные композиции внутреннего состояния исследователя и внешней реальности. Тогда изменения в наблюдателе-исследователе-конструкторе, происходящие в акте познания, сопряжены с трансформациями способа компоновки, способа согласованности самого исследователя, способа, каким сопрягаются между собой фрагменты имеющегося знания с тем новым знанием, какое, как предполагается, возникает в эксперименте. Причем такая компоновка дает не только новое знание о мире, но и подразумевает формирование новых смыслов, нового понимания и отношения к самим познавательным процедурам и их оценке с точки зрения онтологической укорененности. Именно в этом случае конструируемый нами образ *рекурсивного* постнеклассического субъекта приобретает процессуально-нелинейный (меняющийся в самом себе) характер. Попробуем обрисовать возможную эволюцию, или становление, рекурсивно представленного субъекта.

Во многих современных «наукоучениях» полагается, что исследовательская деятельность разворачивается в параллельном движении накопления результатов, получаемых из опыта, и выработки те-

оретических представлений относительно как изучаемого фрагмента реальности, так и мира в целом. Причем в зависимости от того, какому аспекту, теоретическому или опытному, отдается предпочтение, выстраивается позиция исследователя. Если на первый план выходит опыт и лишь потом относительно этого опыта строятся те или иные теоретические спекуляции, то речь идет о более или менее сложном контакте исследователя с непредзаданными совокупностями внешних смыслов, вступающих во взаимодействие со, скажем так, «внутренним смысловым устройством» самого субъекта, причем надо учесть, что последний задан как ментальными, так и телесными координатами, как вербализуемыми, так и невербализуемыми аспектами познавательной деятельности. Тот невербализуемый аспект, который вслед за М.Поляни можно называть «молчаливым (личностным) знанием», задает состояние исследователя, которое, с одной стороны, предстает как некая целостность, обеспечивающая понимание случающегося здесь и теперь, а с другой – как контингентная сборка разрозненных «ощущений», относящихся, согласно Юму, к способности ассоциации. Освоение реальности происходит здесь, если воспользоваться терминологией Ж.Делеза и Ф.Гваттари, на *молекулярном* уровне, где молчаливое знание исследователя подчинено внешним, воздействующим на него смыслам, исходящим от осваиваемого объекта. Под действием таких внешних смыслов, предъявляющих субъекту разные способы существования объекта, первый расслаивается, и такая расслоенность подразумевает *множественность* реакций на *множественность* воздействующих смыслов. Причем часть этих смыслов вызывается к жизни деятельностью самого субъекта. Они суть реакции на его телодвижения, на его *усилия*. Эти смыслы формируют соответствующую реакцию исследователя и одновременно komponуют особое *молярное* (целостно-гештальтное) состояние последнего, где внешние и внутренние составляющие исследовательской ситуации объединяются в некое подвижное, но устойчивое в своей подвижности целое как процесс. Собственно, на *молярном* уровне познания субъект (и сама ситуация исследования) обретает ту индивидуальность, которая и делает его рекурсивным субъектом познания, – индивидуальность, требующую своего обоснования на право познавать (необходимость трансцендентализма), ибо *молекулярный* уровень в принципе не предполагает рефлексии, остается вне поля рассудочного, по Канту,

схватывания мира, тогда как *молярное* состояние отсылает уже к неким (синергетическим) *параметрам порядка*, формируемым внешними смыслами или, быть может, молчаливым знанием и требующим своей экспликации.

Таким образом, формирование, или, лучше сказать, становление, динамически рекурсивного субъекта сопряжено, по крайней мере, с тремя синтезами, на которые отчасти уже указывал Кант: 1) спонтанный синтез, соединяющий внутренние потенции субъекта и внешние последнему смыслы в некий комплекс (коннективный синтез); 2) синтез, упорядочивающий указанный комплекс в некое подвижное, но устойчивое целое и, как ни парадоксально, позволяющий проводить различия в таком целом, дробить его на составляющие, выделять в нем нечто особенное и специфическое (дизъюнктивный синтез); и 3) синтез, обеспечивающий повторное соединение различных и тем самым разграниченных частей в новое вариативное целое, вариативное именно потому, что части могут сочленяться по-разному, формируя каждый раз иное единство (конъюнктивный синтез). Сразу бросается в глаза, что первый синтез пассивен, а два следующих активны. Однако очевидно, что и в первом синтезе присутствует особого рода активность, не совпадающая с активностью других синтезов. Если активность дизъюнктивного и конъюнктивного синтезов держится (сошлемся опять на Канта) на рассудке или разуме, то активность коннективного синтеза нуждается в прояснении: это активность, присущая неожиданной встрече с принципиально непредсказуемой динамикой внешних смыслов, причем порой такая встреча имеет фундаментальное значение для прорыва в неизведанные миры.

Следует отметить, что указанные синтезы не стоит выстраивать в некую линейную временную последовательность. Все дело в том, что они переплетаются, их нельзя отделять друг от друга. Другими словами, эти синтезы сами вступают в некую коммуникацию и обмениваются собственными активностями, формируя знание как продукт самовоспроизводящихся коммуникативных действий, привлекающих ради собственной реализации эмоции, желания, ресурсы памяти, а также этические оценки, удерживая при этом соответствующую прагматичную цель. В этой связи также становится ясным, что *молярное* и *молекулярное*¹⁰ не соотносятся с чем-то, что может быть связано с размером, масштабом, важно-

стью или значимостью. *Молекулярность* характеризуется локальностью, неререфлексивностью, отсутствием четких границ между инстанциями познавательной ситуации (допустим, субъектом и объектом), она предполагает конструктивную сборку, задаваемую в лучшем случае только качественными, интенсивными характеристиками. *Молярное* же подразумевает самоорганизацию экстенсивных целостностей, обладающих границами и поддающихся количественным оценкам. Например, в молярном состоянии уже можно говорить о наличии разных дисциплин, обладающих своими подходами к исследуемому объекту. Тогда рекурсивный динамический субъект пребывает между *молекулярным* и *молярным*. На первый взгляд о нем можно было бы сказать, что у него достаточно четкие, но крайне подвижные фрактальные границы, что он все время перекомпоновывается. Но более корректным было бы определить его самого как ту фрактальную границу, которая маркирует переход от одного состояния до другого.

Остановимся подробнее на понятии «граница». Здесь уместны размышления Г.Плеснера относительно той границы, где завершаются контуры или очертания тела и начинается внешняя телу среда (традиционная проблема различения внешнего и внутреннего): «Граница представляет собой всего лишь виртуальный промежуток между телом и примыкающей к нему средой... Граница не принадлежит исключительно ни телу, ни примыкающей к нему среде, но к обоим вместе... Она является чистым переходом от одного к другому, от другого к одному и действительна только как обусловленность именно этой взаимной определенности. ...Тело начинается не потому, что завершается примыкающая к нему среда (или наоборот), но его начало или завершение не зависит от существующего вне его, *хотя чувственная констатация и не в состоянии выявить отчетливые чувственно воспринимаемые приметы этой независимости*»¹¹. Причем такое представление о границе (или границах) можно распространить отнюдь не только на биологическое тело, традиционно представляемое как некий цельный организм, определенным образом функционирующий и обладающий набором явно выраженных свойств (допустим, морфологического или поведенческого характера). То же, к примеру, можно сказать и о границах «между» органами или о границах, проводимых внутри органов. В конечном счете, переходный и условный характер границ позволяет ввести некое

абстрактное представление либо о бесконечно текучем, либо о бесконечно фрактализируемом теле в зависимости от того, каким онтологическим статусом мы наделяем концепт границы.

Еще раз обратимся к Ж. Делезу и Ф. Гваттари, а именно к их размышлениям относительно ритурнели, вибраций, сред, территорий и ритмов, а также к рассматриваемым ими процессам (или процедурам) территориялизации и детерриториялизации. Так, тело, прежде всего биологическое, может задаваться уже не своими геометрическими контурами, а занимаемой им территорией на некоей среде и тем, что на эту территорию попадает (Я. фон Икскуль). Например, субъектом тела паука будет и сплетаемая им паутина, и, в конце концов, даже муха, попавшая в эту паутину. С другой стороны, паутина строится именно так, чтобы быть коммуникативно сопряженной телу мухи, и может рассматриваться как продолжение ее телесности. К тому же территории склонны не только менять свои очертания, но и исчезать (детерриториялизация), давая место тому, что лишено территории (хаос как среда всех сред), или – в другой транскрипции – лишено органов (как территориялизованных образований). И такие процессы конституируются определенными ритмами и повторениями – ритурнелью. Иначе говоря – рекурсией. Чтобы обозначить указанные текучесть и фрактальность, территориялизацию и детерриториялизацию, Делез и Гваттари используют термины типа «рой», «стая» и т. п. Все сказанное имеет аналоговую корреляцию с представлениями современной нелинейной термодинамики, с системами, далекими от равновесия. В обоих случаях речь идет, по сути, о «микрочастицах», они выступают не столько некими дискретными атомоподобными образованиями, сколько «микро-личинками», обладающими внутренней активностью, не сводимой к активности макрообразований¹². В данной интерпретации тело (в том числе и человеческое) представляет собой своего рода гигантский рой, или рой, состоящий из роев, ибо даже каждый его орган может рассматриваться как отдельный рой. То есть тело истолковывается как рой, состоящий из роев-органов, бесконечно текучих и бесконечно фрактализируемых, территориялизуемых и детерриториялизуемых – вплоть до уровня ниже клеточного¹³. Можно сказать, что «рой» выступает в качестве некоего когерентного паттерна, но при этом речь не идет о приоритете совокупности над ее составляющими, ибо каждая составляющая совокупности может сама рассматриваться как рой. То есть рой

не локален и не глобален, он пребывает на некоем промежуточном среднем уровне, где пересекаются множественности и отношения¹⁴. В области такого пересечения и рождаются рекурсивные переходы от хаоса к средам, ритмам и территориям. Собственно, органы, взятые как территории на внутренне связанной среде, – это «фактически, некий акт, затрагивающий среды и ритмы, “территоризирующий” последние»¹⁵.

Но рядом с термином «рой» проступает и концепт «хаоса»: пчелы в рое движутся явным образом хаотично, однако каждая оторвавшаяся от него пчела стремится вернуться обратно¹⁶. Хаос выступает как предел фрактальности, понимаемой прежде всего как процесс. Но он же, согласно теории самоорганизации, является средой, на которой происходят становления упорядоченных (территоризированных) образований. Территоризация – это и есть собственно собиране (в нашем случае) организма на среде хаоса, тогда как детерриторизация – инъекция хаоса в среду и территорию. И упорядочивание хаоса происходит в соответствии с определенными ритмами и повторениями на разных уровнях. Ритмы и повторения (ритурнели, или рекурсии) – вот непосредственный ответ хаосу¹⁷. Заметим еще раз, что ритурнель-рекурсию не следует понимать только лишь как то, что просто повторяется. Она скорее выступает в качестве некоего различия в вибрациях между коммуницирующими средами, – различия, которое само является ритмичным. Вибрации порождают ритмы, а последние способны перемещаться между внутренними и внешними средами как сопряженные совместные действия (синергии).

То же применимо и к пониманию того «места», где располагается постнеклассический рекурсивный субъект. Как раз подобному рекурсивному динамическому субъекту (теперь его можно именовать «субъектом-границей») свойственна конструктивная активность – активность, отсылающая к коннективному синтезу (Кант): активность, которую содержательно удобно приравнять некоему *ненаправленному* усилию, влечению, *conatus* *y*. Согласно Спинозе, усилие, или влечение, сопряжено со стремлением каждой вещи удержаться в собственном бытии. Именно такое стремление побуждает вещь при встрече с внешними силами вести себя по-разному, дабы сохраниться. Само стремление еще не может быть связано с осознанием, желанием, направленным влечением

к чему-либо. Оно скорее выступает как онтологический оператор, маркирующий чистую динамику, чистое движение, или становление, без отсылки к тому, что становится и чем нечто становится. Усилие может интерпретироваться как направленное влечение лишь тогда, когда вещь и внешние ей силы формируют более или менее устойчивые композиции, показывающие, насколько вещь укрепилась в собственном бытии или насколько она отклонилась от него. Субъект-граница как квинтэссенция усилия, возникающего в трансцендентном переходе от одного состояния к другому, располагается именно в «области» фундаментальной встречи с непредсказуемым в молекулярном состоянии.

Здесь мы встречаемся с некой неопределенной областью невоспринимаемого, которая указывает на наличие тайны, обнаруживающей себя как восприятие невоспринимаемого, как переживание непонимаемого. У тайны особое отношение к восприятию и к невоспринимаемому. То, что воспринимается, как таковое уже не может быть тайной, по крайней мере формально. То же, что выступает в качестве тайны, по определению не должно восприниматься. Но так можно говорить лишь в том случае, когда речь идет о неких содержательных аспектах: я не знаю, что спрятано в этом сейфе, содержимое сейфа является для меня тайной. Однако в нашем случае, в нашей спекулятивной модели речь идет не столько о содержаниях (последние возникнут на стадиях второго и третьего синтезов), сколько о наличии состояния присутствия при тайне – присутствия, которое само не менее таинственно. Тайна, как мог бы сказать Мамардашвили, накручивается на саму себя. И даже «обнаружение» новых содержаний знания не обязательно снимает с них покров таинственности. Тайна парадоксальным образом взывает к такому восприятию, которое, по сути, отсылает к невоспринимаемому. И еще раз оговоримся, что такого типа тайна имеет место именно для субъекта-границы в момент фундаментальной встречи. Тайна имеет место в ситуации становления, она сама становится и наполняет становление содержанием, неустрашимо таинственным содержанием. С другой стороны, как только познавательно-экзистенциальная ситуация индивидуализируется и обретает целостность, тайны превращаются в секреты, которые нужно выведать у природы с помощью методов, сконструированных ясно и отчетливо. Но не только у сконструированной в наших

представлениях природы. Их нужно выведать и у нас самих как у обладающих собственным внутренним смыслом человеческих существ. И именно в этом рекурсивном контексте состоит сейчас главная стратегическая задача философии субъекта в ее космологическом измерении, где она только и может обрести свое подлинно социальное значение вместе с высоким духовным смыслом.

Примечания

- ¹ Луман Н. Самоописания. М., 2009. С. 10–11.
- ² Б.В.Марков. Трансцендентальная феноменология с телекоммуникативной точки зрения // Я.А.Слинин и МЫ: к 70-летию проф. Ярослава Анатольевича Слинина. СПб., 2002.
- ³ Там же.
- ⁴ Ласло Э. Макросдвиг. К устойчивости мира курсом перемен. М., 2004. С. 143.
- ⁵ Не будем забывать, что, по Канту, человек как «чувственно-сверхчувственное образование» не совпадает с субъектом, выступающим в том числе и в качестве трансцендентального гаранта синтетических аспектов познания.
- ⁶ Полани М. Личностное знание. М., 1985. С. 20.
- ⁷ Бергсон А. Длительность и одновременность. Пг., 1923. С. 46.
- ⁸ См.: Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 414–416.
- ⁹ В пьесе последнее обстоятельство хорошо показано тем, что болезненное состояние героини прямо не называется, а возникает в тексте через переключку голосов-длительностей.
- ¹⁰ Сами термины «молярное» и «молекулярное» заимствованы из произведений Ж.Делёза и Ф.Гваттари, и мы стараемся удерживать тот смысл, который вкладывали в них эти авторы.
- ¹¹ Плеснер Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию. М., 2004. С. 108.
- ¹² В другом месте в несколько иной терминологии Делез – со ссылкой на Лейбница – следующим образом описывает данную ситуацию: «Обычные механизмы состоят из деталей, однако те машинами не являются, тогда как организм бесконечно машинизирован – это машина, и все части ее или детали – также машины» (Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М., 1998. С. 16).
- ¹³ В общем-то, для биолога здесь нет ничего удивительного. Любой микроскоп подтвердит сказанное.
- ¹⁴ См.: Thacker E. (2004, 2007). *Networks, Swarms, Multitudes*. from <http://www.ctheory.net/articles.aspx?id=423>
- ¹⁵ Deleuze G., Guattari F. *Mille plateaux* // Minuit. 1980. P. 386.
- ¹⁶ Математической интерпретацией роя может служить странный аттрактор (опять же отсылающий к рекурсивным процессам).
- ¹⁷ См.: Deleuze G., Guattari F. *Mille plateaux*. P. 385.

Сборка субъекта с точки зрения коэволюции сложных систем

Сборка субъекта и сборка мира

Знание принципов коэволюции сложных систем позволяет раскрыть основные смыслы нового понятия «сборка субъекта». Прежде всего очевидно, что сборка субъекта неотделима от сборки мира. Под сборкой мира можно понимать способы рождения и самоподдержания в нем целостных образований, интеграции частей в целое при построении сложных систем, или, как сказал бы С.П.Курдюмов, нелинейного синтеза частей в целое. Почему нелинейного? Потому что мир, наполненный сложными коэволюционирующими системами, нелинеен. Это означает, что следствия не просчитываемы из причин: малые причины могут вызывать несоизмеримые, огромные, далеко идущие и масштабные последствия, а относительно большие причины могут никуда не сдвигать систему, не вызывать видимых следствий, если система находится в устойчивом состоянии. Нелинейность связей между вещами и событиями мира определяет нелинейность способов сборки и нелинейность синтеза простого в сложное.

Можно говорить об изоморфности мира и каждой его частей, о том, что сложность мира сказывается на сложности его части, а из сложности части вырастает сложность мира. Гегель говорил: «Каков человек, таков и мир», но можно сказать также, что «Каков мир, таков и человек».

«Матрешечность» или масштабная инвариантность (фрактальность) строения мира имеет эволюционный, и пространственный, и темпоральный смысл. Вложенными, фрактально организованными являются и пространственные структуры, и циклы эволюции.

Говоря о сборке субъекта, необходимо прояснить и смыслы субъективности, в том числе напомнить философское содержание понятия субъекта. В субъекте (человеке как субъекте, коллективном человеческом субъекте, мире и каждой вещи как субъекте) есть моменты самодвижения, автономии, обращенности на самого себя, рефлексии. По Аристотелю, субъект сам по себе неподвижен, но вместе с тем он сам движется. По Гегелю, субъект конституируется как сам процесс размышления над самим собой. Способ действия субъекта есть нарезание, расщепление, усмотрение различий посредством введения отрицания в поток чувственных восприятий. Эта способность к самодвижению, присущая субъекту, есть чистая негативность.

Таким образом, мир в его сборке и человек в его сборке находятся в отношении взаимной детерминации и взаимного построения. С этой точки зрения непростое понятие *habitus*, введенное Марселем Моссом (1872–1950) и развитое Пьером Бурдьё (1930–2002), становится вполне естественным и понятным. Фактически речь идет о сборке индивидуального субъекта социального действия, которая осуществляется под влиянием и по образу структур социального мира, в котором он действует. *Habitus* – это структура ума, набор приобретенных схем, верований, вкусов, диспозиций индивидуального сознания. Диспозиции индивида к его восприятию, мышлению и действию, то есть его *habitus*, есть объективации социальных структур на уровне индивидуальной субъективности. Индивид втягивает в себя социальный мир, как и мир строится через диспозиции сознаний индивидов, служащих узелками для роста социальных структур. Структура индивидуального сознания изоморфна конфигурационным и ситуационным условиям мира, в которых она возникает.

Часть и целое: холистическое видение

Путь эволюции – это путь интеграции, сборки, составления сложных ансамблей структур. Иными словами, путь эволюции – это путь коэволюции, совместного и взаимосогласованного развития сложных структур.

Обычно утверждается, что холизм заключается в том, что становящееся и коэволюционирующее *целое больше суммы частей*. Но это в известной мере упрощает реальное положение вещей. Возникающее целое обратно воздействует на части, трансформируя их, в результате чего они приобретают эмерджентные, неожиданные свойства. Становление целого связано с видоизменением, деформацией частей, ибо они входят в иную среду, где действуют иные правила поведения. А, изменяя части, целое может *пробудить* новые необычные, ранее невиданные свойства какой-либо части или некоторых частей, может вызвать их к бытию. Часть (например, человек в социуме) несет в себе тотальные свойства целого – природу социума, причем как микро-, так и макросоциума, но вместе с тем еще что-то свое, индивидуальное и неповторимое, в том числе появившееся под воздействием целого. В этом смысле *часть больше целого*.

Эмерджентные свойства структурных образований связаны с нелинейностью развития сложных систем в мире. Нелинейность имеет глубокий смысл, будучи индикатором неединственности эволюционного пути и возможности качественных ломок, фазовых переходов, ситуаций «на краю хаоса», когда флуктуации могут сбросить систему в иное состояние, к образованию новых структур.

Сложные системы организованы иерархическим образом. Сама часть может быть целым, если она состоит в свою очередь из более мелких частей на нижележащем уровне организации мира. *Часть может быть сложнее целого* по своему поведению, по спектру возможных форм, если она имеет более высокий показатель нелинейности по сравнению с целым. В соответствии с синергетическим видением, это имеет место, по-видимому, в случае человека в обществе. *Человек сложнее социальной группы или общества, ибо его нелинейность выше*. Сильная нелинейность означает, что соответствующее структурное образование на своем уровне организации обладает более сложным спектром пространственно-временных форм-структур и возможных режимов развития. Именно человек может выходить на такие автомодельные режимы, при которых он ощущает, как говорил С.П.Курдюмов, *влияние неограниченно отдаленного, абсолютного будущего, сверхцивилизации*¹. И вместе с тем именно человек строит и перестраивает себя в основном из прошлого, из элементов памяти, возобновляя

процессы по старым следам и встраивая *крупные блоки прошлого* в настоящее, и, погружаясь в дорогое и памятное ему прошлое, он прорывается в желаемое будущее. Высокая нелинейность и целостность человеческой индивидуальности воплощается в свободной человеческой деятельности, в полете его конструктивного воображения и в работе его творческой интуиции.

Целое: сборка как конструирование

Как происходит сборка целого из частей? Во-первых, сборка происходит не произвольно, а в соответствии с некоторыми законами – законами нелинейного синтеза.

Во-вторых, сборка происходит путем не слепого перебора, а умного выбора наиболее релевантного, резонансного возбуждения структуры малым, но правильно организованным воздействием.

В-третьих, сборка целого есть его конструирование. Оно означает момент активности, субъективности, рефлексивности при построении целого. Кроме того, конструирование означает выбор желаемого, наиболее благоприятного пути эволюции из спектра доступных для реализации путей, выбор образа предпочитаемого будущего.

Человек является существом, которое целенаправленно конструирует действительность. Можно выделить различные смыслы конструирования:

– конструировать – значит целенаправленно различать. Сингулярное, несвязное, изолированное нельзя конструировать; всякий опыт существует только как различие. Нечто сконструированное – это, по словам Бейтсона, «the difference that makes a difference» («различие, которое имеет значение, которое нужно почувствовать» или «небезразличное различие»);

– конструирование порождает когерентный, относительный мир. Сконструированная действительность когерентна, поскольку она конструируется как внутренне сопряженная, связанная, в которой изолированное не существует и не может существовать. Сложные структуры, потоки информации, сети коммуникации наслаиваются друг на друга, приводя к возникновению новых эмерджентных качеств на уровне систем и систем систем, ни одно из которых не яв-

ляется конечным, окончательным, завершающим, неоспоримым. Мы живем «в мире кажущихся бесконечными метаморфоз интерпретаций, которые сменяют друг друга» (Варела);

– конструирование есть безграничный, рекурсивный процесс. Человеческое конструирование оказывается единственным в своем роде и непрерывающимся процессом, который из настоящего отсылает в прошлое и будущее и включает в себя оба эти модуса времени. Оно ссылается на прошлое, ибо основывается на опыте, и на будущее, поскольку опыт переконструируется как нечто повторяющееся и приближенное к новым экологическим условиям;

– конструирующий человек и конструируемый им мир составляют процессуальное единство. Фон Фёрстер описывает человека как «самостоятельную, автономную, организационно замкнутую сущность». Наблюдающий организм выступает не как независимая познающая инстанция по отношению к наблюдаемому объекту, а как часть и участник самого мира наблюдения. Конструирование представляет собой, стало быть, двоякий относительный процесс: конструирование генерирует действительность как сеть связей, поскольку не элементы, а различия являются первичными. На основе постоянной рекурсии конструирование создает индивидуально оформленный и не вводящий в заблуждение мир опыта, в котором познающий и познаваемое составляют неразделимое единство;

– конструирование есть процесс, порождающий континуальность и циклическую причинность, этот процесс придает действительности вид неразрывного и когерентного целого;

– конструирование – это индивидуальная, узаконивающая саму себя деятельность. Конструирование означает, что индивиды активно стремятся оформить данные своего опыта так, чтобы они были осмысленными и полезными в ходе дальнейшего восприятия, переживания, освоения мира.

Синергия в антропологическом смысле

Американский антрополог Рут Бенедикт (1887–1948), которая прославилась благодаря своему сочинению «*Patterns of Culture*» (1934), развивала этический аспект понятия «синергия» (от греч. *συν-εργος* – работать вместе). Синергия в ее антропологическом и

этическом смысле раскрывает тайну сборки субъектов в социальной среде, когда разделение труда или работа команды (teamwork) дает неоспоримое преимущество какой-либо социальной группе или государству и выдвигают их на экономическом рынке, политической арене или в геополитическом пространстве.

Социальные образования с высокой синергией, иными словами, с оптимальной, правильной сборкой, сводят агрессию до минимума и доводят сотрудничество до максимума. Они отличаются большим доверием, меньшей централизацией (т. е. большим внутренним разнообразием) и большим чувством ответственности. Герман Хакен, рисуя картину желаемого самоорганизующегося общества, отмечает: «Каждый отдельный человек вносит вклад в коллективное поведение, которое действует как параметр порядка и в конечном счете – совершенно в духе синергетики – затягивает на этот путь все большее количество индивидов, даже, выражаясь несколько резко, “поработает” их в своих действиях... В качестве общего знаменателя может быть взят как существенный *принцип ответственности* Ханса Йонаса в самом широком смысле (курсив автора). Дстойное человека самоорганизующееся общество может продолжительно существовать только тогда, когда каждый поступает так, как если бы он в рамках своей собственной деятельности был ответственен за целое»².

Психолог Абрахам Маслоу подчеркивал, что в обществе с высокой синергией «заведен такой порядок вещей, при котором действия индивидуума, направленные на достижение личной выгоды, выгодны обществу в целом... Такое общество лишено агрессивности не потому, что люди неэгоистичны и ставят социальные интересы выше своих личных, а потому, что при данном социальном устройстве эти интересы оказываются неразрывными»³. В этом смысле диспозиции индивида к действию, познанию и творчеству вливаются в подвижки социальной структуры, работают на нее, стимулируя обратным влиянием действия каждого индивида.

Хитрость коллективного разума

В своей философии истории Гегель описал феномен хитрости мирового разума, который достигает своей цели независимо от воли и конкретных действий отдельных индивидов. Используя

аналогию с идеей Гегеля, известный специалист в области эволюционной эпистемологии Э.Эзер говорит о таком феномене, как хитрость коллективного разума. Тем самым он стремится понять, как жестокая конкуренция между индивидами в обществе оборачивается их плодотворной кооперацией, как преодолевается их эгоизм, превращаясь в энергию социального целого, в синергию социального творчества и инновирования.

Хитрость коллективного разума, по Эзеру, это⁴:

– принуждение к самовыражению и представлению самого себя. Каждый член некоторой группы вынужден представлять себя перед другими её членами. Семья или иная малая социальная группа представляет собой, согласно этому взгляду, такой «аппарат принуждения», посредством которого человек смог развиваться в так называемом поле преодоления своей звероподобной сущности;

– принуждение создать такие условия, при которых другие тебя не могут не заметить;

– принуждение к формированию внутреннего самопонимания всей группы. Это принуждение к совместному самопредставлению группы в области научного исследования предстает в виде соответствующей целевой установки группы;

– принуждение к представлению себя вовне. Хитрость коллективного разума состоит в превращении конкуренции в кооперацию.

Каждая часть (человек как субъект) обладает своей собственной территорией. Творческий ум неограничен, автономен, определяет сам себя, требует для своего развития некой среды для нестесненного развития, в этом смысле можно говорить об экологии творческого разума. Аналогичным образом Эзер говорит об экологии коллективного разума – об определенных ландшафтах информации и знания в процессе научной деятельности, где господствует и правит коллективный разум, или, в представлении Т.Куна, парадигмальное сознание.

Эмерджентность результата сборки

Возникающее в результате сборки целое (целостная эволюционирующая структура) обладает свойством эмерджентности. Выделяют следующие критерии эмерджентности:

- неаддитивность, т. е. величина целого не равна сумме величин частей (в этом же заключается и холистический эффект);
- новизна;
- принципиальная непредсказуемость;
- макродетерминация (влияние части на целое и через целое);
- нередуцируемость (целого к части и части целого к целому и части, какими они были до возникновения целостности).

Множественное будущее

Еще одно важнейшее понятие – это понятие множественности будущего (*multiple futures*) и образов желаемого будущего (*images of the future*). И если мы говорим о сборке субъекта в контексте построения коэволюционных целостностей, то она должна осуществляться на принципах соблюдения внутреннего разнообразия. Разнообразие системы на уровне ее элементов или частей готовит ее к множественному, альтернативному будущему и дает возможность конструировать реальность в соответствии с нашими предпочтениями и потенциалами среды, выбирать желаемое будущее.

И. Пригожин говорил в этой связи о «конфигурации ситуаций» и об умножении разнообразия внутри системы, поскольку это приводит к расширению спектра возможностей будущего.

Умножение разнообразия есть игра с миром, его проба. Это правильный способ, каким мы можем справиться со сложностью этого мира. Мир есть не *machine mundi*, а *theater mundi*. Мы создаем игру через нашу кооперацию, через нашу синергию, через саму игру. Мы являемся действующими лицами в этой игре со сложностью, а не просто зрителями того, что происходит в этом сложном мире. Мы всецело вовлечены в эту игру, и пересоздаем мир и самих себя в процессе этой игры.

Чтобы научиться со-созидать желаемое будущее, нужно усвоить следующие ключевые представления:

- Предсказание очень сложно, особенно когда оно касается будущего. Точные предсказания очень редки, в большинстве случаев можно предсказать лишь некоторые ключевые элементы, тогда как во множестве деталей легко ошибиться.

– Отнюдь не все удивлены сюрпризами. Если случается то, чего никто не ожидал, то стоит поискать людей, которые тем не менее ожидали это.

– Даже если изменения происходят очень быстро, мы нередко ощущаем, что всё меняется медленно. Есть две реальности: наше личное, субъективное ощущение течения времени и мир с его объективной скоростью течения событий, которые часто не соотносимы.

– Большинство трендов (инициатив, начинаний, новаций) вымирает подобно тому, как и большинство мутаций в живой природе являются летальными, приводят к смерти, а не увеличивают выживаемость организмов.

– Будущее – это, как правило, настоящее или нечто не сильно от него отличающееся. Даже если инновации входят в культуру, не надо думать, что изменения произойдут быстро и повсюду.

– Всегда есть разные возможности. Нам может не нравиться то, что мы выбираем.

– Будущее не выгравировано на камне. Оно непрерывно создается нами.

– Гаджеты – еще не футуризм, еще не будущее. Не обольщайтесь новыми техническими устройствами как двигателями социального прогресса. Намного важнее использование новых технологий, чтобы быть вовлеченными в новые формы социальной, экономической, политической, культурной активности, реально создавать эти новые формы, новую социальную среду.

– Всегда есть авангард и отстающие (люди, предприятия и компании, города, страны, геополитические регионы). Важные изменения никогда не происходят быстро и повсеместно. Напротив, всегда существует неравномерность, всегда есть лидеры, более того, разрыв между лидерами и аутсайдерами катастрофически увеличивается. К примеру, если речь идет о крупных городах мира (**Big Cities**), то они **ранжированы по закону Ципфа – эволюционному закону фрактальности, т. е. масштабному самоподобию**. Например, Москва – это не город, а совокупность около 150 самостоятельных городских единиц (квантов урбанизации с численностью населения, по оценкам географов-урбанистов, порядка, 67 тысяч человек).

– Технологии не приживаются быстро. Реальная польза новых технологий ощущается не сразу, а только по прошествии ряда лет.

– Будущее принадлежит любопытным. Если ты хочешь узнать, почему важна та или иная инновация, не спрашивай тех, кто ее ввел, поскольку они видят только ее преимущества, а не недостатки. Не обращай и к критикам, потому что они видят в ней только плохое. Действуй как хакер, который стремится найти наилучшие способы ее использования и встроить ее в жизнь совершенно неожиданным образом.

– Будущее – это процесс, а не судьба. Будущее – это не конец истории. Не надо думать, что можно достигнуть будущего и торжествовать победу. Всегда остается вопрос: «А что потом?».

Коэволюция как партнерство

Глубокое понимание принципов коэволюции, нелинейного синтеза частей в устойчиво эволюционирующее целое, открываемых теорией самоорганизации сложных систем, может и должно лечь в основу современного «искусства жить вместе», содействуя утверждению толерантности и сохранению разнообразия в глобализирующихся сообществах. Коэволюция (устойчивое совместное развитие) как партнерство означает:

- а) жить друг с другом, а не против друг друга;
- б) жить так, чтобы не уменьшать шансы других, в том числе будущих поколений, жить также хорошо;
- в) заботиться о тех, кто беден и бесправен, а также о состоянии окружающей среды, расширять круг нашего внимания, сочувствия и заботы (толерантность и экологическое сознание).

Ф.Капра отмечает: «Партнерство – весьма существенная особенность устойчивых сообществ... Со времен появления первых ядерных клеток 2 миллиарда лет назад жизнь на Земле прошла через неуклонно усложняющиеся формы кооперации и совместной эволюции. Партнерство – тенденция объединяться, устанавливать связи, жить *друг в друге* и сотрудничать – одна из важнейших отличительных черт жизни. В человеческих сообществах партнерство означает демократию и расширение прав личности, поскольку каждый член сообщества играет в них важную роль. Комбинируя принцип партнерства с динамикой изменений и развития, мы можем метафорически использовать термин «*совместная эволюция*» применительно и к человеческим сообществам»⁵.

«Искусство жить вместе» означает стимулирование толерантности к другому образу жизни/другим людям и поддержание разнообразия в глобализирующихся обществах.

Козволюция есть «искусство жить в едином темпомире», не свертывая, а поддерживая и развивая разнообразие на уровнях элементов и отдельных подсистем. А значит, нужно культивировать у каждого чувство ответственности за целое в плюралистичном и объединенном мире.

«Искусство жить вместе» – это искусство поддержания единства через разнообразие, взращивания самости, своего неповторимого личностного Я путем одновременно обособления от среды и слияния с ней. Каждый элемент (личность, семья, этнос, государство) сложной коэволюционирующей целостности операционально замкнут, поддерживает свою идентичность. Каждый элемент творит себя через целое и преобразует целое, творя самого себя. Он должен забыть себя, чтобы найти себя, обнаружить свое сродство с миром, чтобы познать самого себя, построить самого себя по-новому.

Примечания

- ¹ См. об этом: *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Синергетическое мировидение. Изд. 3, доп. М., 2010. С. 114–120.
- ² *Хакен Г.* Самоорганизующееся общество / Пер. Е.Н.Князевой // Синергетическая парадигма. Вып. 6. М., 2010. С. 367–368.
- ³ Цит. по: *Вайнцвайг П.* Десять заповедей творческой личности. М., 1990. С. 66.
- ⁴ *Oeser E.* Psychozoikum. Evolution und Mechanismus der menschlichen Erkenntnisfähigkeit. Berlin–Hamburg, 1987. S. 128.
- ⁵ *Капра Ф.* Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. Киев–М., 2002. С. 323.

Субъект и индивид в коммуникативных практиках*

Понятие субъекта, сформировавшееся в картезианской эпистемологии, стало в конце XX в. неактуально. Утверждение, что если есть мышление, то непременно должен существовать тот, кто мыслит, теперь уже не представляется очевидным. Еще в XIX в. усилиями Гегеля и Маркса утвердилось представление, что мышление не есть дело одного человека. Образ самостоятельно действующего, автономного носителя разума неудовлетворителен для описания мыслительной деятельности. Она совершается в обществе, во взаимодействии многих индивидов, ни один из которых не может мыслить сам. Спустя столетие после Маркса это представление было основательно уточнено. Были развиты конкретные описания мышления как процесса, осуществляемого в социальной среде. События мысли могут быть представлены как эффекты, сопровождающие языковые игры или обмен знаками, детерминированный свойствами структуры. Их описание делает фигуру субъекта просто лишней, также как лишней для понимания литературного текста оказалась фигура автора¹.

На мой взгляд, однако, отказ от понятия субъекта чреват серьезными потерями. Субъект в классическом понимании является источником не только когнитивного, но и морального действия. Если в эпистемологии возможен отказ от субъектного представ-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 08-03-91309а/У.

ления познания, то для этики «смерть субъекта» означает исчезновение предмета описания. Коль скоро все происходящее в социуме не имеет автора, то теряет смысл понятие о моральной ответственности, а следовательно, и о самой морали. Интересно, что в социальных и эпистемологических исследованиях последних десятилетий весьма заметны усилия, противодействующие такой тенденции. Предпринимаются попытки показать, что познание неотделимо от морали. Каждый когнитивный акт неизбежно оказывается морально нагруженным. Наука не может рассматриваться как нравственно нейтральное занятие, как объективное познание, свободное от ценностей².

Есть два обстоятельства, стимулирующие эти усилия: влияние науки на человеческую жизнь и коммуникативный характер познания. Первое из названных едва ли требует особого обсуждения. Современная наука существует в тесной корреляции с технологией и представляет собой мощное средство воздействия на самого человека. Она способна менять и среду его обитания, и его телесность, и его сознание. Если научное познание не имеет субъекта, а есть результат спонтанного изменения некой безличной среды, то ситуация оказывается просто пугающей. Технологические инструменты, способные менять саму природу человека, разрабатываются и применяются без всякого осознанного контроля, как бы сами собой. Избежать подобной ситуации может лишь присутствие сознательно действующего и нравственно ответственного субъекта.

Второе обстоятельство связано с тем, что познание представляет собой коммуникативную деятельность. В частности, научное познание осуществляется в ходе взаимодействия в рамках научного сообщества, члены которого связаны определенными нравственными обязательствами. Само понятие научного сообщества и сопутствующее ему понятие *этоса науки*³ подразумевает взаимодействие субъектов, способных отвечать за свои когнитивные усилия, равно как и за их результат.

Эти соображения требуют тщательно присмотреться к самому понятию субъектности. Хотя это понятие рождается вместе с эпохой модерна, оно совсем не обязательно должно исчезнуть с ее завершением. Возможно, эта эпоха открыла такие черты познавательной деятельности, которые могут быть значимы и сегодня. В этой статье

я попытаюсь выявить некоторые концептуальные различия, сделанные еще в XVII–XVIII вв., а затем показать, что они действуют и поныне, претерпев, впрочем, заметные изменения.

Основное различие, на которое я буду опираться, описано Аленом Рено в книге «Эра индивида»⁴. Этот исследователь настаивает на необходимости развести понятия индивида и субъекта. Тот факт, что эти понятия не различаются, приводит, по мысли исследователя, к поспешным декларациям о «смерти» субъекта. Речь в действительности должна идти о «смерти» индивида.

Прежде всего остановимся на тех характеристиках субъекта, которые установлены классической философией. Субъект исходно определен в ней через противопоставление объекту. У Декарта мыслящей субстанции противостоит протяженная. У Канта трансцендентальный субъект испытывает постоянное воздействие трансцендентной вещи в себе. Коллизия классической рациональности состоит в том, что, противопоставляя субъект объекту, она постоянно стремится к их тождеству. Познание и состоит в том, что объект теряет свою независимость и оказывается полностью сведен к субъектным структурам. Эта мысль намечена еще у Декарта. В его философии противопоставление мыслящего субъекта и протяженной вещи снимается тем, что сама протяженность, т. е. основной атрибут объекта, обуславливающий его отличие от субъекта, есть в то же время врожденная идея, заранее присутствующая в уме. Благодаря этому объект совершенно прозрачен для субъекта. Завершается эта интенция на поглощение объекта в немецком идеализме⁵, где оно предопределено заранее положенным субъектно-объектным тождеством. Но это как раз и означает конец субъекта. Субъект, которому ничего не противостоит, представляет собой лишь спонтанную активность, развивающуюся в рамках некоторой логики, например, диалектической.

Единственным философом, сохранившим противопоставление субъекта и объекта, является Кант. Обнаружив неустранимую границу познания, он выявил невозможность свести к субъекту всю противостоящую ему реальность. Понятие о вещи в себе раскрывает тот факт, что субъект постоянно сталкивается с чем-то иным, принципиально отличным от себя. Однако именно благодаря таким столкновениям он сохраняет себя в качестве субъекта. Наличие границы, т. е. конечность, в отличие от бесконечного

абсолютного духа у Гегеля, означает определенность субъекта, его идентичность самому себе. Эта идентичность выражается в специфическом акте сознания, который Кант определяет как трансцендентальное единство апперцепции: я всегда один и тот же в каждом действии своего рассудка. Тождество себе, будучи необходимым условием познания, делает также возможной ответственность субъекта за свои познавательные действия⁶. Поэтому Кант, по-видимому, является единственным последовательным философом субъективности.

Рено связывает конечность субъекта с чувственным характером познания. Именно чувственность свидетельствует об аффицируемости субъекта, т. е. о его постоянном столкновении с иным, с вещью в себе. Познание поэтому включает как активность субъекта, его способность к синтетической деятельности, так и пассивность, открытость к воздействию извне.

Кантовская теория субъективности развита далее в его этике. По мысли Рено, сущностной чертой морального субъекта является его автономия. Последняя подразумевает, во-первых, способность давать самому себе моральный закон, а во-вторых, следовать этому закону во всех жизненных обстоятельствах. Иными словами, речь так же, как и в эпистемологии, идет о тождестве субъекта самому себе и об ответственности за моральный акт. Впрочем, кантовская этика сталкивается с некоторой трудностью. Моральный закон, с одной стороны, имеет смысл для *конечного* разумного существа. Конечность состоит в том, что всякое моральное действие направлено на другого. Мораль невозможно практиковать по отношению к самому себе, она неизбежно предполагает сообщество, поскольку выражает мои обязательства по отношению к другим людям. Одну из функций морального закона Кант видит в том, что он «составляет высшее *ограничивающее условие* свободы поступков каждого человека» (курсив мой. – Г.Г.)⁷. Иными словами, присутствие другого и мой моральный долг по отношению к нему определяют мою границу и, следовательно, мою конечность. К этому можно добавить, что мораль предполагает ответственность, а следовательно, как и познание, опирается на тождество морального субъекта самому себе, на его идентичность во всех нравственно значимых действиях. Такая идентичность означает отличие от другого (мой поступок нельзя вменить никому, кроме меня), т. е. конечность субъекта.

Однако, с другой стороны, в кантовской этике не обнаруживается фактора, конституирующего эту конечность. В эпистемологии таковой выступала вещь в себе, как внешняя реальность, служащая источником ощущений. Субъект конечен потому, что его познание опирается на чувство, а не только на понятия. Но моральный акт не опирается на чувство. Он определяется только априорными понятиями. В моральном действии, в отличие от когнитивного, нет никакой пассивности. Другой, ограничивающий меня, не оказывает на меня никакого воздействия. Он никак не влияет на мой выбор морального правила. Последнее означало бы гетерономию нравственной воли, недопустимую для подлинной морали.

Я думаю, что разрешить возникшее противоречие в рамках кантовской философии невозможно⁸. Причина коренится в той ее черте, которую Апель обозначил как «методический солипсизм»⁹, т. е. в абсолютной автономии субъекта, исключаящей всякую интерсубъективность. Конечность морального субъекта состоит в том, что он действует в сообществе других моральных субъектов. Это означает, что само моральное правило опирается не только на автономию субъекта, но и на согласие сообщества. Иными словами, этика должна учитывать коммуникативный, более того, языковой характер субъекта. К этой теме мы вернемся в заключительной части статьи. Сейчас же попробуем описать альтернативу кантовской теории субъективности, возникшую еще в классическую эпоху.

Рено связывает её с понятием индивида, основной характеристикой которого является независимость. Последнюю не следует путать с автономией. Независимость означает полную замкнутость на себя и отсутствие какого-либо отношения к другому. Наиболее выразительное описание индивида представлено в монадологической концепции Лейбница. Монада, не имеющая никаких связей с внешним миром, совершенно независима. Она живет исключительно внутренней жизнью, и все ее акты суть результаты тех процессов, которые разворачиваются в самой монаде. Индивид, как монада, не является конечным существом в том смысле, в каком конечен субъект у Канта. Он не сталкивается ни с какой трансцендентной реальностью и не подвержен никакому воздействию извне. Следовательно, он не зависит ни от чего и ни от кого, кроме себя самого. Однако эта независимость осуществима только в рамках предустановленной гармонии. Будучи погружен в свою

внутреннюю жизнь, индивид чудесным образом действует в согласии с другими такими же индивидами. Не видя и не слыша друг друга, монады взаимодействуют друг с другом благодаря установленному порядку. Как внутренний процесс в каждой монаде, так и их взаимодействие предопределены от века. Интересно, что независимость оборачивается полным отсутствием свободы. Мир в описании Лейбница подобен хорошо отлаженному часовому механизму, раз и навсегда заведенному Великим Часовщиком, который позаботился об идеальном взаимодействии всех его деталей.

Аналогичная модель взаимодействия индивидов представлена у Мандевиля в «Басне о пчелах»¹⁰. Здесь, впрочем, разворачивается не метафизическая картина мира, а лишь описание человеческого общества, составленного из независимых индивидов. Каждый из них, будучи озабочен лишь собственным удовольствием, совершенно не интересуется другими. Однако, действуя лишь в своих интересах, индивиды, помимо собственной воли, добиваются блага общества в целом. Хотя Мандевиль и не апеллирует к Великому Часовщику и предустановленной гармонии, его идеал общественного устройства подобен лейбницеvскому описанию мира: независимость индивидов чудесным образом оборачивается согласованностью их действий.

Конечно, эти концепции классической эпохи можно назвать утопиями или метафизическими фантазиями. Однако концепция индивида, выраженная в них, вполне релевантна современным представлениям об обществе. Здесь явно присутствует подход к синергетической парадигме, поскольку в предложенных моделях описана сложная система, функционирование которой не может быть выведено из действия ее отдельных частей. Социальная среда, в рамках которой происходит коммуникативная деятельность, по-видимому, во многом совпадает с лейбницеvским сообществом монад или мандевилевским ульем. Здесь интересно вспомнить Пьера Бурдьё, который нашел идею предустановленной гармонии весьма подходящей для описания общества. Этот ученый описал взаимодействие индивидов в социуме, удачно сочетая оба названных принципа: независимость и согласованность.

Согласно Бурдьё, вся человеческая жизнь есть совокупность определенных практик, осуществляемых сообразно санкционированным обществом правилам. Способность ориентироваться в

этих правилах Бурдье называет *габитусом*. Несколько метафорически он определяет его как «чувство игры». Хороший игрок делает каждый раз то, что требуется игрой. Поясняя свою мысль, он обращается к чисто телесным практикам. Эти типы практики представляются в некотором смысле парадигмальными. Подчеркивая доминирующую роль «чувства игры» по отношению к эксплицитным описаниям или формальным схемам социальной жизни, Бурдье пишет: «Там, где видели алгебру, нужно видеть танец или гимнастику»¹¹. Именно техника владения телом обуславливает участие в игре, правильность осуществления практики. Требуемый ход делается без размышлений, взвешивания альтернатив, осмысления инструкций. Он как бы «вписан в тело» участника игры. Бурдье также характеризует его как «инкорпорированную социальную игру» и «имманентное игре чувство необходимости»¹².

В связи с последним определением следует обратить внимание на сочетание в габитусе двух противоположных характеристик: свободы и необходимости или детерминированности. Габитус диктует определенную стратегию поведения и таким образом детерминирует поступки участника социальной игры. С другой стороны, он создает свободу в осуществлении социальной практики. Так, музыкант свободно владеет инструментом, футболист свободно чувствует себя на поле, легко обводит соперника, видит партнера, которому можно отдать пас и т. д. Габитус, как чувство игры, дает возможность ориентироваться в ситуации, интуитивно найти нужное решение даже тогда, когда возникает проблема. Так, хороший фехтовальщик парирует неожиданный выпад противника, а хороший математик делает ход, позволяющий решить трудную задачу. Этот адаптивный потенциал габитуса исключительно важен при осуществлении социальной практики. Игровые ситуации никогда не повторяются в точности, однако хороший игрок легко ориентируется в них.

Габитус, таким образом, есть принцип порождения и организации практик¹³. Благодаря ему коммуникативные навыки индивидов точно согласованы с функционированием институтов, которые, как выражается Бурдье, «объективированы в телах», «в постоянной предрасположенности тела признавать и подчиняться требованиям среды»¹⁴. Именно такая согласованность действий членов сообщества в рамках одного габитуса и позволяет обра-

таться к лейбницевской идее предустановленной гармонии: каждый, следуя своим собственным законам, тем не менее совпадает с другими. Габитус, определяя социальную роль индивида, заставляет последнего быть воплощением института. Так, король, банкир или священник воплощают соответственно наследственную монархию, финансовый капитализм, церковь. В итоге любая персональная характеристика является одновременно и обозначением социального статуса, воплощением того или иного института.

Поскольку габитус есть результат длительного (на протяжении, возможно, нескольких поколений) опыта «притирания» людей друг к другу и к реальности, он детерминирует желания членов сообщества, «склоняет агентов придавать ценность необходимости, т. е. отказываться от того, что в любом случае не случится, и желать того, что неизбежно»¹⁵. В итоге габитус, будучи по происхождению чисто социальной силой, составляет природу индивида. Поведение, продиктованное габитусом, в равной мере персонально и институционально.

В каждой социальной интеракции индивид выступает как функциональная единица, на место которой можно поставить другую, снабженную тем же габитусом. Иными словами, индивид не обязательно должен быть тождественен себе, оставаться одним и тем же во всех габитуальных проявлениях. Эта потеря идентичности, связанная с тем, что индивид, по сути, слит с собственным габитусом, и может быть охарактеризована как «смерть» индивида.

В социальных практиках, выстроенных сообразно габитусу, отсутствует субъект, поскольку в них невозможна автономия. Наш следующий шаг будет состоять в том, чтобы описать конституирование субъекта в системе коммуникативных связей. Это происходит, когда актер вместо того, чтобы бессознательно повиноваться габитуальным навыкам, осознанно выбирает правила поведения. Тем самым он берет на себя ответственность, как бы предлагает социуму разделить это правило, поскольку, взаимодействуя с другими его членами, он ожидает их осознанного согласия на такой тип поведения. Ответственность связана в значительной мере с возможными последствиями принятия правила. Кроме того, она связана с необходимостью обоснования. Поскольку актер рассчитывает на согласие общества, последнее вправе ожидать разумных доводов в пользу принятия правила.

Общество может принять или отвергнуть предложенную норму взаимодействия. Поэтому аргументация актора подразумевает ответную аргументацию со стороны социума. Важно уточнить, однако, что таковая исходит не от общества в целом, а от тех его членов, которые заинтересованы в обсуждении правила. Участники его могут либо согласиться с предложенной нормой, либо предложить эксплицитно и осознанно альтернативу. Вместо бессознательного принятия социальных навыков появляются рациональная дискуссия и совместный поиск согласия. Социум, для которого подобные процедуры нормальны, может быть охарактеризован как *сообщество*. Для него существенна роль субъекта. Последний не является простым агентом социальных практик, а выступает как свободный субъект, принимающий на себя ответственность за социальное целое.

Ответственность и осознанный выбор трансформируют индивида в субъекта. Однако возникает вопрос: возможно ли вообще такое изменение положения человека? Если вся коммуникативная деятельность происходит в рамках габитуса, то человек не может быть никем, кроме агента социальных практик. Однако границы габитуса, по-видимому, существуют. Это проявляется в тех ситуациях, когда возникают трудности в установлении социального взаимодействия, иными словами, когда появляется непонимание. Габитус всегда подсказывает нужный ход в коммуникативной ситуации и обеспечивает гладкость социального взаимодействия. Отсутствие понимания означает, что актер не может сделать нужный ход. Его навыков недостаточно, он оказался на границе габитуса. Так бывает, например, когда ваш собеседник говорит на другом языке, принадлежит к другой культуре или просто имеет социальный опыт, существенно отличный от вашего. В этих ситуациях его действия непонятны для вас. Вы не знаете, как ответить, не понимаете, какой ход уместен. Нечто подобное происходит при столкновении с неизвестным явлением. Ученый, который не может объяснить результаты наблюдений на основании известной ему теории, тоже находится на границе габитуса. Он также не знает, каким должен быть следующий ход. Габитус подразумевает действие без рефлексии. Непонимание, напротив, её провоцирует. Возникает необходимость прояснить свои навыки. После этого нужно решить, каким должен быть следующий шаг, явно сформулировать правило или теорию.

Такого рода рассмотрение каждый делает сам. Когда возникает непонимание, индивид не может полностью положиться на социальный опыт. Он должен принять собственное решение и, следовательно, вынужден идти на риск. Это решение может быть ошибочным, неуместным, даже опасным. Однако именно риск порождает ответственность. Тот, кто не может ошибиться, ни за что не отвечает, поскольку его действию нет альтернативы. Если актер сам устанавливает правило своего действия: научную теорию, моральный принцип, лингвистическую норму и т. д., то он отвечает за свое решение, поскольку это правило может оказаться ошибочным и действовать нужно было в соответствии с другим, альтернативным. Правило, которому он собирается следовать, есть лишь гипотеза. Здесь вновь уместна аналогия с научным исследованием, поскольку осознанное коммуникативное действие подобно выдвижению научной гипотезы, всегда можно проверить, опровергнуть и заменить альтернативной. Ученый, выдвигающий гипотезу, всегда рискует ошибиться.

Когда индивид действует в рамках габитуса, у него нет альтернатив. Решение, принятое на границе такового, всегда её допускает. Возникающая здесь ситуация выбора содержит риск и имплицитно социальную ответственность. Как это происходит, мы уже описали. Осознанно выбранное правило может стать предметом рационального обсуждения. В ходе последнего не один человек, а все члены сообщества действуют как ответственные акторы, готовые преодолеть непонимание и достичь рационального согласия. Они существуют на границе габитуса, хотя бы в той мере, в какой вовлечены в совместный поиск коммуникативных решений.

Вернемся теперь к вопросу о конечности субъекта, который, как мы видели ранее, создал определенную трудность для кантовской этики. Мы только что отметили, что осознанная экспликация правила всегда допускает альтернативу. Есть, однако, исходная альтернатива, возникающая на границе габитуса, поскольку ситуация непонимания предполагает две возможные реакции. Одну из них мы описали. Другая гораздо проще – она может быть вызвана отсутствием интереса и нежеланием понять. Если я не заинтересован в понимании, то продолжу действовать в рамках моего габитуса, как будто не произошло ничего неясного. По-видимому, существует особый навык игнорирования непонятного. Можно просто не заметить

его или решить, что это не имеет ко мне никакого отношения. Эта альтернатива конституирует субъекта: выбирая осознанное и ответственное действие, он создает сам себя. Но этим же актом субъект обнаруживает свою конечность, поскольку признает рядом с собой другого, что выражается прежде всего в осознанном непонимании. Рефлексируя собственный габитус и одновременно сознавая его границу, я сознаю и свою собственную границу, положенную другим. Осознанное непонимание представляет собой действие другого на меня. Наличие несбывшихся ожиданий означает присутствие того, что может меня изменить, заставить принять иные коммуникативные правила, в конечном счете, иной габитус. Однако, моя пассивность, т. е. способность подвергаться воздействию, дополняется моей активностью. Здесь вполне уместна аналогия с кантовской теорией познания, о которой мы написали выше. Но эта пассивность сочетается с автономией, что проявляется в поиске рационального согласия. Вступая в рациональное обсуждение правил, я, с одной стороны, продуцирую эти правила, а с другой стороны, должен быть восприимчив к ответам другого. Конечность субъекта не разрушает его автономии, поскольку, принимая разумно обоснованное правило, он действует в согласии с собой, т. е. со своим разумом. Он берет на себя ответственность за принятое правило и всякое действие соответственно ему, тем самым постоянно подтверждает свою субъективную идентичность. Иными словами, субъект определяет себя в коммуникации как тождественное себе конечное разумное существо.

Примечания

- ² Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 384–391.
- ² Очень важны в этом отношении работы Карла-Отто Апеля. См., в частности: *Апель К.-О.* Априори коммуникативного сообщества и основания этики // *Апель К.-О.* Трансформация философии. М., 2001.
- ³ См.: *Merton R.K.* The Sociology of Science. Chicago, 1973, а также *Киященко Л.П., Мирская Е.З.* (ред.) Этнос науки. М., 2008.
- ⁴ *Рено А.* Эра индивида. СПб., 2002.
- ⁵ То есть у Фихте, Шеллинга и Гегеля. Я не отношу к этому направлению Канта. Как будет видно из дальнейшего, его скорее следует противопоставить трем названным мыслителям, которые настаивают на бесконечности субъекта познания.

- 6 Вопрос об ответственности субъекта рассмотрен мной в работе: *Гутнер Г.* Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия. М., 2008.
- 7 *Кант И.* Основы метафизики нравственности // *Кант И.* Критика практического разума. СПб., 1995. С. 92.
- 8 Впрочем, Рено пытается сделать именно это. К сожалению, здесь мы не можем рассмотреть его попытки разрешить возникшее противоречие, используя ресурсы кантовской философии. См.: *Рено А.* Указ. соч. С. 393–408.
- 9 Трансформация философии. С. 196.
- 10 *Мандевиль Б.* Басня о пчелах, или пороки частных лиц – блага для общества. М., 2000. См. также: *Рено А.* Указ. соч. С. 186 и далее.
- 11 *Бурдые П.* Начала. М., 1994. С. 112.
- 12 Там же. С. 99.
- 13 *Бурдые П.* Структуры, habitus, практики // *Современные социальные теории.* Новосибирск, 1995. С. 17.
- 14 Там же. С. 23.
- 15 Там же. С. 19.

Постнеклассическая сборка субъекта: выбор точки отсчета

Напомним, что концепция В.С.Стёпина¹ о происходящем становлении постнеклассической модели науки была выражена им в простой формуле расстановки скобок для периодизации процесса становления современного типа научной рациональности. В этой формуле по мере развития научного знания в его скобки попадают объект исследования (О), средства исследования (Ср.), субъект знания (S).

Классическая модель: **S – Ср. – (О)**.

В скобках научного знания находится только объект исследования, а субъект и средства исследования вынесены за эти скобки.

Неклассическая модель: **S – (Ср. – О)**.

В скобки научного знания, кроме объекта исследования, включаются средства исследования, а субъект знания все еще остается за скобками.

Постнеклассическая модель: **(S – Ср. – О)**.

В этой модели субъект знания вносится в введенные В.С.Стёпиным скобки.

Формула постнеклассического знания приводит нас к постановке целого ряда вопросов, ранее остававшихся за такими скобками. В.И.Аршинов выделяет коммуникативные аспекты постнеклассического знания². Связанными с ними вопросами являются коэволюция субъектных структур различных социальных институтов современного общества, коммуникация знания через субъекта и сборка субъекта.

Определение субъекта для рассмотрения нами этих вопросов будет связано с выбором точки отсчета. Мы выделим два полюса такого определения, связанные с именами выдающихся российских психологов А.Н.Леонтьева и С.Л.Рубинштейна. А.Н.Леонтьев³ и его научная школа рассматривают развитие психики, используя традиционный для классической науки вектор развития – от простого к сложному. В этом случае началом субъектности является уже поворот цветка к солнцу, который А.Н.Леонтьев, формируя наиболее общее и конструктивное представление о развитии психического, определяет как деятельность. Достоинством этого вектора рассмотрения является его почти инженерная конструктивность, позволяющая ставить и решать множество практических задач сборки субъекта деятельности. Недостатком является то, что движение при выстраивании по этому вектору к высшим неформализуемым проявлениям субъектности человека оказывается практически бесконечным и не достигает таких целей.

С.Л.Рубинштейн⁴ и его научная школа (прежде всего А.В.Брушлинский⁵) в качестве начала отсчета берут другой полюс – человека на вершине его активности, осознанности, ответственности и целостности. Недостатком здесь оказывается невозможность конструктивного спуска к более простым и элементарным формам субъектности, схватываемым подходом А.Н.Леонтьева. Достоинством – возможность конструктивного рассмотрения субъекта около его вершины и определение движения к спуску как происходящие потери субъектности. Коммуникация знания через такого вершинного субъекта является уже не простой его склейкой, а СОЗНАНИЕМ. С этой точки отсчета иначе понимается и связывающее и продуцирующее научное знание мышление субъекта. И мышление, и сознание становятся СО-БЫТИЙНЫМИ, которые могут случиться или не случиться на вершине усилия, если человек к ним готов и достоин – в философских смыслах Мераба Мамардашвили⁶:

«Все высшие человеческие состояния – равенство, достоинство и др. – нельзя превратить в орудия и механизмы, поскольку главное, что есть в человеке, существует только на вершине волны усилия, в момент деяния. И это главное в каком-то смысле не существует, разве можно его поделить поровну? Разве можно делить то, чего нет? ...А красота, которой ты достоин, если она случится, – это имеет смысл».

Для нас использование в качестве начала отсчета вершины субъектности связано с тем, что именно там находится главный для современного развития общества, его производства и его экономики человеческий ресурс, скрытый от рассмотрения, конструктивно идущего от простого к сложному.

Мировой финансово-экономический кризис показал, что дальнейшее совершенствование даже таких универсальных регуляторов, как рынок, государство и право, в современных условиях уже не дает достаточного прибавления эффективности управления. Нужны новые регуляторы и новые стратегии развития. На наш взгляд, точкой роста для них является производство культурных образцов жизни. Изменяется весь объем жизни. За последние полвека постиндустриального развития техногенной цивилизации объемы активности человека претерпели коренную структурную эволюцию. Здесь не просто часть населения высвободилась из материального производства и сформировала развитую сферу обслуживания, но изменились сами культурные образцы жизни, отношение к человеку и обществу, к работе, к семье и детям, здоровью, образованию, досугу. Можно даже сказать, что при формировании новых субъектных структур общество перешло от массового производства и потребления необходимых для жизни продуктов к быстро развивающемуся производству и потреблению новых культурных образцов жизни. Образование и наука рассматриваются нами как социальные реальности, обеспечивающие развитие общества и коэволюционирующие вместе с ним в новые функции, формы и содержания. Такой коэволюцией их субъектных структур являются новые постнеклассические форматы коммуникации знания и сборки субъекта в вершинной точке активности, осознанности, ответственности и целостности человека и общества.

Главными регуляторами развития экономики и общества сегодня становятся не государство и рынок, а социальные цели и ценности, культурные образцы жизни. Это уже было показано В.А.Лефевром⁷ на примере действия на формирование рыночных отношений введенных им в рассмотрение двух этических систем. Жизненные уклады как онтологические регуляторы определяют и государственное развитие, и экономические отношения. Более того, именно здесь возникает возможность нового качества коммуникации разных культур и цивилизаций, сталкивающихся в

происходящих сегодня процессах глобализации. Образование и наука, определяемые ими бытийные (онтологические) компетенции – один из ресурсов формирования онтологических регуляторов и стратегий развития. Для решения актуальных задач создания теперь уже не просто национальных, а глобальных регуляторов и стратегий посткризисного развития сами образование и наука должны получить новые основания, обрести новую аналитику и инструментальные средства. Шагом к таким изменениям является осуществляющийся в России переход к компетентным образовательным стандартам. Они уходят от жесткой детерминации образования дисциплинарной структурой и выражают в качестве требования формирования общих и специальных компетенций определяющее значение социальных целей и ценностей в конструировании новых моделей образования.

Когда мы говорим об онтологических регуляторах и стратегиях посткризисного развития, то должны уйти от уровня кажущихся самоочевидностей в понимании их субъектных структур, переместить точку отсчета к вершинным проявлениям субъектности. Вершинное понимание субъекта в соотношении знания и устройства общества мы находим еще у Платона⁸, у которого это понимание находится в круге его внимания к основообразующим понятиям и развивается именно оттуда.

М.Хайдеггер⁹, следуя Платону, указывает на необходимость обращения в науке к серьезной философской аналитике: «Апелляция к самопонятности в круге философских основопонятий, тем более в отношении понятия “бытие”, есть сомнительный образ действия, коль скоро “само собой разумеющееся” и только оно, “тайные суждения разума” (Кант), призвано стать и остаться специальной темой аналитики (“делом философии”»).

Определение индивидуальной и групповой субъектности как высшего уровня осознанности, активности, ответственности и целостности позволяет выделить связанный с этим уровнем спектр сборки онтологических регуляторов и стратегий посткризисного развития. Конструктивно высший уровень осознанности, активности и целостности человека и общества, если использовать социологический подход Н.Лумана¹⁰, может быть формализован и оцениваться через их как субъектов системообразующую способность к различениям в системах субъективных конструкторов. Этот подход

в наших исследованиях¹¹ находит свое воплощение в выделении и измерении культурных образцов жизни, социальной перцепции и социальной коммуникации.

Развивая аналитику постнеклассической коммуникации знания, мы начинаем работать с новыми форматами коммуникации людей и научного знания. Мы ставим и решаем задачу включения в знание определенных перцепций, интуиций и культурных образцов жизни как составляющих его субъектной структуры.

Приведем слова Мартина Хайдеггера из его письма к Фритьофу Роди и немецким и русским коллегам¹²:

«Один великий немецкий естествоиспытатель XX в. высказался как-то в том смысле, что изучение греческих частиц в гимназии подарило ему целую интеллектуальную культуру, т. е. способность свободно располагать своими духовными силами; в этом хотели видеть преувеличение. Если, однако, ближе вдуматься в сказанное и заявленное и лишь немного его обобщить, то мы точно уловим, что собственно имеется в виду. Ибо – что такое частицы? Это целая сфера тонких, даже тончайших модальностей, которые ведь собственно упорядочивают и определяют связи частей текста и смысла друг с другом, а вместе с тем впервые по-настоящему определяют отношение, подход автора к им написанному».

Для нормального функционирования этого мира необходимо соединение разных модальностей его бытия, коммуникация модальностей – трансмодальная коммуникация.

Трансмодальные коммуникативные действия человека как участника социальной жизни и как просто живого существа, постоянно воссоздающего себя, весьма разнообразны. Общее и специальное образование и определяющая его содержание наука пока еще очень мало внимания уделяют этой сфере нашей жизни, а напрасно. Не ориентирующийся в возможностях трансмодальной коммуникации своих действий человек, поэтому ограниченный в выборе способов для решения своих задач, не может быть в полной мере свободным.

Изучение феноменов коммуникативных практик является очень сложной задачей, требующей современных лабораторий, развитых и хорошо координируемых междисциплинарных программ исследований. Только начало таких работ, первоначальные постановки, согласование участников программ и поиски финансирования растянулись бы во времени на многие годы, если во-

обще когда-нибудь могли начаться. Известный российский философ науки В.С.Стёпин¹³ выделяет математизацию науки как способ значительного ускорения ее развития. Многократно ускорить и упростить нашу задачу, удешевить её решение, как это происходит при математизации во всех отраслях знания, позволяют развитые математикой принципы структурирования опыта с использованием формальных конструкторов. Если без этого метода наука шла к обобщениям через накопление значительного опыта и выявление его закономерностей, то вносимое математикой использование готовых формальных конструкторов – схем, оторванных от конкретных содержаний – позволяет во всех отраслях работать без длительного накопления материала и его обобщений уже на уровне отдельных опытов, структурируя в них некоторые порядки. При этом вносимое в опыт из формальных конструкторов структурирование позволяет ставить и решать задачи на формальном уровне без прояснения действительно сложных и требующих многолетних исследований содержательных вопросов соответствия используемого метода каким-либо сущностным основаниям структурируемого опыта.

Осуществляя рассмотрение основанных на производстве и использовании научного знания коммуникативных практик современного общества, можно выделить обобщенную формальную сторону их инструментальной организации. И тогда обнаруживаются некоторые типовые формы для этих практик – конструкторы форматов коммуникации.

Вводимые нами форматы, как и греческие частицы, образуют сферу «тонких, даже тончайших модальностей» коммуникативной практики знания, «которые упорядочивают и определяют связи» разномодальных частей этой практики и смысла друг с другом и дают человеку «способность свободно располагать своими духовными силами».

Рассмотрим выделенный при обсуждении коммуникативной функции математики В.С.Стёпиным основной конструктор коммуникации, использующей научное знание.

В формате этой структурной формулы осуществляется накопление конструкторов – формальных картин мира и схем действия. Такие конструкторы образуют базы знаний различных профессиональных сообществ – в управлении, образовании, консультировании – и используются их членами для осуществления своих действий.

Выделим наиболее простую базовую функцию, на основе которой будем строить этот формат коммуникации.

Такой базовой функцией в данном коммуникативном формате мы выбираем операцию S изоморфной проекции, переносящей способ действия из формального конструкта A в наблюдаемую реальность R , – операцию структурирования реальности R , внесение в нее соответствующего конструкту порядка, порождения в ней отсутствовавшего в ней до того порядка действий на основе формального конструкта A . В результате выполнения изоморфной проекции $S(R|A)$ в наблюдаемой реальности формируется и выделяется изоморфная конструкту (подобная по форме) структура R_{A_i} .

Совокупность проекций $\{R_{A_i}\}$ – изоморфных конструктам A_i структур R_{A_i} – образует представление реальности субъектом при структурировании данными конструктами.

Теперь действия, заложенные в конструктах A_i , могут быть перенесены в реальность R , как действия в соответствующих изоморфных структурах, представлениях этой реальности в коммуникации с субъектом.

Мы получили эффективный способ коммуникации, который позволяет передавать способы действия в реальности R на основе структурирующих ее формальных конструктов.

Как такой формат коммуникации можно представить и теоретические основания менеджмента, и стандартизированные курсы высшей школы, и материалы множества направлений в психотерапии, осуществив для этого проекцию предложенного нами конструкта формата коммуникации на эти области.

Недостатком данного формата коммуникации является невозможность ухватить в нем стороны реальности и действия, не представленные формальными конструктами. Поэтому следующий формат мы будем выводить в сферу, не имеющую такого описания.

Здесь возникает проблема передачи не только не описанного формально, но и неосознаваемого опыта.

Передача опыта без его осознания является исходным моментом не только постоянной репродукции глубинных человекомерных оснований любой практической деятельности, но и самой жизни – передачи опыта в черед сменяющихся поколений. Каждый родитель мог наблюдать то, что называется викарным (замещающим) научением: примером его является способность новорожденных младенцев повторять за родителями их мимику.

Передача самых разнообразных состояний активности осуществляется в мире живого напрямую (как индукции состояний) – кондиционное общение. Это второй выделяемый нами конструкт и формат коммуникации – индукции состояний и викарное научение.

Еще один конструкт и формат коммуникации мы получим, выделив такую универсальную для человека функцию, как медиаторы – посредники между его сознанием и всеми реальностями его бытия. Эти создаваемые организмом, психикой и культурой конструкции посредничества – медиаторы – являются основой самой возможности существования человека как сознательно активного существа.

Будем выделять трансмодальные медиаторы субъекта, дающие ему доступ к скрытым от прямого наблюдения глубинным модальностям его бытия.

Особенно важным рассмотрение трансмодальной коммуникации действий субъекта становится в связи с изменяющим наши представления о себе и мире открытием новой для нас, не наблюдавшейся ранее огромной сферы активности – автопоэзиса¹⁴. В 1974 г. биологи Матурана, Варела и Урибе сформулировали представление о том, что *общий текущий продукт активности живой клетки не меньше, чем сама клетка*, – продолжающееся создание самой себя. Они назвали данный процесс *autopoiesis*, или самосозданием. Новое понятие сразу получило большой резонанс в научном мире. Стали говорить об автопоэзисе человека и общества, социальных систем и систем знания, общий текущий продукт активности которых теперь представлялся не меньшим, чем они сами. Открытие автопоэзиса радикально переворачивает представление об объемах нашей активности. До него в основном выделяли и рассматривали осознанную целенаправленную деятельность и скрыто управляющие нами неосознаваемые установки. Автопоэзис – не то и не другое, а непрерывно и постоянно реализуемый природой способ осуществления реальности всего живого. Однако, хотя термин автопоэзис или аутопоэзис замелькал на страницах научных журналов, осознание новой открывающейся картины природы нашего существования и нашей активности и практическое освоение этого открытия происходило медленно. Надо сказать, что в биологии Матурана видел автопоэзис весьма ограничен-

но – без осознания субъектом и осознанного им управления, а более широкое понимание было сформировано уже в результате дискуссии социологом Луманом.

Освоить эту огромную сферу активности – это обрести новые возможности человека и общества. Но пока доступ человека к своему автопоэзису многим представляется невозможным, хотя в целом ряде практик вне науки, похоже, такой опыт используется. Чтобы обратиться к нему, надо найти коммуникацию нашего знания и образования со многими практиками в самых широких культурных границах – необходима новая трансмодальная коммуникативная практика жизни человека и общества.

Здесь особенно явно проявляется то, что для той или иной коммуникации знания субъект должен приготовить себя, изменить состояние со-знания, осуществить сборку себя как субъекта. Вне таковой опыт вершинного деяния традиционных культур в управлении автопоэзисом оказывается лишенным содержательной бытийности и продуктивного деятельностного потенциала.

Связываемыми постнеклассической трансмодальной коммуникацией на вершине усилия субъекта модальностями социального мира являются наука и образование, культура и религия, политика и право, медицина и традиционные практик. Мы входим в мир огромного количества задач и инструментов постнеклассической коммуникации знания и сборки субъекта и в новых стратегиях развития переходим от представления о субъекте деятельности к представлению об осознающем свою ответственность за судьбы себя и мира субъекте онтологической реальности¹⁵.

Примечания

- 1 *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000.
- 2 По материалам докладов В.И.Аршинова в ИФ РАН.
- 3 *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1981.
- 4 *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 253–381.
- 5 *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М., 1996.
- 6 *Мамардашвили М.К.* Эстетика мышления. М., 2000.
- 7 *Лефевр В.А.* Алгебра совести. М., 2003.
- 8 Антология гуманной педагогики. Платон. М., 1999.
- 9 *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб., 2006. С. 4.

- ¹⁰ *Луман Н.* Общество как социальная система. М., 2004.
- ¹¹ *Буров В.А., Прохоров В.П.* Язык и пять принципов постнеклассической аналитики субъектных структур. М.–Александров, 2008.
- ¹² *Хайдеггер М.* Бытие и время. С. 448.
- ¹³ *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000.
- ¹⁴ *Матурана У., Варела Ф.* Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания. М., 2001.
- ¹⁵ Рефлексивный подход: от методологии к практике / Под ред. В.Е.Лепского. М., 2009. С. 72–84.

Н.М. Смирнова

Философские трансформации субъекта: от трансцендентализма к «новому натурализму»*

Философская рефлексия постнеклассической науки конца XX в. отмечена усилением позиций «нового натурализма», противостоящего радикальному конструктивизму в методологии социальных наук, укорененному в субъект-центристских практиках социального конструирования реальности. Новые аргументы в защиту философского реализма выдвинуты в основном в сфере философско-методологической рефлексии естественных и биологических наук. Ренессанс натурализма как объяснительной парадигмы методологии науки в конце XX в. – философско-методологическая реакция на крайности радикального конструктивизма, порожденная когнитивным синдромом «ускользания реальности» – «твердой породы» человеческого бытия и мышления. Акцент на конструктивистской или реалистической компонентах научного мышления в теоретико-познавательном отношении означает сосредоточение внимания эпистемолога на различных полюсах классической структуры субъект-объектного познавательного отношения. Когнитивным кредо радикального конструктивизма является «исчезновение объекта» (его вырожденный вариант – стратегия деконструкции с присущей ей «смертью субъекта»), тогда как лозунг нового натурализма – «назад, к вещам».

Существование в современной методологии науки различных когнитивных стратегий – реализма и конструктивизма – рестабилизирует классическую проблему единства научного знания.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 10-03-00085а и РФФИ, проект 09-03-00023а.

А эта проблема, по справедливому замечанию В.И.Аршинова, «в постнеклассической рациональности осознается уже иначе, чем в классической и даже неклассической рациональности, где она считается могущей быть принципиально решенной посредством (метафизических по сути) ссылок на “единую объективную реальность”»¹. Ибо постнеклассическая наука, вобравшая в себя опыт изучения неравновесных и саморазвивающихся систем, проблематизирует метафизически трактуемое «единство» как удержание в процессе развития «тождества собственным основаниям».

По мнению крупнейшего отечественного философа науки А.П.Огурцова, одним из направлений философского снятия дилеммы натурализма и конструктивизма является «*возрождение трансцендентализма* (курсив мой – Н.С.) – обсуждение вопроса об условиях возможности не только эмпирического опыта, но и теоретического знания. Трансцендентализм переводит проблему альтернативности натуралистического реализма и социокультурного конструктивизма в иную плоскость – плоскость анализа и обсуждения иных вопросов и проблем, а именно, условий возможности нашего знания, наших действий, наших норм и правил»². Иными словами, наличие в современной науке конкурирующих исследовательских программ формирует культурный запрос на дальнейшее углубление методологической рефлексии субъекта постнеклассической науки.

Классическая концепция субъекта питалась культурно-антропологическими наработками классически-рационалистической философии сознания: фактическим отождествлением человека с «чистым» сознанием и идеей полноты саморефлексии. Она базировалась на неявной презумпции «абсолютного наблюдателя» – бестелесного сознания, очами разума взирающего на мир с позиций венаходимости. Опыт философско-методологической рефлексии неклассической науки инспирирует важные смысловые сдвиги в классическом понимании субъекта: артикуляцию философской опосредованности прямого противопоставления субъекта познания его объекту. Этот опыт воплощен в широко распространенной философско-методологической концепции В.С.Стёпина, в рамках которой субъект классической науки мыслится как опосредованный когнитивными приемами и операциями деятельности³.

Адекватная неклассической рациональности концепция субъекта обрела философски наиболее развитые концептуальные формы в феноменологической философии. Феноменологически трактуемый субъект познания в целом отвечает когнитивным характеристикам *неклассической* науки, ибо пафос феноменологической концепции когнитивной активности трансцендентально чистого субъекта – в изощренной философской артикуляции неразрывного единства (в идеализированном пространстве трансцендентально-чистого сознания) характеристик интенционального предмета познания (ноэмы) и способов его презентации в трансцендентальном сознании (ноэзы). Э.Гуссерль предлагает различать в структуре познавательного отношения не только объект мышления – предмет интенциональной направленности сознания, но и процесс ее «схватывания» сознанием, т. е. акты субъективного опыта, в которых эти объекты конституируются в качестве предметов опыта. В «естественной установке» сознания последние, как правило, ускользают от нашего внимания: мы видим вещь, но не замечаем «процесса ее видения». В результате подобного усложнения структуры познавательного отношения когнитивная деятельность сознания предстает как *«ноэтико-ноэматическое единство, конституированное совокупностью интенциональных актов»*. Сошлемся и на мнение одного из ее современных феноменологов: «Мир не наполнен объектами, которые имеют облики, независимые от воспринимающего их человека, а субъективный опыт не существует независимо от объектов, событий и воспринимаемых в опыте форм деятельности. Не существует чисто субъективного субъекта и чисто объективного объекта»⁴.

Согласимся с двумя принципиальными констатациями В.И.Аршинова: в изучении становления нового типа методологического субъекта, точнее, субъекта методологического анализа постнеклассической науки, прямой ссылки на «единство сознания в духе Э.Гуссерля» недостаточно⁵, ибо, добавим, само это единство является не изначальной данностью феноменологически трактуемого сознания, но результатом долгого и трудного преодоления основоположником феноменологии дуализма материального и идеального, субъекта и объекта, Я и Другого. Но и «пройти мимо трансцендентального субъекта Гуссерля, пытавшегося восстановить единое информационно-коммуникативное пространство человеческого по-

знания на основе данности трансцендентального опыта и особой науки о конкретной трансцендентальной субъективности, данной в действительном и возможном трансцендентальном опыте, невозможно»⁶. Последнее, как мне представляется, означает констатацию необходимости проанализировать под углом зрения новой концепции субъекта эвристический потенциал трансцендентальной феноменологии и выявить те ходы мысли, которые релевантны когнитивным особенностям постнеклассической науки.

Равно как и Кант, философски анализируя когнитивные характеристики «познания вообще», дал философский портрет науки своего времени, *Э.Гуссерль в трансцендентно-феноменологической философии познания дал когнитивный портрет неклассической науки со свойственным ей представлением об относительности результатов познания к средствам и операциям когнитивной деятельности*. Но идейное родство Гуссерля с Кантом в отношении философской репрезентации характеристик современной им науки этим не исчерпывается. Философские прозрения обоих – результат не только углубленной теоретико-познавательной рефлексии науки своего времени, но и заготовка впрок будущих возможных миров предметного освоения, т. е. «заглядывание за горизонт». Ведь постулированная Кантом способность субъекта классической науки *конституировать* объект, пусть и на основе необъясненных по происхождению априорных форм чувственности и рассудка, в явном виде обнаружилась лишь в неклассической науке – квантовой механике. Аналогично, *будучи философской рефлексией неклассической науки, трансцендентальная феноменология содержала в себе принципиальные ходы мысли, которые могут быть атрибутированы как «заглядывание за горизонт» неклассической науки, «заготовка впрок» когнитивных характеристик постнеклассического субъекта*. Обоснование этого тезиса и составит содержание дальнейшего изложения.

* * *

Следуя кантианским традициям, Э.Гуссерль полагал, что подлинная теория познания имеет смысл лишь как исследование (критика) познавательных возможностей человеческого сознания.

ния. Работа по систематическому прояснению таковых, убежден Э.Гуссерль, является высшей мыслимой формой рациональности⁷. Любые осмысленные вопросы, связанные со знанием, по его мнению, суть проблемы «трансцендентальной феноменологии». И ответ на них следует искать в особом опыте самопостижения – трансцендентально–феноменологической (эйдетической) редукции, именуемой греческим словом «эпохэ».

Трансцендентально–феноменологическая редукция элиминирует любые предпосылки рассудочного знания, относящегося как к вопросам о физической природе объектов восприятия, так и к вопросам об онтологическом статусе воспринимающего их сознания. Смысл подобных операций состоит в том, чтобы очистить последнее ото всех предваряющих истолкований, свойственных ему в дорефлексивном состоянии – в «естественной установке сознания» – и выйти на уровень «чистых» феноменов сознания, переживаемых с непосредственной очевидностью, – стать лицом к лицу с априорными формами опыта. «Трансцендентальная установка всегда и непременно предполагает, что в соответствии с нею все, доселе непосредственно существующее для нас, должно приниматься только в качестве феномена, только так, как оно в качестве коррелята подлежащей раскрытию конститутивной системы получило и может получить для нас бытийный смысл»⁸, – поясняет Э.Гуссерль. *Когнитивный пафос трансцендентально-феноменологической редукции – в критике «наивного объективизма» позитивистского толка.*

К их числу дорефлексивных очевидностей, воздействие которых на сознание «приостанавливает» трансцендентально–феноменологическая редукция, Э.Гуссерль относит прежде всего «суждения о существовании». «Это универсальное запрещение всяких точек зрения по отношению к объективному миру, которое мы называем феноменологическим эпохэ, становится как раз тем методическим средством, благодаря которому я в чистоте схватываю себя как то Я и ту жизнь сознания, в которой и благодаря которой весь объективный мир есть для меня, и есть так, как он есть именно для меня. Все, относящееся к миру, все пространственно-временное бытие есть для меня благодаря тому, что я испытываю его, воспринимаю его, вспоминаю, сужу или как-либо мыслю о нем, оцениваю его или стремлюсь к

нему и т. д. Как известно, все это Декарт обозначает как *cogito*. Для меня мир есть вообще не что иное, как осознанное в таких *cogitationes* сущее и для меня значимое»⁹.

Когнитивный смысл трансцендентально-феноменологической редукции, таким образом, состоит в воздержании от метафизически-объективирующих суждений типа «это реально», «это было на самом деле», «этого не может быть». При этом столь существенные в естественной установке сознания различия между возможным и действительным, реальным и потенциальным в трансцендентально-редуцированной сфере тают, становясь феноменологически равноценными, ибо в трансцендентально-редуцированной сфере, убежден Э.Гуссерль, «никакая вещь не указывает на существование»¹⁰. А потому для нее справедливо парадоксальное для естественной установки сознания, но верное в сфере виртуальных технологий суждение: «*существовать – значит быть возможным*». Трансцендентально-феноменологическое «очищение» от предикатов существования открывает новый познавательный горизонт – важнейший шаг на пути обретения искомой Э.Гуссерлем чистой беспредпосылочности знания как гаранта его достоверности.

Посредством феноменологического эпохэ индивидуальное (единичное) человеческое сознание редуцируется к трансцендентальному (общезначимому) и обретает доступ к чистым феноменам сознания, отвлеченным ото всех онтологических допущений – глубочайшему источнику познавательных формообразований. Результатом трансцендентально-феноменологической редукции становится неразрывная связь сознания и его интенционального предмета. Единицами же анализа трансцендентально-редуцированной сферы оказываются уже не объекты внешнего мира, а «чистые формы опыта». Чистый феномен дан как идея, сущность, независимая от ее предметных воплощений. Это «центр мировых отношений», конституирующий способ бытия сущего.

Опыт феноменологически-редуцированной сферы по определению трансцендентален и не носит индивидуально-психологического характера. Исходя из развитой в «Логических исследованиях» критики психологизма в логике¹¹, Э.Гуссерль настаивает на том, что трансцендентально-феноменологическая редукция отсекает и психологические характеристики, связанные с

переживанием собственного существования, – все предикаты душевной жизни. «Таким образом, для меня нет никакого Я и никаких психических актов, психических феноменов в смысле психологии»¹², – поясняет он.

Очищая сознание от психофизического содержания, Э.Гуссерль стремится «стать лицом к лицу» с предельно чистыми структурами сознания как такового, обнаружить «эйдосы», т. е. априорные формы человеческого опыта. «Заключающий в скобки» не только внешний мир, но и характеристики индивидуального сознания, критически-рефлексивный пафос трансцендентальной феноменологии гораздо сильнее картезианского «сомнения», идейную близость установкам которого Э.Гуссерль неоднократно подчеркивал.

Основоположник феноменологии был убежден в том, что, освобождая сознание от наивного объективизма, свойственного классическому рационализму Нового времени, трансцендентально-феноменологическая редукция открывает доступ к первоосновам знания, переживаемым с непосредственной очевидностью. Здесь, в царстве трансцендентально-феноменологического опыта, свободного от онтологических допущений и некритических суждений естественной установки, Э.Гуссерль обнаруживает подлинный фундамент философии как строгой науки. Открываемое с помощью феноменологической редукции трансцендентальное поле опыта содержит, помимо опыта в ретенции (припоминании), также и воображаемый опыт фантазии, сна, воображения, феноменологически равноценный первому. Подобный «опыт в возможности» наделен теми же модусами, что и действительный, поскольку трансцендентально-феноменологическая редукция позволяет достичь безразличия к любым смыслам суждений о существовании. Обращение к возможному опыту, убежден Э.Гуссерль, и позволит преодолеть свойственный новоевропейской философии *наивный объективизм*, смысл философствования для которого – в реконструкции мыслящим сознанием «внешней» рациональной конструкции мироздания.

На ранних этапах своего творчества основной задачей феноменологии Э.Гуссерль считал достижение абсолютно достоверного фундамента человеческого знания – «твердой породы» научного мышления и любого рационального суждения вообще. Подобный

фундамент мыслился им как предмет особого рода философии – подлинно универсальной науки о предельных основаниях человеческого мышления. Это учение о Логосе бытия – априорных формах всех идеальных предметностей как центров мировых отношений. Таковыми являются понятия мира, природы, пространства, времени, живых существ, человека, души, тела, числа, социального сообщества и культуры. Это своего рода рефлексивный критицизм, эксплицирующий предпосылки любой человеческой деятельности, включая познавательную.

Первой из экспликаций горизонта моего бытия, с которой я сталкиваюсь, обращаясь к собственному потоку сознания, рассуждает Э.Гуссерль, – это моя имманентная *временность* в форме длящегося бесконечного потока переживаний¹³. Речь идет о «переживаемом времени», далеко не всегда совпадающем с астрономическим, о времени – проживании как мериле человеческого «взросления». Внутреннее время столь же отлично от астрономического, как и человеческое переживание – от тикания метронома. В постановке Э.Гуссерлем проблемы семиотики темпоральности, темпорального локлизма – контуры постнеклассической проблемы локальных пространственно-временных образований – умвельтов (Umwelt).

Э.Гуссерль не только синтезировал идеи А.Бергсона и У.Джемса о потоке сознания, но и развил их в соответствии с собственным когнитивным проектом исследования предельных оснований человеческого знания и происхождения важнейших общекультурных понятий. Его концептуальной основой стала теория «чистого» сознания трансцендентального субъекта. В соответствии с унаследованной от Канта трансценденталистской установкой¹⁴, феноменологическая методология стремится очистить от психологических наслоений внутренний опыт и выявить его общезначимое содержание в «чистом» сознании трансцендентального субъекта. Хотя мы живем в нашем потоке сознания, сама жизнь сознания, замечает Э.Гуссерль, обычно остается незамеченной, ускользает от нашего взора подобно тому, как при зрительном восприятии мы видим вещь, но не замечаем *процесса ее видения*. Сосредоточившись на объектах, мы упускаем из виду сами акты субъективного опыта, посредством которых объекты конституируются в качестве предметов опыта. Чтобы их обнаружить, необходимо изменить дореф-

лексивную позицию – ориентацию на объекты – и «повернуться к себе», осуществив специфический акт рефлексии в отношении собственного опыта. В рефлексии обнаруживается и фундаментальное свойство сознания – интенциональность, нацеленность на объект, о котором мы думаем, размышляем, который воспринимаем, быть может, воображаем. Любой опыт, таким образом, детерминирован интенциональным объектом, т. е. тем, сознанием *чего* он является. Восходящий к Ф.Брентано принцип интенциональности имманентно содержит отрицание жесткой субъект-объектной дихотомии как непроясненной метафизической предпосылки классической теории познания. Интенциональность объектов сознания означает, что не существует сознания как *tabula rasa*, т. е. в качестве чистого сознания, лишённого какого бы то ни было содержания. Сознание всегда является сознанием чего-то и не может быть отделено от объекта, на который направлено. «Основное свойство форм сознания, в которых я живу как Я, есть так называемая интенциональность, есть соответствующее осознание (*Bewussthaben*) чего-либо», – убежден Э.Гуссерль.¹⁵ *Феноменологическое понятие интенциональности имманентно содержит в себе отрицание самой возможности абсолютизации одной из сторон познавательного отношения.*

Изучая состав опыта, его структуру и механизмы его образования, мы движемся путем, противоположным его генезису, начиная с конкретного содержания предметного мира через исследование акта восприятия к общим механизмам конституирования предметов опыта и, наконец, к изначальным данным сознания. В результате подобного исследования опыт сознания предстает как неразрывное единство предметности (Э.Гуссерль называет ее *ноэмой*) с содержанием акта восприятия предмета (*ноэзой*). Процесс когнитивного освоения последнего, таким образом, выступает, по Э.Гуссерлю, как *ноэтико-ноэматическое единство*, конституируемое совокупностью интенциональных актов. В подобном единстве «тает», обнаруживает свои пределы присущее классической рациональности традиционное противопоставление субъекта объекту. Свойственные классической рациональности представления о том, что анализ наличного состава знания позволяет выделить в нем содержание, присущее объекту «самому по себе», с одной стороны, и характеристики познавательной активности субъекта, с

другой, Э.Гуссерль считает объективистской иллюзией. Он убежден в том, что трансцендирование до уровня объекта «самого по себе», «очищение» от характеристик когнитивной деятельности невозможно. Самое большее, на что может рассчитывать теоретик познания, – это вычленение нередуцируемого остатка интенционального предмета (ноэмы), с одной стороны, и акта его конституирования (ноэзы), с другой. Понятие интенциональности и коррелятивное ему понятие ноэтико-ноэматического единства – концептуальные инструменты преодоления односторонней когнитивной абсолютизации как конструирующих характеристик субъекта, ибо последний представлен в единстве с интенциональной предметностью, так и «наивного объективизма» классической науки, ибо предмет познания дан в неразрывном единстве со способами его презентации в сознании. Однако понятие ноэтико-ноэматического единства как феноменологическая «корректировка» классического субъект-объектного отношения не только выражает интенции неклассической науки, но и намечает дальнейшие ходы мысли, развитые в науке постнеклассической. Принцип интенциональности означает, что именно сознание, направленное на объект человеческого интереса, с необходимостью наделяет его *значением*, отнюдь не присущим объекту «самому по себе». Характеристика же предмета трансцендентально-редуцированной сферы как ноэтико-ноэматического единства развивает изложенную в «Логических исследованиях» трактовку понятия предмета познания как объекта интереса («предмет интереса и есть понятие интенционального предмета») – тезис, навеянный бергсоновскими рассуждениями о том, что напряженность сознания («внимание к жизни») производна от главного регулятива нашего опыта – когнитивного интереса¹⁶. Ценности входят в науку вместе с установкой (интересом) ученого, более того, они неотделимы от его познавательной деятельности, ибо само мышление интенционально, неотделимо от «направленности на предмет интереса».

Осуществив редукцию к трансцендентально-феноменологической сфере, Э.Гуссерль смещает фокус исследования с поиска нередуцируемых первооснов знания на процесс, в известной мере, противоположный – конструктивную деятельность сознания. Развитая в «Картезианских размышлениях»¹⁷ конститутивная методология переключает внимание теоретика

познания на принципы феноменологического конституирования или всеобщий процесс «возведения» смыслов. Движение феноменологической мысли в направлении исследования конструктивно-креативной способности человеческого мышления существенно развивает и дополняет гуссерлев анализ противоположно направленных когнитивных процессов – редукции к трансцендентально-феноменологической сфере, ибо конститутивные предметы как продукты конструктивной деятельности трансцендентального сознания обретают высшую достоверность благодаря происхождению из сферы абсолютной феноменологической очевидности. Феноменологическая рефлексия является не только операцией обнаружения структуры сознания и механизмов его деятельности, но и конституирования любых форм идеальных предметностей как центров мировых отношений. Феноменологически смысл нельзя обнаружить в готовом виде как нечто, существующее либо в сознании субъекта, либо в самом объекте, который следует лишь найти. В каждом акте сознания он создается заново. Операциональной базой «сотворения смыслов» у Э.Гуссерля выступает рефлексия. Феноменологическое понимание рефлексии заметно расходится с присущим классической рациональности представлением о ней как способе обнаружения наличного, т. е. уже готового смысла, как о мыслительной деятельности по анализу заведомо осмысленного содержания, нуждающегося лишь в дополнительном прояснении. Однако, наделяя рефлексия смыслообразующей силой, основоположник трансцендентальной феноменологии отнюдь не приписывает смыслу статуса онтологически объективной Идеи или Сущности на манер гегелевской «феноменологии духа». Феноменология Э.Гуссерля тем и отлична от гегелевской, что в ней нет Абсолютного духа, «самоотчуждающегося» в процессе рефлексии и порождающего все многообразие природы и культуры. Место гегелевского Абсолютного духа у Э.Гуссерля занимает трансцендентальное сознание, а место объективного мира – предметный мир, коррелятивный трансцендентальному субъекту.

Если в потоке сознания каждая фаза опыта «проживается», тает в себе подобной без резких границ, то в процессе конституирования предметов опыта мышление выделяет и фиксирует отдельные фрагменты потока сознания. Непрерывный поток опыта расчленяется на отдельные устойчивые образования – феномены.

В изначальном потоке (дореклексивно) это лишь «предметы в возможности». «Действительные» трансцендентальные предметы появляются в результате операции феноменологического синтеза, осуществляемого сознанием в ходе восприятия. Конституирование предмета – это операция «опредмечивания» восприятия, надления его смыслом. Трансцендентальная теория восприятия исследует первичные и вторичные восприятия, специфические способы удержания в сознании (ретенции), структуры интенционального синтеза. В рамках трансцендентальной теории восприятия свойственное классической теории познания жесткое разделение на субъект и объект значительно смягчается – феноменологическая реконструкция опыта схватывает их не как онтологически разобщенные образования, но как моменты феноменологической целостности. В феноменологической перспективе традиционные субъект и объект предстают как моменты органической целостности, в качестве коррелятов «сознающее–сознаваемое», постоянно трансформирующие друг друга в каждом акте сознания, в процессе обретения нового опыта. И одной из задач феноменологии провозглашается *исследование механизмов субъект-объектной трансформации на различных уровнях человеческого сознания, начиная обыденным и кончая научным.*

А это, в свою очередь, дает основание предположить, что важнейшим когнитивным смыслом «сборки» субъекта постнеклассической науки является осуществление широкого междисциплинарного синтеза, с привлечением данных различных когнитивных наук, на основе развитых в постнеклассической науке форм философско-методологической рефлексии.

Примечания

- ¹ *Аришинов В.И., Свирский Я.И.* Интерсубъективность в контексте постнеклассической парадигмы // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009. С. 178.
- ² *Огурцов А.П.* Новый поворот к объекту в современном мышлении // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009. С. 47. Действительно, в философии постнеклассической науки намечен поворот от частных и в целом маргинальных для развития науки проблем эпистемологических разрывов, несоответствий, несоизмеримости и т. п. к дальнейшему углублению философского анализа фундаментальных механизмов функцио-

нирования научного разума на манер кантовских «как возможна чистая математика?» «как возможно чистое естествознание?» и т. п. Сосредоточение же постпозитивистской философии науки на когнитивных девиациях: «прерывах постепенности» (Т.Кун), «эпистемологических разрывах» (М.Полани), противоречии теории фактам (И.Лакатос), «семантической несоизмеримости» (П.Фейерабенд), как свидетельствуют исследования образцов (когнитивных паттернов) прикладной науки Б.И.Пружининим, – результат не критического распространения на науку в целом опыта философской рефлексии *прикладной*. В этом смысле «новый ренессанс» трансцендентализма можно рассматривать и как новую философско-методологическую апологию *фундаментальной* науки.

³ См.: *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000. (2е изд. – 2002).

⁴ *Psathas G.* (ed.) / *Phenomenological Sociology/ Issues and Applications*. Toronto, 1973. Introduction. P. XIV.

⁵ *Аришинов В.И., Свицкий Я.И.* Интерсубъективность в контексте постнеклассической парадигмы. С. 178.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ *Husserl E.* Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge. Haag, 1950. S. 124

⁹ Ibid. P. 9–10.

¹⁰ *Husserl E.* Husserliana. 1950. Bd. 3. S. 104.

¹¹ См.: *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. 1. СПб., 1909.

¹² *Гуссерль Э.* Парижские доклады // *Логос*. 1991. № 2. С. 11.

¹³ См.: *Молчанов В.И.* Время и сознание. Критика феноменологической философии. М., 1988.

¹⁴ См.: *Гайденко П.П.* Гуссерль и Кант: проблема трансцендентальной философии // *Философия Канта и современность*. М., 1974; *Мотрошилова Н.В.* Гуссерль и Кант: проблема «трансцендентальной» философии // *Философия Канта и современность*. М., 1974.

¹⁵ *Гуссерль Э.* Парижские доклады. С. 12–13.

¹⁶ *Бергсон А.* Материя и память // *Бергсон А.* Собр. соч. Т. 1. С. 168.

¹⁷ См.: *Husserl E.* Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge. Haag, 1950.

Образы постнеклассической онтологии и сборки субъектов

В этой статье я постараюсь более теоретически рассмотреть основные вопросы заявленной общей темы «сборки субъектов в постнеклассической науке». В первую очередь коснусь вопросов феномена субъектности и его возможного моделирования и подойду с этой точки зрения к проблеме «сборки субъекта», т. е. образования более интегративной субъектной инстанции из отдельных субъектов.

Но прежде следует, конечно, же отметить, что ситуация постнеклассики, которую, вслед за В.С.Стёпиным, можем определить как новую стадию эволюции научной рациональности, существенно включающая в себя феномен субъекта и обнаруживающая свою «человекоразмерность», может быть прочитана и более широко – как задача создания своего рода «витомерного» образа научной рациональности, в составе которого не только человек как субъект познания, но и феномен жизни вообще должен найти свое фундаментальное выражение¹. С этой точки зрения следует говорить о существенно «витомерном» образе постнеклассических онтологий, где рядом с регионами внешнего мира должны равноправно находиться области внутреннего мира – как внутренних миров отдельных субъектов, так и регионы коллективного внутреннего мира. Одним из пионеров разработки такого нового типа «субъектных онтологий» в современной науке можно считать В.А.Левефва, который впервые равноправно стал рассматривать структуры внешнего и вну-

тренного мира субъектов в связи с феноменом рефлексии. На основе «витомерного» образа постнеклассических онтологий происходит существенное изменение представлений гносеологического характера – коренным образом меняются стандарты научной объективности и рациональности. Речь должна идти о своего рода «субъект-объектной объективности»², в рамках которой феномен субъектности впервые отрывается от субъективности и может быть рассмотрен как одна из возможных модальностей интегрального образа объективности. Мы постепенно наблюдаем оправдание онтологического статуса разного рода «вторичных качеств», которые, являясь существенно субъектными, впервые начинают осознаваться как способные нести свою постнеклассическую рациональность и истинность. Все больший онтологический статус как самостоятельные сущности получают феномены жизни и сознания, в том числе сам феномен субъектности. Говорят о моделях субъектов, теории субъектности, субъектной рациональности и т. д.

Важнейшую роль в эволюции постнеклассической науки играет *философия трансдисциплинарности*, в рамках которой феномен науки претерпевает иные смысловые дифференциации, чем общепринятые дисциплинарные деления научного знания или вообще дихотомия на научную и вненаучную сферы опыта. По мере распространения научной рациональности на структуры «жизненного мира», создания более «человекообразного» и «витомерного» языка науки происходит обратное движение в сторону науки со стороны самой экстранаучной реальности. Наша жизнь, мир повседневности все более ассимилируется наукой, можно говорить о его завоевании своего рода «высокими бытовыми технологиями»³, которые превращают сферу быта порою в высоко наукоемкие виды деятельности. Практика, общение, чувственная жизнь и т. д. все более испытывают на себе влияние постнеклассических образов научного знания. Наука становится все более жизнемерной, а жизнь – наукообразной. Эти две обоюдные тенденции, с нашей точки зрения, составляют центральную тему современной постнеклассической рациональной ситуации. На этом фоне коренным образом меняется субъект научного познания. Он все более сближается с субъектом культуры вообще и приобретает все более насыщенные субъектно-рациональные определения. Он представлен

иерархически-сетевыми трансдисциплинарными коллективами, в которых выстраивают транс-коммуникацию и практику представители науки, бизнеса, политики, «люди с улицы», стремясь в пределе к некоторому «социальному микрокосму», который бы в малом представлял собой большой социум и был способен выступать от его лица. В таких трансдисциплинарных сообществах (постнеклассических полисубъектах) возникает как множество проблем, так и множество потенциалов их разрешения. В первую очередь это проблема *отождествления* каждого частного субъекта трансдисциплинарного коллектива со своим образом жизни, своими взглядами на мир и собственной системой ценностей. Столкновение таких «микрокосмов» в первую очередь приводит к взрывам непонимания, взаимного страха, агрессии и т. д. Нужна добрая воля для преодоления этой основной трудности «личных потенциальных ям» каждого участника трансдисциплинарного проекта. И только при наличии такой воли и достаточной работы будет происходить постепенная сетевая «притирка» отдельных субъектов и их миров и начнет создаваться общее субъектное пространство, в рамках которого может появиться общий трансдисциплинарный язык и общая коммуникация. Это и есть процесс «сборки субъектов», который, кроме его спонтанного становления, может еще и мягко регулироваться со стороны специально подготовленных субъектов, владеющих методологией и практикой постнеклассической организации.

И здесь впору было бы поговорить о возможной методологии такой организации, ее схематизме и возможном научном аппарате. Но, как и было заявлено вначале, я пойду в этой работе по несколько иному пути, попытавшись наметить контуры нового типа субъект-объектного языка витомерной постнеклассической рациональности, которые должны составить более теоретические основания субъектной сборки в постнеклассической научной ситуации.

Первый вопрос, который должен быть поставлен в постнеклассической рациональности, это вопрос о самом феномене субъектности. Кто такой субъект? Как его можно пытаться выразить более научным языком?

В ряде своих работ⁴ я развивал идеи так называемых «субъектных онтологий» или «экранных онтологий», в рамках которых можно дать достаточно ясные ответы на эти вопросы.

Феномен субъекта в первую очередь предполагает феномен *внутреннего мира*. Субъектом в общем случае можно называть *сущность, обладающую собственным внутренним миром и своим телом во внешнем мире*.

Тем самым предполагается модель онтологии, где выделен регион внешнего мира и вне него лежит регион совокупного внутреннего мира, частью которого является внутренний мир данного субъекта. Тело субъекта находится во внешнем мире (см. рис. 1).

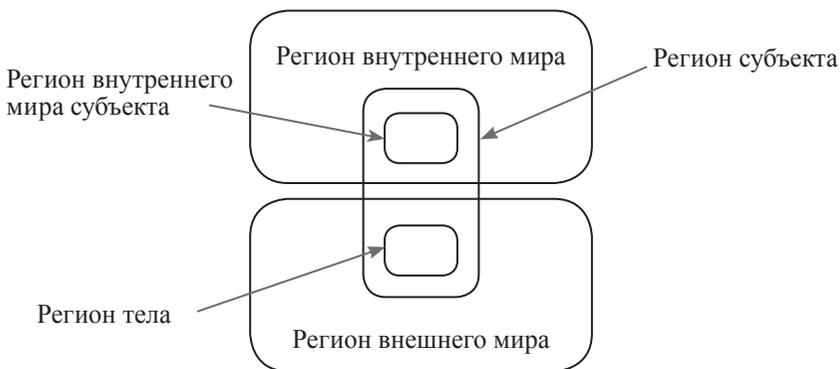

Рис. 1

Регион субъекта есть изначально единство внешнего и внутреннего, он объединяет в рамках своего внутреннего мира и тела бытие внешнего и внутреннего.

В отличие от субъектов, объекты – это сущности, которые полностью находятся только в регионе внешнего мира.

Тело субъекта может содержать афферентные и эфферентные органы. Первые строят изображения внешнего мира во внутреннем мире субъекта (например, глаза у человека). Вторые реализуют побуждения внутреннего мира и тем или иным образом меняют структуру внешнего мира (например, человеческие руки).

Регион внутреннего мира субъекта может быть более или менее развит. Его можно сравнить с «личным телевизором», на котором могут показываться более или менее сложные изображения. С этой точки зрения можно говорить о трех основных типах субъектов. *Растительный тип субъектов* – такой, у которого нет

различимых изображений во внутреннем мире. *Животный тип* – тот, который обладает *конечными изображениями* во внутреннем мире (возможно построение во внутреннем мире образов конечного числа объектов, конечных областей пространства и времени). *Человеческий тип субъекта* – это субъект, который обладает *бесконечными изображениями* во внутреннем мире. Примером таких бесконечных изображений являются общие понятия (понятия с бесконечным объемом), универсальные законы, идеи (в том числе идея Я) и т. д. С развитием внутреннего мира происходит и развитие внешнего тела субъекта. У животных впервые появляются специализированные афферентные и эфферентные органы. У человека возникают органы, которые способны строить бесконечные изображения и реализовывать их (разум, разумная речь и т. д.). С бесконечными изображениями связана и способность человека к рефлексии, которая возникает как способность в первую очередь создать *образ* внутреннего мира в своем внутреннем мире, но образ внутреннего мира – один из видов бесконечных изображений.

Субъекты стремятся сохранить себя (*закон адаптации*) и реализовать свои цели (*закон цели*). Используя свое тело, субъект строит все более сложные образы внешнего мира и развивает свой внутренний мир. У различных субъектов разные тела и внутренние миры, но всех их объединяет стремление выживать и развиваться, накапливать тот или иной опыт.

Рассмотрим далее важное понятие *подсубъекта* и *надсубъекта*. Один субъект может быть подсубъектом другого, если его тело – часть тела и его внутренний мир – часть внутреннего мира другого субъекта. Если А – подсубъект субъекта В, то В можно называть *надсубъектом* А. Например, каждый человек выполняет множество видов деятельности: ест, мыслит, работает на службе, живет в кругу семьи и т. д., и каждый из них можно связывать со своим подсубъектом. Сменяя одни занятия на другие, человек как бы «вращается» на своих подсубъектах, активируя их то параллельно (ходьба и мышление, например), то последовательно (сон и бодрствование). Кроме того, люди могут объединяться в сообщества, образуя надындивидуальных надсубъектов, в отношении к которым каждый человек выступает как подсубъект. У таких надсубъектов возникает свой коллективный внутренний мир и свое коллективное тело. Коллективные образования (внутренний мир и

тело) складываются из индивидуальных компонентов (индивидуальных внутренних миров и тел), но обладают и моментом нового, эмерджентного качества целого, которое влияет на подсубъектов⁵. В этом случае мы имеем дело с наиболее сложными версиями субъектных онтологий, структуры которых более строго впервые были описаны В.А.Лефевром в связи с феноменом рефлексии⁶.

Например, два человека А и В могут быть представлены как пары своих внутренних миров И и своих тел Т, т. е. $A=(I_A, T_A)$ и $B=(I_B, T_B)$. Если они объединяются в целое, то можно ввести коллективного субъекта $C=(I_C, T_C)$ со своим внутренним миром и телом. Если А и В обладают рефлексией, то в их внутренних мирах есть образы своих внутренних миров, внутреннего мира другого субъекта и коллективного внутреннего мира. Например, для I_A получаем такие составляющие: I_{AA} – образ своего внутреннего мира у субъекта А, I_{BA} – образ внутреннего мира субъекта В у субъекта А, I_{CA} – образ коллективного внутреннего у субъекта А.

Субъекты находятся либо в покое, либо совершают некоторые действия (впрочем, покой можно рассматривать как один из видов активности). Субъекты могут совершать какие-то виды деятельности либо по первичному побуждению, реализуя внутреннее напряжение (например, закон цели), либо в ответ на некоторую внешнюю активность. Любые действия совершаются субъектом как выражение некоторой положительности, как средства достижения чего-то позитивного для себя. Это можно выразить таким образом, что вдоль активности, как некоторой траектории в пространстве состояний, растет некая скалярная ценностная мера. Я буду называть эту меру *позитивностью*. Таким образом, сам субъект всегда стремится совершать положительные действия, в которых растет его позитивность. Их я буду называть *плюс-активностями*. Но тем самым другие виды деятельности, которые препятствуют совершению положительных действий субъекта, получают с его стороны негативную оценку. Их можно представить как траектории, на протяжении которых позитивность субъекта падает, – я буду называть их *минус-активностями*. Наконец, возможны безразличные с точки зрения субъекта действия, которые можно называть нейтральными или *ноль-активностями*, считая, что позитивность не меняется на протяжении таких виды деятельности. Знак активности

как плюс-, минус- или ноль-активности я буду далее называть *валентностью* активности. Закон субъектности гласит, что субъект стремится совершать только плюс-активности.

Если выделена некоторая активность A , то в отношении к ней субъект может образовать как бы *валентный спектр активности* от совпадающей с A до противоположной A , что можно обозначить как активность A^* . В этом случае положим, что в рамках своего спектра A обладает положительной валентностью, т. е. является плюс-активностью, а активность A^* является минус-активностью. Любой элемент B этого спектра может быть выражен как суперпозиция

$$(1) B = \alpha A + (1-\alpha)A^*,$$

где α – мера близости B к A , $(1-\alpha)$ – мера близости B к A^* . Коэффициент α принимает значения от 0 до 1. Положим, что суперпозиционная активность B окажется ноль-активностью при $\alpha=0.5$, когда вклады со стороны A и A^* уравновешены.

Субъект обычно не является единственной онтологической силой, которая воздействует на мир. Совокупная ситуация («положение дел») меняется под влиянием как данного субъекта, так и других субъектов или объектных действий (например, физических процессов). Проявляя некоторую активность, субъект предполагает некий прогноз более автономного развития событий, которое в любой момент может быть нарушено вторжением внешних непредвиденных обстоятельств, в ответ на которые субъект должен заново отреагировать, меняя свой образ пространства-времени.

Активности, на которые субъект реагирует, в том числе и в лице внутренних побуждений, будем называть *проактивностями*. Активности, возникающие в ответ на проактивности будем называть *эуактивностями*. За каждой активностью субъекта есть проактивность, на которую он среагировал. И каждая активность есть эуактивность в ответ на некоторую проактивность. Проактивности могут быть плюс- или минус-активностями (на ноль-активности субъект не реагирует). На проактивности как плюс-активности он реагирует, *реализуя* их, например, на побуждение поесть он отвечает поиском пищи. На проактивности как минус-активности отвечает *компенсаторно*, пытаясь предотвратить их или их последствия, например, в ответ на угрозу боли обращается в бегство. Наличие связи между видами проактивностей и видами эуактивностей мож-

но называть *законом реагирования*. Когда субъект выбирает некую активность и начинает ее реализацию, это может быть описано как второй принцип активности, который можно называть *закон реализации*. Итак, субъект постоянно проявляет свою активность как выражение либо закона реагирования (выбор эуактивности в ответ на некоторую проактивность), либо закона реализации (реализация выбранной эуактивности). Последняя может завершаться либо *эндогенно*, достигая своего финала, например, насыщение при приеме пищи, либо *экзогенно*, внезапно прерываясь извне (угроза для жизни прерывает питание).

На валентность активности может влиять рефлексия. Например, одна и та же активность может быть плюс-активностью как дорефлексивная активность и минус-активностью в рефлексии. В этом случае возникнут смешанные схемы активности субъекта, которые должны будут некоторым образом учитывать вклады со стороны его дорефлексивной и рефлексивной структур.

В описанных выше моделях субъектных онтологий мы видим три основных измерения. Это 1) измерение «индивидуального – коллективного», 2) «дорефлексивного – рефлексивного» и 3) «реагирования – реализации». Попытаемся теперь объединить их, выстраивая наиболее комплексный образ субъектных онтологий.

Будем рассматривать надсубъекта со множеством подсубъектов, которые (надсубъект и подсубъекты) обладают своими рефлексивными внутренними мирами и своими проявлениями активности. В конечном итоге характеризовать такого надсубъекта означает описать активность каждого его подсубъекта (в том числе надсубъекта можно рассматривать как тождественного подсубъекта самого себя). Выбираем некоторого подсубъекта X. Что значит описать его активность?

Будем полагать, что в конечном итоге это означает описать *возможный спектр активности*, который способен совершить субъект X в данный момент и выразить *вероятность* этих видов активности со стороны субъекта X.

Что касается возможного спектра активностей, которые субъект может совершить в данный момент, то это либо уже какая-то реализуемая эуактивность (закон реализации), либо момент выбора некоторой эуактивности в ответ на эндогенную или экзогенную проактивность (закон реагирования). Чтобы создать

модель поведения субъекта, необходимо знать эуактивности, наработанные им в ответ на соответствующие проактивности, и иметь информацию об эндогенных и экзогенных проактивностях. Конечно, следует иметь в виду, что речь должна идти не столько о самом бесконечно сложном реальном человеке, сколько о его приближенной субъектной модели, ограниченной некоторыми существенными для данного исследования признаками. Но даже в этом случае особенно сложной является задача определения экзогенных проактивностей. В какой-то мере эту задачу можно упростить, предполагая зависимость типа внешних проактивностей субъекта от 1) надсубъектов, в составе которых находится данный субъект (внешняя проактивность для подсубъекта может оказаться внутренней для надсубъекта), и 2) некоторых глубинных характеристик данного субъекта (например, абсолютизация им какой-либо ценности может активировать механизм так называемого аксиологического гомеостаза⁷, повышая вероятность таких экзогенных проактивностей, которые могут привести к снижению значимости абсолютизированной ценности).

В общем случае, если субъект может проявлять активность А с вероятностями $p_1, p_2, \dots, p_n$ соответственно со стороны некоторых инстанций и систем принятия решения (например, дорефлексивных и рефлексивных, индивидуальных и коллективных), и каждая из этих инстанций обладает индексом реализации $r_1, \dots, r_{n-1}, r_n$ соответственно, где $r_1 + \dots + r_{n-1} + r_n = 1$, т. е. $r_n = (1 - r_1 - \dots - r_{n-1})$, то я буду принимать суперпозиционную модель⁸ итоговой вероятности p проявления активности А субъектом, определяемой соотношением:

$$(2) S(p_1, \dots, p_n, r_1, \dots, r_{n-1}) = r_1 p_1 + \dots + r_{n-1} p_{n-1} + (1 - r_1 - \dots - r_{n-1}) p_n.$$

Также будет приниматься модель связи валентности активности и вероятностей её реализации. Будем полагать, что с нулевой вероятностью субъект стремится совершать только плюс-активности, и чем более прирост позитивности на протяжении реализации такой активности, тем выше вероятность ее проявления субъектом. Если же активность является минус- или ноль-активностью, то он совершает такую активность с нулевой вероятностью. Верно и обратное: если вероятность некоторой активности нулевая, то мы можем предполагать, что это минус- или ноль-активность. Если же вероятность активности больше нуля, то

можно утверждать, что это плюс-активность для субъекта, и чем выше вероятность, тем больше прирост позитивности на протяжении проявления такой активности.

С этой точки зрения закон реагирования можно выразить достаточно формально. Если дана проактивность A и она имеет некоторую валентность, то в силу закона связи вероятности с валентностью мы получим какую-то вероятность p реализации активности A со стороны субъекта. Пусть в то же время субъект реагирует на A некоторой эуактивностью B с вероятностью p^* совершения B . Если A – плюс-активность, то B совпадает с A . Если A – минус-активность, то B совпадает с A^* . В остальных случаях имеем промежуточные значения. Таким образом, закон реагирования может быть выражен связью валентности или вероятности эуактивности с валентностью или вероятностью проактивности, например, в следующем виде:

$$(3) p^*(C,p) = 0.5((1+C)p + (1-C)(1-p)),$$

где C – коэффициент копации⁹, принимающий значения от -1 (антипатия) через 0 (апатия) до $+1$ (симпатия). Закон (3) – более общий закон копатического реагирования на проактивность эуактивностью, когда для проактивности определен коэффициент копации C со стороны эуактивности. Закон реагирования может быть получен из (3) при том условии, что коэффициент копации оказывается зависящим от валентности (вероятности) проактивности: чем положительнее такая валентность (чем больше вероятность), тем с большей симпатией воспринимается проактивность, т. е. тем ближе C к $+1$. Эту зависимость в простейшем линейном случае можно выразить в следующем виде (закон зависимой копации):

$$(4) C(p) = 2p-1.$$

Подставляя (4) в (3), получим на уровне вероятностей следующий простой вид закона реагирования:

$$(5) p^*(p) = 2p(p-1)+1.$$

На уровне валентного спектра активностей (1) закон реагирования можно выразить, связав коэффициент α с вероятностями p и p^* , например, в следующем виде:

$$(6) \alpha = (1-|p^*-p|)/(2-(|p^*-p|+|p^*-1+p|)).$$

Основная идея связи α и p, p^* состоит в том, что чем ближе вероятности p^* и p , тем более близка эуактивность B к проактивности A . Здесь степень близости между p и p^* выражается величиной $1-|p^*-p|$, между p^* и $(1-p)$ – величиной $(1 - |p^*-1+p|)$, затем эти величины нормируются отношением к их сумме $(2-(|p^*-p|+|p^*-1+p|))$. Нормировка $1-|p^*-p|$ дает α , нормировка $(1 - |p^*-1+p|)$ – величину $(1-\alpha)$.

Возвращаясь теперь к подсубъекту X , который находится в составе некоторого надсубъекта и обладает рефлексией, мы могли бы выделить в этом случае следующие субъектные системы принятия решения (СПР):

1) *дорефлексивная автономная* СПР, которая выражается в собственном дорефлексивном желании или нежелании субъекта X совершить некоторую активность A ,

2) *дорефлексивная гетерономная* СПР, выражающаяся в дорефлексивном желании субъекта (не)совершить A , наведенную со стороны другого подсубъекта Y ,

3) *рефлексивная автономная* СПР (не)совершить A , которая идет от рефлексивного образа себя $X \downarrow X$ субъекта X ,

4) *рефлексивная гетерономная* СПР (не)совершить A , которая идет от рефлексивного образа другого $Y \downarrow X$ у субъекта X .

Таким образом, выделены четыре основных СПР: автономные и гетерономные, дорефлексивные и рефлексивные. Кроме того, следует иметь в виду, что другими субъектами Y для X могут выступать другие подсубъекты какого-либо общего надсубъекта (таких субъектов можно называть *косубъектами*), подсубъекты и надсубъекты самого X .

Итак, предполагается, что когда субъект X определяет свое отношение к некоторой активности A , то на его выбор влияют все отмеченные СПР, дорефлексивные и рефлексивные, автономные и гетерономные, косубъектные, под- и надсубъектные.

Наиболее общая формула выбора в этом случае примет вид:

$$(7) S(p_1, p_2, p_3, p_4, r_1, r_2, r_3) = r_1 p_1 + r_2 p_2 + r_3 p_3 + (1 - r_3 - r_2 - r_1) p_4.$$

В этом случае p_1 – дорефлексивная автономная, p_2 – рефлексивная автономная, p_3 – дорефлексивная гетерономная, p_4 – рефлексивная гетерономная вероятности проявления одной активности A . Соответственно, r_1 – дорефлексивный автоном-

ный, r_2 – рефлексивный автономный, r_3 – дорефлексивный гетерономный, $r_4 = (1-r_3-r_2-r_1)$ – рефлексивный гетерономный индексы реализации.

Если какая-то СПР подразделяется на более частные СПР, то соответствующая вероятность представляется в свою очередь по суперпозиционной схеме. Например, если в рефлексивной гетерономной СПР мы выделяем некоторого косубъекта и некоторого надсубъекта, для которых характерны свои вероятности p^*_1 и p^*_2 и индексы реализации r^*_1 и $r^*_2 = 1-r^*_1$ соответственно, то вероятность p_4 представляется по схеме

$$(8) p_4 = S(p^*_1, p^*_2, r^*_1),$$

и затем это выражение добавляется на место p_4 в (7). Отношение суперпозиции оказывается инвариантным в этом случае при преобразованиях представления процедуры принятия решения разной степени подробности (это своего рода «масштабная инвариантность» суперпозиционной схемы (2)).

Рассмотрим с этой точки зрения проблему сборки субъектов, т. е. такой специфический вид активности некоторого субъекта K , как создание надсубъекта U из субъектов $X_1, X_2, \dots, X_k$.

В этом случае активность A субъекта K – это создание U из $X_1, \dots, X_k$. Субъект K определяет для себя A как плюс-активность и решает ее реализовать. Такое решение может быть вызвано в ответ на внутреннее побуждение и на некоторую внешнюю проактивность, например угрозу, т. е. зуактивность A может быть таковой в ответ на множество проактивностей. В итоге на основе той или иной суперпозиции (7) субъект K имеет достаточно высокую вероятность совершения действия A , и он пытается ее реализовать. Субъекта K можно называть *субъектным конструктором*, и его наличие является основным условием сборки субъектов. Если субъектного конструктора нет и некоторый субъект K^* сам не может выступить в качестве такового, то он мог бы поставить перед собой задачу создания субъектного конструктора K . В этом случае субъекта K^* можно называть *субъектным проконструктором*. По крайней мере, сборка должна начинаться с существования субъектного про-конструктора K^* .

Если K существует, то он пытается реализовать активность A . В конечном итоге необходимо так трансформировать субъектов $X_1, \dots, X_k$, чтобы они превратились в подсубъекты $U_1, \dots, U_k$ заданно-

го субъекта $У$ и «из ничего» возник надсубъект $У$ (предполагаем, что вначале $У$ не существует). Таким образом, здесь должны быть осуществлены переходы $X_i \rightarrow Y_i$ и $0 \rightarrow У$ – это более подробное представление активности A . Со стороны субъекта K субъекты X_i должны начать испытывать побуждения к трансформации $X_i \rightarrow Y_i$, что можно обозначить как активность A_i . Кроме того, K должен суметь осуществить некоторый эмерджентный переход $0 \rightarrow У$, что можно обозначить как активность A^* . Для увеличения вероятности активности A_i у субъектов X_i субъект K может подключить ресурсы четырех отмеченных выше СПР у каждого субъекта X_i и их разновидностей. Например, он может пытаться отобрать в качестве X_i таких субъектов, у которых уже даны выраженные до-рефлексивные желания и способности к совершению A_i , есть положительная рефлексивная оценка активности A_i и т. д. Следует также иметь в виду, что в случае $У$ как трансдисциплинарного сообщества, как было отмечено, существует повышенная вероятность не совершать трансформации $X_i \rightarrow Y_i$ у субъектов X_i за счет усиленных «потенциальных ям» специализации научной культуры, отсутствия узаконенной культурной ниши для трансдисциплинарного субъекта $У$ и универсального языка общения и т. д. Имея это в виду, субъект K может ориентироваться на субъектов X_i , которые тяготеют к трансдисциплинарности в своих специализированных областях, склонны к статусно-ролевой мобильности, т. е. готовности менять социальные роли и статусы, открыты к освоению и выработке средств трансдисциплинарной коммуникации и т. д. Например, это могут быть молодые люди, у которых еще не столь велика научная специализация, но высока статусно-ролевая мобильность.

Если субъектный конструктор K нацелен на создание надсубъекта $У$, то это с самого начала ставит его в позицию максимального выражения в своем лице этого надсубъекта. Это значит, что K должен обладать способностью воспроизведения в сообществе хотя бы некоторой меры субъекта $У$, у него должна быть возможность стать лидером будущего сообщества на его пути трансформации к надсубъекту $У$, что в определенной мере решает задачу эмерджентного возникновения $0 \rightarrow У$. Впоследствии, когда $У$ начнет воспроизводиться в сообществе и за счет своих подсубъектов, субъект K мог

бы постепенно снимать с себя функцию слишком сильного отождествления с $У$, но в качестве *инициации* возникновения $У$ такая роль $К$, по-видимому, необходима.

Субъекты X_i должны быть таковы, что когда они приближаются к своим состояниям $У$ -подсубъектности $У_i$, и субъектный конструктор $К$ оказывается в состоянии воспроизвести стартовую иницилирующую роль $У$, то набор ролей $У_i$, идущих со стороны трансформирующихся X_i , должен обладать *воспроизводимостью* для бытия надсубъекта $У$ (такую воспроизводимость можно называть *У-воспроизводимостью*). Например, должен быть некоторый *минимальный полный набор* подсубъектов, только начиная с которого $У$ способен впервые появиться и некоторое время быть; задача $У$ -воспроизводимости похожа на задачу устойчивости тела: например, стул устойчив, начиная только с трех ножек. И конечно же, должны возникать положительные подкрепления для субъектов X_i , когда они принимают на себя роли $У_i$ и на них воспроизводится надсубъект $У$, такое подкрепление формирует положительную валентность активности A у каждого субъекта X_i .

В подобной манере можно проводить все более разветвленный анализ методологии сборки субъекта, используя конструкции субъектных онтологий.

Примечания

- ¹ *Моисеев В.И.* Витомерные образы постнеклассической онтологии // Постнеклассические практики: определение предметных областей: Материалы междисциплинар. семинара / Под общ. ред. О.Н.Астафьевой. М., 2008. С. 92–120.
- ² *Моисеев В.И.* Этнос науки как символ новой объективности // Этнос науки / Отв. ред. Л.П.Киященко, Е.З.Мирская. М., 2008. С. 255–271.
- ³ *Моисеев В.И.* Образы постнеклассических практик: революция микроосвобождения // Постнеклассические практики и социокультурные трансформации: Материалы VI междунар. междисциплинар. семинара / Под общ. ред. О.Н.Астафьевой. М., 2009. С. 36–46.
- ⁴ См. напр. *Моисеев В.И.* Логика всеединства. М., 2002; *Моисеев В.И.* Логика Добра. Нравственный логос Владимира Соловьева. М., 2004; *Моисеев В.И.* Витомерные образы постнеклассической онтологии. С. 92–120.
- ⁵ Внутренний мир коллективного субъекта может быть представлен по-разному. Это может быть некоторое эмерджентное образование, которое выходит за границы каждого индивидуального внутреннего мира и влияет на внутренние

миры отдельных людей, или это может быть образ коллективного внутреннего мира в сознании лидера, который собой олицетворяет коллективного субъекта. Тело коллективного субъекта выражается в эмерджентной активности тел отдельных подсубъектов.

⁶ *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. 3-е изд. М., 2000.

⁷ См.: *Моисеев В.И.* Философия науки. Философские проблемы биологии и медицины: учебное пособие для вузов. М., 2008. С. 440–447.

⁸ *Моисеев В.И.* Вероятностно-аксиологическая модель рефлексии // Рефлексивные процессы и управление. 2008. № 2. Т. 8. С. 80–104.

⁹ Копатия – новый термин для обобщения понятий симпатия, апатия и антипатия. Впервые я употребил этот термин в своей книге «Логика Добра».

Сборка событийной и несобытийной трактовок субъекта в современной исторической науке

1. Постановка проблемы

В историографии, начиная с Канта, история трактуется как совершаемая историческими субъектами, которые, по Гегелю, знают «общий элемент, необходимую, ближайшую ступень в развитии мира, делая ее своей целью и вкладывая в ее осуществление свою энергию»¹. Обсуждая условия мыслимости такой теоретической конструкции, Х.Гадамер отмечал, что совпадение частных устремлений того или иного исторического субъекта и общего смысла истории оправдано, «лишь если исходить из предпосылок Гегеля, согласно которым философия истории посвящена в планы мирового духа и благодаря этой посвященности способна выделить частные индивиды в качестве всемирно-исторических, у которых наблюдается якобы действительное совпадение их партикулярных помыслов и всемирно-исторического смысла событий»².

А.Панарин вслед за другими критиками «исторического субъекта» присоединяется к Гадамеру, добавляя аргументы, в соответствии с которыми гегельянская трактовка истории не может быть сегодня принята в силу ее монологизма, априоризма, телеологизма и антидемократичности. «Опасность монологизма, связанного с представлением о монополюсному действующем субъекте-гегемоне, — пишет он, — проявляется в обеднении исторического процесса», многовариантность и разнообразие которого урезаются диктатом исторического «авангарда», которому передоверяется право вешать судьбы людей. «Но если иметь в виду демократизацию самого исторического процесса — превращение мировой периферии из

пассивного объекта чужой воли в самостоятельный исторический субъект, то вместо унификации мира по западной модели нам следует ожидать усиление исторического и социокультурного разнообразия и новой проблематизации тех западных эталонов, которые с позиций авангардного мышления представляются единственно правильными и безальтернативными»³.

Соглашаясь с Гадамером и Панариным, стоит все же еще раз обсудить раскритикованную концепцию Гегеля. Ведь нельзя не признать, что ретроспективно творчество значимых в истории субъектов выглядит именно так, как об этом пишет великий немецкий философ. Возьмем один пример – трактовку научного творчества. Продумывая наиболее распространенные представления о нем, можно заметить, что научное творчество, как правило, связывается с гениями науки, открывшими (построившими) новое, например, новые законы или теории. С идеей новизны, открытия связана и одна из наиболее распространенных (Гальтон, Ортега-и-Гассет и др.) концепций научного творчества: оно рассматривается как тайна, чудо, которое с трудом поддается осмыслению, а творец в науке – как человек исключительный, избранный, наделенный глубокой интуицией, богатым воображением, способностью взглянуть иначе на уже известное, внести порядок и систему в разрозненный материал, охватить его единым взглядом и т. п. Действительно, нельзя не согласиться с тем, что только некоторые ученые среди других, не менее знающих и способных, создали в науке что-то новое, интересное, оцененное современниками или потомками как творчество с большой буквы.

Проблематизируя эту точку зрения, обратимся к творчеству одного из признанных основоположников современной науки – Галилео Галилея. На первый взгляд деятельность Галилея в естественной науке (в его творчестве впервые складывались такие ходы и повороты мысли, которые затем стали характерны для собственно естественнонаучного мышления) может быть яркой иллюстрацией сформулированной позиции. Он достаточно успешно выступал против схоластической средневековой науки, разработал основы современного экспериментального естествознания, наметил саму структуру физического эксперимента в отличие от опыта и в рамках этой структуры обосновал фундаментальный физический закон падения тел. С творчеством Галилея

обычно связывают возникновение науки Нового времени и представление о том, что он творил как бы «на пустом месте», не имея предшественников.

Однако с не меньшим успехом творчество Галилея может быть иллюстрацией и для противоположной точки зрения. Ведь он имел дело с задачами, для решения которых в европейской культуре уже сложились объективные условия и предпосылки. Галилей не смог бы построить свое учение о движении, если бы еще в античной науке Архимед не продемонстрировал физико-математического подхода к природным явлениям и не получил ряд теорем о равномерном движении, если бы Галилей не знал работы средневекового логика Н.Орема о движении, если бы не были развиты определенные разделы геометрии («Начала» Евклида и теория конических сечений), если бы, наконец, он не был знаком с астрономическим учением Птолемея и Коперника, а также натурфилософскими работами Платона, Аристотеля и Демокрита. Например, Орем не только предложил новый для того времени способ изображения ускоренного движения и доказал фундаментальную для механики теорему об эквивалентности равноускоренного и равномерного движения, но также наметил логический каркас основных понятий механики чуть ли не на 300 лет вперед. В.П.Зубов в своих исследованиях показал, что Галилей прекрасно знал основную работу Орема «Трактат о конфигурации качеств», из которой он заимствовал, во-первых, идею и геометрический метод доказательства теоремы об эквивалентности движений, во-вторых, терминологию и ряд основных понятий.

Таким образом, есть еще одна трактовка научного творчества: для любого открытия в науке должны созреть социальные условия, само же творчество представляет собой суммирование, обобщение научного материала, уже накопленного в культуре. Возможно, правда, что в чистом виде обе вышеприведенные трактовки научного творчества ограничены: последнее нельзя свести ни к личности ученого, ни к простой эволюции культурного наследия. В принципе научным творчеством может считаться лишь то, что объективно способствует эволюции науки: образование в ней новых предметов, идей, моделей, способов исследования, смена и отмирание старого. Понятно, что объяснить это, просто суммируя новые элементы в старом знании, накопленном к моменту науч-

ного открытия, невозможно. Для ученого-творца все знания выступали как вполне живые представления; к одним из них он присоединялся, другие решительно отвергал. Рождаясь, новая научная культура несет на себе отпечаток отношения ученого к различным представлениям и идеям прошлой и современной ему науки, следы его общения с коллегами, споров, его взглядов и ценностей.

Чтобы разобраться в этих противоположных точках зрения и трактовках истории (она творится историческими субъектами, и, напротив, они сами – продукты истории), рассмотрим сначала один на первый взгляд не исторический, а психологический случай.

В своей последней книге «Воспоминания, сновидения, размышления» К.Юнг приводит описание следующей истории, которая произошла с ним в 1887 г. Так как Юнг отлично все помнит, это описание должно для него представлять собой реальный, по сути, исторический факт и событие. В этот прекрасный летний день восхищенный мирозданием Юнг, подумал:

«Мир прекрасен, и церковь прекрасна, и Бог, который создал все это, сидит далеко-далеко в голубом небе на золотом троне и ... Здесь мысли мои оборвались, и я почувствовал удушье. Я оцепенел и помнил только одно: сейчас не думать! Наступает что-то ужасное»⁴.

После трех тяжелых от внутренней борьбы и переживаний дней и бессонных ночей Юнг все же позволил себе додумать начатую и такую, казалось бы, безобидную мысль.

«Я собрал, – пишет он, – всю свою храбрость, как если бы вдруг решился немедленно прыгнуть в адское пламя, и дал мысли возможность появиться. Я увидел перед собой кафедральный собор, голубое небо. Бог сидит на своем золотом троне, высоко над миром – и из-под трона кусок кала падает на сверкающую новую крышу собора, пробивает ее, все рушится, стены собора разламываются на куски.

Вот оно что! Я почувствовал несказанное облегчение. Вместо ожидаемого проклятия благодать снизошла на меня, а с нею невыразимое блаженство, которого я никогда не знал... Я понял многое, чего не понимал раньше, я понял то, чего так и не понял мой отец, – волю Бога... Отец принял библейские заповеди как путеводитель, он верил в Бога, как предписывала Библия и как его учил его отец. Но он не знал живого Бога, который стоит, свободный и всемогущий, стоит над Библией и над Церковью, который призывает людей стать столь же свободными. Бог, ради исполнения Своей Воли, может заставить отца оставить все его взгляды и убеждения. Испытывая человеческую храбрость, Бог заставляет отказываться от традиций, сколь бы священными они ни были»⁵.

Не правда ли, удивительный текст? Кто-то может усомниться и сказать, что это не объективный исторический факт, а личные воспоминания молодого Юнга, искаженные последующими взрослыми переживаниями. Тем более сам Юнг в начале своей книги замечает: то, что он пишет, не более чем его «личный миф». «Я могу, – пишет Юнг, – делать только это – утверждать нечто, “рассказывать сказки”. Правда это или нет – не важно. Важно лишь, что эта моя сказка, моя правда»⁶. Но не таковы ли и все другие исторические свидетельства? Просто Юнг честно признает их субъективную основу. И не такова ли «история», рассказанная Св. Августином в произведении «О граде Божьем» для всего христианского мира?

Представленный Юнгом исторический нарратив в историографии называется «событийным». В его рамках история рассматривается как состоящая из отдельных событий, подчиняющихся логике развития (генезиса), причем последнее трактуется в естественнонаучном ключе. Например, польский историк Войцех Вжосек пишет, что в событийном направлении история – это события, связанные причинными связями⁷. Соответственно человек (у Юнга также Бог) здесь рассматривается как творец и актер истории, как одна из основных причин ее развития.

Но историю с Юнгом можно увидеть (реконструировать) совершенно иначе. Спрашивается, почему толкование мыслей, предложенное Юнгом, является следованием воли Бога, а не, наоборот, ересью и отрицанием Его? Ведь Юнг договорился до того, что Бог заставил его отрицать и церковь, и сами священные религиозные традиции. Второй вопрос: а почему, собственно, Юнг дает подобную интерпретацию своим мыслям? Материал воспоминаний вполне позволяет ответить на оба вопроса.

В тот период юного Юнга занимали две проблемы. Первая – взаимоотношения с отцом, потомственным священнослужителем. По мнению Юнга, отец догматически выполнял свой долг: имея религиозные сомнения, он не пытался их разрешить и вообще был несвободен в отношении христианской Веры и Бога. Вторая проблема – выстраивание собственных отношений с Богом, уяснение отношения к Церкви. Чуть позднее рассматриваемого эпизода эти проблемы были разрешены Юнгом кардинально: он разрывает в духовном отношении и с отцом, и с Церковью. После первого причастия Юнг приходит к решению, которое он осознает так.

«В этой религии я больше не находил Бога. Я знал, что больше никогда не смогу принимать участие в этой церемонии. Церковь – это такое место, куда я больше не пойду. Там все мертво, там нет жизни. Меня охватила жалость к отцу. Я осознал весь трагизм его профессии и жизни. Он боролся со смертью, существование, которой не мог признать. Между ним и мной открылась пропасть, она была безгранична, и я не видел возможность когда-либо преодолеть ее»⁸.

Вот в каком направлении эволюционировал Юнг. На этом пути ему нужна была поддержка, и смысловая, и персональная. Но кто Юнга мог поддержать, когда он разрывает и с отцом, и с Церковью? Единственная опора для Юнга – он сам, или, как он позднее говорил, «его демон». Однако понимает этот процесс Юнг иначе: как уяснение истинного желания и наставления Бога. Именно подобное неадекватное осознание происходящего и обуславливает особенности понимания и интерпретации Юнгом своих мыслей. Юнг, самостоятельно делая очередной шаг в своем духовном развитии, осмысляет его как указание извне, от Бога (в дальнейшем – от бессознательного, от архетипов), хотя фактически он всего лишь оправдывает и обосновывает этот свой шаг. На правильность подобного понимания указывает и юнгеанская трактовка Бога. Бог для Юнга – это его собственная свобода, а позднее его любимая онтология (теория) – бессознательное. Поэтому Юнг с удовольствием подчиняется требованиям Бога, повелевающего стать свободным, следовать своему демону, отдаться бессознательному.

Итак, приходится признать, что Юнг приписал Богу то, что ему самому было нужно. Интерпретация мыслей Юнга, так же как затем и других проявлений бессознательного: сновидений, фантазий, мистических видений – представляет собой своеобразную превращенную форму самосознания личности Юнга. Превращенную потому, что понимается она неадекватно: не как самообоснование очередных шагов духовной эволюции Юнга, а как воздействие на него сторонних сил – Бога, бессознательного, архетипов.

Приведенная здесь вторая (наша собственная) интерпретация происшедшего с Юнгом может быть отнесена к другой, «несобытийной» трактовке истории. «Вместо событий – атомов традиционной истории, – пишет В.Вжосек, – предметом исследования новой истории стали социальные явления, последовательности и серии событий, повторяющиеся явления, процессы, устойчивые

структуры. Событие становится чем-то недостойным внимания, эфемеридой, блестящей безделушкой на поверхности истории. Эта оптика отодвигает в тень индивида как виновника происшествия... Последствием небрежения событийным видением мира становится отход от генетической обусловленности и, особенно, от субъективно-рациональной определенности явлений. Ее замечают системные связи и функциональная детерминация»⁹. Здесь становится понятным, что случай с Юнгом использован нами как модель для различения этих двух подходов; если он и представляет интерес для истории, то прежде всего для истории психологии или истории мышления.

С точки зрения Вжосека, основные закономерности и проблемы современной историографии характеризуются именно противостоянием событийного и несобытийного направлений, отходом во втором из них от непосредственной антропоморфизации истории, невозможностью совместить в исторических исследованиях методы обоих подходов и соответствующие образы человека. Сам Вжосек видит выход, с одной стороны, в переходе к анализу менталитета, с другой – в синтезе подходов, сочетающем индивидуальные и деиндивидуальные модели исторических процессов. «Ключевым, – пишет он, – представляется отношение таинственной диалектики, которая связует сознание личности с коллективным сознанием (которое, понятно, не является ни суммой, ни средней, ни демократическим большинством индивидуальных сознаний). Удачным полем для поиска решения этого вопроса представляется сфера, эластично – хотя несколько туманно – намеченная как область *mentalite'*, а, следовательно, антропологически понимаемая как мыслительная действительность культуры»¹⁰.

Представления Вжосека хорошо ложатся на историографический материал в разных областях исследования. Действительно, хотя исторические исследования в первой (событийной) традиции, вероятно, будут продолжаться еще долго, но методология таких исследований все больше подвергается критике. Во-первых, в свете современных знаний исторический процесс практически невозможно представить как состоящий из отдельных событий, связанных причинной зависимостью. В исторических изменениях мы сегодня выделяем разные уровни, факторы и процессы, к тому же одни факторы, как правило, действуют на фоне других. В ре-

зультате ни один из факторов не может быть понят как причина определенного изменения. Все чаще историки предпочитают говорить о предпосылках, условиях, среде, чем о причинах. Во-вторых, трактовка человека как причины исторических изменений, причем человека, так сказать, универсального, обладающего во все исторические времена одинаковыми фундаментальными психическими свойствами целеполагания, воления, рефлексии и т. д., ведет к появлению в историческом знании прямых парадоксов. Представители событийной традиции историографии приписывают историческим изменениям субъективную природу, а человека прошлых эпох наделяют свойствами современного специалиста.

Двухслойность исторической действительности

Понять произведения и творчество мыслителей нашей цивилизации можно только в том случае, если историк ведет параллельный анализ объективных условий и факторов, обуславливающих творчество этих мыслителей и собственно их творчество как субъектов и личностей. Например, анализируя творчество Э.Сведенборга, я показываю, что, с одной стороны, он был картезианцем, ученым, инженером, человеком своего времени; в этом смысле и мало чем отличался от людей своего круга, ученых и верующих конца XVII – первой половины XVIII вв. С другой стороны, в его жизни уникально сошлись наука и христианская вера, именно в его творчестве христианство было истолковано научно и лично¹¹.

Духовные произведения Сведенборга столько же результат функционирования культуры того времени, сколько и его индивидуальных поисков, размышлений и работы. Можно сказать и иначе: развитие культуры предполагает творчество отдельных индивидов, и наоборот, творчество личности невозможно вне культуры и ее обусловленностей. Хотя в объекте, т. е. в исторической действительности, обе «истории» разворачиваются одновременно, в своем анализе историк вынужден разделять их и запараллеливать (координировать). Именно здесь ему так необходимо ощущение целостности изучаемого объекта, который реально представлен в разных предметах и типах знаний. Реконструкция творчества Сведенборга

демонстрирует и другую закономерность – многопредметность современного исторического изучения. Так, в рамках исторического исследования мне пришлось обращаться к психологии творчества и личности, семиотике и культурологии.

Переход к многопредметному историческому изучению, разворачивающемуся сразу в двух планах, влечет за собой и новое видение исторической реальности. С каждым предметом и слоем связаны свои категории исторического изменения. Например, в культурологическом слое история мыслится как осуществляющаяся в виде (в форме) сменяющих друг друга культур. Культуры – это своеобразные устойчивые узлы и формы, в которых процессы эволюции и истории приобретают константный однородный характер. При гибели одной культуры и образовании следующей процессы эволюции и истории резко видоизменяются.

В связи с этим нужно различать три основных типа развития: эволюционное, межкультурное, историческое. Эволюционное развитие относится к отдельной культуре, межкультурное – к процессу, пронизывающему ряд сменяющих друг друга культур, историческое – к общему изменению и движению человеческого бытия. Например, христианский идеал (мировоззрение, образ жизни) развивался и совершенствовался главным образом внутри средневековой культуры, идеал римской империи, развиваясь, перешел из античной культуры в средневековую и в культуру Нового времени, так же, как и идеалы государственности и разделения труда. Наконец, общее изменение отношений между людьми – пример исторического типа развития: хотя взаимоотношения совершенствуются в каждой отдельной культуре, при смене культур они существенно меняются. Понятно, что категории эволюционного, межкультурного и исторического развития в свою очередь характеризуются определенными чертами. Так, эволюционное развитие обладает чертами обусловленности последующих состояний предыдущими, органичности, завершенности-незавершенности относительно основных ведущих характеристик культуры.

В слое анализа творчества личности (индивида) история – это «личная история» определенного человека (св. Августина, Юнга, Сведенборга, П.Флоренского и т. д.¹²), это уникальные ситуации его жизни, это кризисы развития, наконец, акты и процессы раз-

решения проблем и творчества. Все эти образования описываются на основе специфических понятий антропологии, психологии, семиотики и других современных гуманитарных дисциплин.

Итак, можно сказать, что изучение истории и ее понимание стремительно меняются. Все большее значение приобретают исторические реконструкции и трактовка истории как пространства версий, каждая из которых вероятна и ориентирована на разные задачи и социальные аудитории. Тем не менее не все версии истории равноценны с точки зрения научных критериев и принципов современной методологии. Все яснее в качестве объекта истории вырисовывается симбиоз культуры и личности, события их жизни, изменения и трансформации взаимоотношений между ними. В свете этого видения решение проблемы, которую я обсуждал в начале статьи, выглядит следующим образом.

Любой субъект может претендовать на роль исторического, но не у всех это получается. Сведенборг, как и Галилей, сначала решал свои научные и инженерные задачи. Одновременно старался правильно, по-картезиански понять Священное писание. Его творчество и уникальная личность обусловили схождение в его сознании и работах научного и религиозного мироощущений, которые оказались созвучны времени, отвечали на его вызовы. Противоречия с традицией заставили Сведенборга осознать себя историческим субъектом и сменить занятия. Ретроспективно же духовные поиски и произведения этого ученого выглядели так, как будто он проник в замысел истории, знал «ближайшую ступень в развитии мира».

Но есть и другой случай, когда личность, поймав направление «исторического ветра», не только «ставит паруса», но и увлекает этот ветер за собой, правда, временно. Не так ли всегда действуют тираны? Анализ социалистической революции в России дает здесь интересный материал, позволяющий понять важную роль в истории и становлении культуры отдельной личности и профессиональных сообществ. Читая роман-исследование Э.Радзинского «Сталин» (1997), поражаешься цинизму социалистических вождей и начинаешь понимать тактику Сталина. Сначала он делает ставку на партию в лице «ленинской гвардии», поскольку это сообщество профессиональных революционеров было воодушевлено социалистическими идеями и одновременно свободно от всяких этических соображений и переживаний. И расчет оказался верен: с помощью

этого сверхпассионарного сообщества Сталин «взнуздal» другие, а те слои общества и популяции, которые сопротивлялись, были уничтожены физически. Затем, когда вождь заметил, что ленинская гвардия переродилась, он решил ее заменить, уничтожив в свою очередь¹³.

Общество как субъект истории.

Личность как субъект истории часто действует на социальном поле, которое образуют профессиональные сообщества. В свою очередь эти сообщества являются составляющими более сложного социального образования – собственно общества. В его рамках человек выступает в особой ипостаси: он не только социальный индивид, исполняющий определенные социальные роли, а в особых критических для общества ситуациях проявляет себя как носитель всей социальности. Когда в «Политике» Аристотель пишет, что человек по своей природе есть существо общественное и политическое, он, по сути, говорит о том же. Чтобы пояснить это второе понимание человека, рассмотрим сначала одну иллюстрацию.

Образованию в XV в. империи ацтеков предшествовала следующая история. В начале XV в. мекрики жили в небольшом государстве. После избрания королем Итцкоатла, около 1424 г., они оказались перед трагическим выбором: или признать власть Максила, тирана соседнего государства, или начать против него войну. Перед угрозой уничтожения король и мекриканские господа решили полностью подчиниться тирану, говоря, что лучше отдаться всем в руки Максила, чтобы он сделал с ними все, что пожелает, а быть может, Максил их простит и сохранит им жизнь. Именно тогда слово взял принц Тлакаэлель и сказал: «Что же это такое, мекриканцы? Что вы делаете? Вы потеряли рассудок! Неужели мы так трусливы, что должны отдаться жителям Ацкапутцалко? Король, обратитесь к народу, найдите способ для защиты нашей чести, не отдадим себя так позорно нашим врагам».

Воодушивив короля и народ, принц Тлакаэлель получил в свою власть управление армией, укрепил и организовал ее, повел на врага и разбил тирана. Став после победы ближайшим советником короля и опираясь на мекриканских господ, Тлакаэлель

начал ряд реформ. Сначала он осуществил идеологическую и религиозную реформу. Тлакаэлель приказал сжечь кодексы и книги побежденных текпанеков и самих мексиканцев, потому что в них народу ацтеков не придавалось никакого значения; параллельно были созданы новые версии истории и веры ацтеков, где этот народ объявлялся избранным, он должен был спасти мир, подчиняя для этой цели другие народы, чтобы питать кровью захваченных пленников Бога-Солнце. Подобно тому, как Тлакаэлель провел реформы в идеях и в религиозном культе, он преобразовал, как об этом говорит «История» Дурана, юридические нормы, службу царского дома, армию, организацию почтеков (торговцев) и даже создал ботанический сад в Оахтепеке¹⁴.

Проинтерпретируем этот случай. Король и мексиканские господа образуют своеобразное общество: на собрании вопрос о судьбе страны они решали вне рамок государственных институтов, это было именно общественное собрание, где важно было убедить других: короля, жрецов, господ, народ – это все различные общественные образования, субъекты, склонить их к определенному решению и поступку. Но дальше формируется консолидированный субъект – король и принц Тлакаэлель, возглавившие мексиканских господ и армию и организовавшие поход против тирана. При этом важно, что социальное действие осуществляется уже в рамках и с помощью социальных институтов – армии и жрецов. Соответственно и реформы идут с помощью и в рамках социальных институтов. Поясним теперь, что мы понимаем под социальными институтами, обществом и консолидированным субъектом.

Общество состоит из «общественных образований» (например, сообществ, партий, союзов, групп, отдельных влиятельных личностей и т. д.), которые обладают способностью вести борьбу, формулировать самостоятельные цели, осуществлять движение по их реализации, осознавать свои действия. Общество образует некую целостность, обладает своеобразным сознанием, создает поле и давление, в рамках которых действуют общественные образования и социальные субъекты. В отличие от обществ культуры древнего мира гражданское общество, вероятно, складывается в следующей культуре – античной. Именно здесь формируется личность, т. е. человек, переходящий к самостоятельному поведению, создающий индивидуальный, не совпадающий с общественным

культурный сценарий и картину мира, и на ее основе отдельные группы, союзы, сообщества, партии, преследующие самостоятельные цели. Имея общий «плацдарм жизни» и социальные ресурсы, общественные образования взаимодействуют друг с другом, пытаются склонить других участников общественного процесса к нужным для себя результатам. В результате этого политического процесса и складываются общественное мнение и решения.

Если говорить об обществе в теоретической плоскости, то можно выделить следующие его характеристики. Общество имеет два основных режима – *активный* и *пассивный*. В пассивном обществе «спит» в том смысле, что, поскольку социуму ничего не угрожает, общество бездействует, кажется, что такой реальности нет вообще. Но в ситуации кризиса социума, его «заболевания» общество просыпается, становится активным, начинает определять отношение человека культуры к различным социальным реалиям и процессам.

Следующая характеристика – наличие у представителей культуры представления о *взаимозависимости*, а также *социальном устройстве*, понимаемых, конечно, в соответствии с культурными и индивидуальными возможностями сознания отдельного человека. Каждый человек культуры в той или иной степени, кто больше, кто меньше, понимает, что он зависим от других, что культурная жизнь предполагает совместную деятельность, подчинение, взаимопомощь, что все эти отношения обеспечиваются общественными институтами (соответствующий аспект, план сознания назовем «общественным»).

Третья характеристика – *общение*. В ситуациях кризиса или заболевания социума люди переходят к общению, то есть собираются вместе вне рамок социальных институтов и – главное – *пытаются повлиять на общественное сознание друг друга с целью его изменения*. Результатом эффективного общения, как правило, является *сдвиг, трансформация* общественного сознания: новое видение и понимание, другое состояние духа – воодушевление, уверенность, уныние и т. п., что в дальнейшем является необходимым условием перестройки социально значимого поведения. В этом смысле общество напряжено (структурировано) силовыми линиями поля социума, куда всегда возвращаются общающиеся, чтобы продолжать функционирование в соответствующих инсти-

тутах. Но одновременно само общество есть своеобразное поле, силовые линии и напряженности которого задаются текущим взаимодействием (общением) всех участников, которые «здесь и сейчас» сошлись на общественном подиуме.

Вернемся теперь к вопросу о том, как в рамках общества мы рассматриваем человека (людей). Он уже не субстрат культуры, а **потенциальный носитель всей социальности**, а также **будущего социального устройства**. Именно его активность, направленность и взаимодействие в рамках общества определяют возможную в перспективе структуру культуры, возможную в том смысле, что новая культура состоится (при этом возможность перейдет в действительность), если имеют место и другие необходимые для формирования культуры предпосылки: семиотические, ресурсные и пр. Такой человек – назовем его «*латентной личностью*» – является самостоятельным социальным организмом, живущим, однако, и это существенно, в лоне культуры.

Сообщества. На стыке общества с другими подсистемами жизнеобеспечения культуры расположены сообщества. Примером их являются профессиональные сословные сообщества древнего мира, средневековые цеховые объединения кузнецов, ткачей, оружейников и пр., рыцарские или масонские ордена; в современной культуре – клубы, публика в широком смысле, сообщества, для членов которых характерны сходные интересы или условия жизни, общественные союзы, наконец, партии. С одной стороны, сообщество – это фрагмент общества, действующий по той же логике, как и общество. С другой – оно может быть организованным и функционально нагруженным подобно другим системам жизнеобеспечения культуры. Так, сообщества предоставляют своим членам возможность общения, в результате которого могут произойти сдвиги и трансформация сознания, но одновременно они – это, как правило, в той или иной степени организованные и институционализированные формы социальной жизни. За счет такого двойного статуса сообщества в отличие от общества, активного лишь эпизодически, могут действовать на постоянной основе, подготавливая условия для будущих социальных изменений.

Становление сообществ может происходить не только путем самоорганизации, но и внешней организации. Один из последних ярких примеров – разработка политтехнологом Глебом Павловским

проекта партии власти. Создавая «Единую Россию», Павловский, со товарищи, исходили из предположения (убеждения), что общество устало от беспредела и слабой власти, а Путин кажется людям фигурой, способной навести порядок, укрепить власть и сделать многое другое. Павловский был твердо уверен, что правильно организованная в СМИ пропаганда и выборы заставят большинство общества проголосовать за новую партию. И он не ошибся. Однако это не означает, что возникшее сообщество – чисто искусственное образование. В российской культуре действительно был значительный слой населения («потенциальное сообщество»), для которого были характерны спрогнозированные Павловским переживания и надежды.

Судя по историческому материалу, впервые сообщества появились в культуре древних царств. Вот примерно как это происходило. Только на первом этапе становления культуры древних царств на социальном поле выступали и боролись за власть две силы – царь (фараон) и жрецы. В дальнейшем сложились различные профессиональные сообщества (частный случай – сословия), которые тоже вступили в эту борьбу. Речь идет о формировании профессионального объединения людей, занимающихся войной, управлением (руководством), земледелием, производством вещей и пр. В качестве иллюстрации можно привести Среднее царство в Египте. «Все должности наследственны. Могущественное наследственное дворянство (*выросшее из исполнителей воли царя, сегодня мы бы сказали чиновников. – В.Р.*) правит страной. Фараон, несмотря на прежние звучные титулы, лишь глава этого сословия. Место регулярной армии заняла дружина: фараона, князей-номархов или других знатных должностных лиц. Наследственные дружинники образуют военный класс (*я предпочитаю говорить не класс, а, чтобы освободиться от идеологических клише, “профессиональное сообщество”.* – В.Р.). Крепостное крестьянство сидит на земле, которую оно обрабатывает для своих господ. Наряду с дворянством могущественное жречество, тоже феодальное, с собственными храмовыми казной и войском»¹⁵.

Появление профессиональных сообществ было связано, с одной стороны, с разделением труда и формированием «мегамашин», т.е. больших коллективов с жестким вертикальным управлением, с другой – с необходимостью сохранять социальный по-

рядок, раз и навсегда заданный базисными культурными сценариями. Проще всего обе эти задачи решались в ходе формирования сословного общества. В свою очередь появление профессиональных сообществ вело к перераспределению власти: она делилась между всеми участниками социального процесса, но, конечно, неравномерно. Скажем, в Древнем царстве власть фараона была не сравнима ни с чем. В Среднем царстве сложилось относительное равновесие всех основных властных сил и субъектов: царя, жрецов, знати, за которой стояли различные профессиональные сообщества. В первую половину Нового царства резко возвысились жрецы, а остальные сословия в плане властного потенциала почти сошли со сцены; зато во вторую половину цари в борьбе со жрецами восстановили равновесие, воспользовавшись для этого силой войск, составленных из чужеземных наемников. Но в результате наемники начинают сами претендовать на власть в Египте. Эта борьба за власть оказалась губительной для страны. «Жречество вступает в борьбу с наемниками, на которых опирались обессилевшие фараоны. На мгновение жрецы побеждают, и первосвященник Амона-Ра на престоле фараонов; но духовенство оказалось не в силах удержать власть в своих руках; Египет распадается на отдельные княжества; с юга нападают и покоряют его эфиопы, с северо-востока ассирийцы»¹⁶.

Из всего этого можно сделать вывод, что не только власть, но и профессиональные сообщества играют большую роль в истории. Чтобы утвердиться в этом предположении, рассмотрим еще два случая: становление античного общества и разрешение в Средние века конфликта светской и церковной власти.

Пример влияния общества на процесс становления античной культуры. Складывающаяся в VI–IV вв. до н. э. античная личность «потянула» за собой и формирование ряда социальных субъектов; на их основе дальше формируются профессиональные сообщества. Так, в суде над Сократом участвуют по меньшей мере четыре разные группы: партия противников Сократа, партия его защитников и учеников, колеблющееся «болото», наконец, исполнительная власть, включающая судей. Социальные субъекты вырабатывали самостоятельные цели, действовали согласованно на политической сцене, пытались навязать остальным членам общества свое видение мира, понимание целей и способов их достижения.

Из той же «Апологии» можно понять, что собой представляло античное общество. Оно состояло из социальных субъектов и других граждан античного полиса, сходящихся на публичной сцене – суде, собрании, на площади города и т. д., где каждый мог высказать свое мнение и попытаться повлиять на других. В результате складывалось общественное мнение, принимались коллективные решения, исполнение которых поручалось уже властям. Общество – это и не самостоятельный субъект, но лишь отчасти, поскольку обладает своеобразным сознанием, может формулировать цели и реализовывать их. Общество структурируется «здесь и сейчас» в ходе общения, но имеет также и постоянную основу: его члены связаны «слабыми взаимодействиями»; к их числу относятся общие условия жизни, принадлежность к единому этносу, разделяемые всеми культурные реалии.

Известно, что античную культуру образовывали отдельные общества, для которых была характерна полисная социальная организации. Как правило, природные условия (горная местность, водные преграды) и этнокультурные особенности способствовали, с одной стороны, независимости античных городов-государств, с другой стороны, когда им приходилось действовать согласованно (например, против персов), они могли договариваться и идти на компромиссы. Последняя черта национального характера проявлялась и внутри самих обществ: в них сосуществовали иногда мирно, но чаще в борьбе отдельные сообщества.

Например, еще в царский период римской истории сложились федерация тридцати латинских городов, практика общих собраний и голосований римской общины («римский народ квиритов»), расслоение общины на три социальные группы (сообщества) – патрициев, клиентов и плебеев, причем хотя первое место в управлении (власти) было за патрициями, последние вынуждены были считаться и договариваться с плебсом, поскольку те составляли ядро римской армии и в случае неудовлетворения их требований грозили отказом от военной службы. Влияние римского общества было столь значительно, что, когда его конфликт с царями достиг апогея, царская власть была упразднена. Древние историки изображают последнего римского царя Тарквиния честолюбивым тираном, который не уважал римское общество, не созывал сената, обложил народ невыносимыми повинностями

и налогами. В конце концов выведенные из терпения граждане в 509 г. до н. э. возмутились, подняли восстание и изгнали ненавистного царя¹⁷.

Приведу еще один яркий эпизод из ранней республиканской истории Рима, описанный в VII книге «Истории» Тита Ливия, который демонстрирует роль античного общества как главного субъекта власти и политических взаимоотношений с другими обществами. В период объединения Италии под гегемонией Рима независимая Кампания (главный город Капуя) столкнулась с сильной федерацией самнитских племен. Боясь порабощения, кампанцы обратились за помощью к Риму. «Велико было желание приобрести Капую, – пишет Сергеев, пересказывая Тита Ливия, – но велик был также и риск потерпеть поражение. Самнитское войско считалось лучшим войском в Италии, римская же федерация тогда была неустойчива и мало надежна... Сперва взяло верх мнение умеренного большинства сената, не отказавшегося от протектората над кампанцами, но и не желавшего открытого разрыва с самнитами... При такой нерешительности собрания кампанцам пришлось пустить в ход всю силу своего красноречия, обещаний и угроз. Глава кампанской делегации рисовал помощь римлян кампанцам как дело высокого нравственного долга перед людьми и богами... он сказал: “Так как вы не хотите законно защищать нашего достоинства силой против насилия и обиды, то свое достоинство вы во всяком случае будете защищать: мы сдаем в вашу власть, сенаторы, и во власть римского народа кампанский народ, город Капую, поля, холмы богов и все, что принадлежит богам и людям. Что бы затем ни случилось с ними, будет означать, что это случилось с вашими подданными”. При этих словах все они, стоя в преддверии курии, пали на колени, простирая руки к консулам и проливая слезы.

Аргументация кампанцев произвела впечатление на сенат и дала перевес сторонникам войны. Сенат высказался за активное вмешательство в дела Кампании... Решение сената тем более понятно, что на помощь Рима более всего рассчитывала капунская олигархия, так называемые всадники, находившиеся в жестокой вражде с капунским плебсом. Для римских патрициев война, таким образом, приобретала двойной смысл: 1) захват плодородной и богатой страны и 2) подавление мятежных элементов. В качестве идеологического оправдания был выдвинут высокий нравствен-

ный мотив (*honor*) – необходимость оказывать помощь тем, кто, ища защиты, добровольно становится под покровительство римских законов»¹⁸.

Этот эпизод замечателен во многих отношениях. Во-первых, мы видим, что в ситуации кризиса, близкой к катастрофе (ведь Рим мог проиграть войну и тогда сам стал бы жертвой самнитов), последнее слово остается за обществом. Во-вторых, общество – это именно общение, но также и политика. Действительно, делегация кампанцев уговаривает и соблазняет сенат, одни партии сената убеждают другие, все апеллируют к богам, чести (*honor*), справедливости, народу. С одной стороны, в результате общения коллективное сознание сената определенным образом структурируется, складывается мнение взять под свое начало Кампанию и в случае необходимости начать войну с самнитами, с другой – в плане рациональных действий это структурирование означает выработку политического решения. В-третьих, необходимость политических действий диктуется двумя основными обстоятельствами: наличием многих сообществ (кампанцы, сенат, всадники, патриции, плебс), каждое из которых действует самостоятельно, и необходимостью опереться в своих действиях на институциональные и символические структуры (богов, народ, сенат, честь, справедливость), иначе убедить других невозможно.

Разрешение в Средние века конфликта светской и церковной власти. В Европе этого периода отчасти повторилась история, которая имела место значительно раньше в культуре древних царств, а именно: базисный культурный сценарий позволял претендовать на высшую власть двум социальным институтам – христианской церкви и светской власти в лице королей, императоров, баронов. С одной стороны, именно папа и кардиналы выступали посредниками между христианами и Творцом, представляли Всевышнего на земле, с другой – короли и императоры Западной Европы в VI–XI вв. считались «Христовыми заместителями», сакральными фигурами, религиозными вождями своего народа; благодаря помазанию в особенности император воспринимался как высший духовный руководитель всех христиан, которого не смел судить ни один человек, но который сам судил всех людей и отвечал за них на Страшном суде¹⁹. Более того, в этот период под властью королей, императоров и крупных феодалов находились западное

христианское духовенство и большая часть церковной собственности. Светские власти не только «контролировали земли и доходы церкви, но и назначали на должности епархиальных архиреев и других находившихся на их земле угодных им лиц часто из числа близких родственников. Эта власть раздавать церковные должности (бенефиции) часто оказывалась весьма прибыльной, так как этим должностям сопутствовала обязанность получать доходы и службы с земельных владений при них»²⁰.

Ситуация стала быстро меняться в X и начале XI в., когда началось движение за объединение множества существовавших самостоятельно монастырей и приходов, а также борьба за очищение церкви от феодальных и местных влияний и неизбежно сопутствующей им коррупции. Но еще во второй половине IX в. папа Николай I пытался утвердить власть не только над архиепископами и епископами, но и над императорами, заявив, что короли не имеют права судить священников и что священники не подлежат юрисдикции королей; впрочем, тогда эта декларация не изменила положения дел. Инициатором нового движения выступило аббатство Клуни, сумевшее создать и объединить более тысячи монастырей, которые все управлялись приорами под юрисдикцией аббата Клуни Одилона. Он же выступил инициатором церковного движения за «Мир Господний», направленного против войн и насилия, что способствовало существенному поднятию авторитета христианской церкви.

Объединение приходов и монастырей и других церковных сообществ и организаций позволило папам объявить войну светской власти. Начал ее папа Григорий VII, провозгласивший юридическое верховенство папы над всеми христианами и светскими властями, а чтобы его слова не расходились с делом, он тут же низложил императора Генриха IV. Одновременно Григорий VII приступил к реформированию и самой церкви, например, он «приказал всем христианам бойкотировать священников, живших в браке или внебрачном сожительстве, и не принимать их услуг в отношении таинств»²¹. Поскольку христианская церковь не имела собственной армии, свои претензии на верховную власть она пыталась утвердить, в частности, на основе права. В 1075 г. папа Григорий VII, «заглянув в собственную грудь», написал документ под названием «*Dictates Papae*» (Диктаты папы), из которого имеет смысл привести несколько положений:

- «1. Римская церковь основана одним только Господом.
- 2. Римский епископ один по праву зовется вселенским.
- 3. Он один имеет право низлагать и восстанавливать епископов. <...>
- 7. Ему одному позволено создавать новые законы в соответствии с нуждами времени. <...>
- 9. Одному лишь папе все князья должны целовать ноги. <...>
- 11. Он может низлагать императоров. <...>
- 18. Никакой его приговор не может быть никем отменен, и только он один может отменять любые»²².

Начался затяжной конфликт светских властей с церковными, не ограничившийся одними письмами: в ход пошло оружие, проклятия, отлучение от церкви. Например, Иоанн Солсберийский в трактате «*Norman Anonymous*», направленным против партии папы, пишет, что и «королевское достоинство Христа, и его святость прямо передаются королям через коронацию. Как викарий есть наместник Христа, король сам божественен и является священником своего народа. Он даже может совершать таинства после коронации – такова традиция в Византии, у франков и англосаксов – император или король входил в алтарь и готовил хлеб и вино для своего собственного причащения. Король также благодетель и спаситель своего народа, поэтому он может прощать грехи»²³.

Успех в борьбе пап с королями попеременно был то на одной стороне, то на другой, поскольку обе партии имели своих многочисленных сторонников, которые, однако, сами часто меняли свои взгляды, ведь и христианская церковь представляла собой тело Христово, но и светская власть была сакральна. «В итоге ни папам, ни императорам не удалось настоять на своих изначальных притязаниях. По Вормскому конкордату 1122 г. император гарантировал, что епископы и аббаты будут свободно избираться одной лишь церковью, и отказался от присвоения им духовных символов кольца и посоха. Со своей стороны папа согласился на право императора присутствовать на выборах и вмешиваться там, где возникал спор»²⁴. За этим первым шагом последовали и другие, в ходе которых церковь и светская власть постепенно разграничивали компетенции и определяли границы собственных институтов. Другой важный результат – формирование канонического права и по его образцу права светского государства.

Стоит учесть и особенности самого средневекового общества. Оно состояло из многих сообществ (племенных союзов, дворов королей и других крупных феодалов, христиан-монахов,

мирян, связанных феодальными отношениями, горожан и т. д.), каждое из которых отстаивало свою самостоятельность. Средневековое общество было обществом равных, перед Богом, а также отчасти в силу договорных отношений. Это общество признавало разных социальных субъектов: церковь, светские власти, города, цеха и т. д. Потому и не могли в рассмотренном конфликте победить ни церковь, ни светские власти, что средневековое общество было обществом многих равных перед Богом, обществом, не мыслящим деспотизм в качестве нормы социальности. По сути, начиная с XI–XII вв., средневековое общество пытается **конституировать себя на основе права** и механизмов, напоминающих собой демократические.

Образцом при этом выступала христианская церковь. Так, несмотря на единовластие папы, сам он избирался кардиналами, в свою очередь епископ избирался соборным капитулом, т.е. канониками и другими клириками, аббат избирался монахами монастыря. «Хотя законодательство было прерогативой пап, они все же в XII–XIII вв. чувствовали потребность в периодическом созыве вселенских соборов, чтобы те помогали им в законодательном процессе. Это и были первые законодательные собрания Европы»²⁵. В формировании подобного общества колоссальную роль сыграли монастыри, университеты, средневековая философия и теология.

Таким образом, рассматривая влияние личности на историю, нужно понимать, что личность – это не одинокий Робинзон. Она складывается в культуре и обусловлена ее социальными практиками²⁶, через личность действует общество и идут культурные новации. В истории мы имеем дело с подлинной диалектикой взаимоотношений культуры (социума) и личности. Если последняя выслушивает и улавливает время и современность, она может стать историческим субъектом и даже на время «оседлать» историю. Но рано или поздно «скакун» сбрасывает «наездника». Выслушать время – это значит не просто реализовать себя, но и быть активной, творческой личностью, решать современные задачи и проблемы, отвечать на вызовы времени. Хотя никто не знает хода истории и ближайшие ступени в развитии мира, креативные исторические субъекты действуют так, как будто они это знают (психологически они уверены, что знают). И лишь при этом условии кому-то из них удается попасть в точку.

Примечания

- ¹ Гегель Г.В.Ф. *Философия истории*. М.–Л., 1935. С. 29–30.
- ² Гадамер Х.С. *Истина и метод*. М., 1988. С. 437.
- ³ Панарин А.С. *Субъект исторический* // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2001.
- ⁴ Юнг К. *Воспоминания, сновидения, размышления*. Киев, 1994. С. 46.
- ⁵ Там же. С. 50.
- ⁶ Там же. С. 16.
- ⁷ Вжосек В. *Метаморфозы метафор. Неклассическая историография в кругу эпистемологии истории* // *Вопр. методологии*. 1995. № 1–2. С. 87.
- ⁸ Юнг К. *Указ. соч.* С. 64.
- ⁹ Вжосек В. *Указ. соч.* С. 95.
- ¹⁰ Там же. С. 98.
- ¹¹ Розин В.М. *Демаркация науки и религии. Анализ учения и творчества Эмануэла Сведенборга*. М., 2007.
- ¹² Розин В.М. *Мышление и творчество*. М., 2006.
- ¹³ Радзинский Э. *Сталин*. М., 1997.
- ¹⁴ Леон-Портилья М. *Философия нагуа*. М., 1961. С. 266–275.
- ¹⁵ Эртель М.А. *Древний Восток* // *Очерки всеобщей истории*. М., 1905. С. 19.
- ¹⁶ Там же. С. 22.
- ¹⁷ Сергеев В.С. *Очерки по истории древнего Рима*. М., 1938. С. 47.
- ¹⁸ Там же. Стр. 63–64.
- ¹⁹ Берман Г.Дж. *Западная традиция права: эпоха формирования*. М., 1998. С. 96.
- ²⁰ Там же. С. 96.
- ²¹ Там же. С. 102.
- ²² Там же. С. 102–103.
- ²³ Там же. С. 264–265.
- ²⁴ Там же. С. 104.
- ²⁵ Там же. С. 203.
- ²⁶ Розин В. *Античная культура. Этюды-исследования*. М.–Воронеж, 2005.

К проблеме архаической компоненты в сознании индивида

Представление о том, что культура и сознание индивида являются «многослойными», стадияльно гетерогенными, т. е. хранят и поддерживают готовыми к действию все временные пласты, начиная с древнейших, в наши дни, пожалуй, вряд ли можно считать дискуссионным. Напротив, именно «филогенетическая память» культуры и индивида как ее субъекта стала привлекать все большее внимание представителей самых разных дисциплин, круг которых неуклонно расширяется. Помимо психологии/психиатрии, где уже давно были осуществлены революционные прорывы в данном направлении, а также исторической психологии, исторической антропологии, психологической антропологии, значимость различных аспектов этой проблемы отчетливо осознается в теории цивилизаций и культурологии, философии, синергетике, эволюционной эпистемологии и др.¹

Сейчас это направление исследований получает дополнительный и весьма мощный импульс благодаря формирующемуся в постнеклассической науке представлению о «становящемся», «трансдисциплинарном», «диалоговом» субъекте, субъекте с «сетевым мышлением», который осознает себя в «интертекстуальном метаконтексте многообразных междисциплинарных и кросскультурных коммуникативных практик»². Проблема соотношения, динамического взаимодействия, согласования или рассогласования различных культурных пластов и соответствующих им программ, определяющих внутренний мир и поведение индивида, можно

рассматривать как один из аспектов сложной и многогранной задачи «сборки» субъекта, которая противостоит постмодернистской концепции децентрированной, «ризомной» личности.

Весьма характерно, что повышенный интерес к глубинным пластам ментальности – «темницам долгого времени», к дорациональным и внерациональным способам познания, древнейшим, генетически запрограммированным паттернам поведения и восприятия мира сопровождается пересмотром традиционных, устоявшихся эволюционных концепций, в частности, переоценкой роли регрессов, стагнаций, «возвратов» старых форм в социокультурной динамике³. Очевидно, такое совпадение вполне закономерно в ситуации смены научной парадигмы, формирования постнеклассической картины мира, преодолевающей механистичность и гиперрационализм ньютоновско-картезианской конструкции, и разработки новых познавательных моделей (термин А.П.Огурцова), в том числе концепции самоорганизации нелинейных открытых систем, благодаря которой существенно усложняется и становится более объемным представление о механизмах, поддерживающих их функционирование, самовоспроизводство и развитие.

И, наконец, на другом полюсе культурного пространства – в области массовой культуры и массового сознания – активно идут процессы ремифологизации, переживает свою кульминацию «магический ренессанс», наглядно демонстрируя актуальность «археологического наследия», которое несут в себе и культура, и человек.

Тем не менее инерция преодолевается с трудом: прогрессистские стереотипы в теориях социокультурной динамики изживаются столь же медленно и непоследовательно, как реализуются попытки перевести философский дискурс в режим диалога с «иными» способами познания мира⁴. Такая же инерция присутствует, как правило, в исследованиях, посвященных субъекту, который по-прежнему предстает преимущественно как некий абстрактный человек, лишенный культурно-исторической почвы, или оказывается полностью детерминированным только нормативами «своей», современной ему культуры. Помимо этого, дополнительные трудности, безусловно, создает и тот факт, что на сегодняшний день функциональная значимость «прорывов» глубинных пластов

культуры и на микро-, и на макроуровнях еще должным образом не отрефлексирована, несмотря на огромный накопленный фактический материал, разбросанный по разным дисциплинам.

Всегда ли этот процесс снятия позднейших культурных наслоений является регрессивным? Каковы его результаты? Очевидно, это первый и самый главный вопрос, который следует задать, обращаясь к данной теме, вполне заслуживающей, на наш взгляд, специального исследования, поскольку это – один из путей, которые дают возможность реализовать подход к субъекту и обществу как сложным самоорганизующимся системам. В этой статье, не претендующей, разумеется, на решение столь сложной задачи, мы ставим цель провести предварительную типологизацию древнейших, восходящих к доцивилизационному периоду социокультурных программ и выявить некоторые, наиболее важные, на наш взгляд, функции, которые имела их актуализация на следующих этапах исторического развития. Следует заметить, что большинство таких базовых программ, которые составляли основу древнейшей, архаической или мифоритуальной (эколого-генетической, согласно А.Я.Флиеру⁵) социокультурной системы, находятся на стыке природного и культурного, сохраняют биологическую компоненту, которая придает им особую витальную силу. Преобладающая их роль на этом этапе вполне закономерна: первая в истории человечества социокультурная система «прорастала» через природный мир, создавая и накапливая культурный и социальный опыт непосредственно в процессе своего длительного формирования, т. е. в отличие от всех последующих систем не имела социокультурной базы. Данный факт известен настолько хорошо, что упоминание о нем может показаться излишним, однако это несколько не умаляет его значимости, возможно, еще не полностью осознанной и оцененной с точки зрения последствий для культурно-исторического процесса. Базовые программы, являясь структурами «большой длительности», разумеется, трансформировались под влиянием динамично меняющегося исторического контекста и взаимодействия с другими, более поздними по происхождению программами. Тем не менее они сохраняют некое относительно неизменное «ядро» и не могут быть, как показывает исторический опыт, полностью элиминированы из сознания индивида и культурной памяти общества.

Обращаясь к проблеме архаического субстрата в сознании субъекта и форм его активизации, мы будем руководствоваться одной из аксиом культурологии: в культуре и обществе не может быть ничего такого, чего не было бы в человеке. Дабы избежать возможных упреков в редуционизме, следует сразу оговориться, что мы не пытаемся вывести феномены культуры непосредственно из психики, поскольку две эти области отнюдь не равнозначны, не сводимы друг к другу. Вместе с тем в обществе переход древнейших культурных пластов из латентного состояния в активное и проявленное невозможен без активизации архаического субстрата в сознании человека, хотя содержание этого субстрата и формы архаизации индивида сами по себе не могут или могут лишь отчасти объяснить причины и глубину «откатов» в социокультурной жизни. Лишь в некоторой степени отражаясь на процессах, протекающих в социуме, они представляют тем не менее их исходный пункт, потенциальную возможность для их разворачивания, позволяя выявить трудноуловимую сопряженность микро- и макропроцессов. И еще одно необходимое замечание: мы не будем рассматривать случаи, когда архаизация индивида имеет ситуативный характер или ведет к грубым, патологическим девиациям, но сконцентрируем внимание на тех вариантах, которые являются социокультурно обусловленными и выполняют определенные, нередко весьма важные социокультурные функции. И вопрос о том, почему культура допускает такие, в общем, опасные освобождения от самой себя, естественно, должен стоять в центре.

По глубине регресса, по степени возвращения к изначальному состоянию, сбрасывания культурных напластований на первое место, несомненно, следует поставить измененные состояния сознания (ИСС), которые в последнее время стали объектом междисциплинарных исследований⁶. Установлено, что наиболее глубокие ИСС сопровождаются впечатляющей онто- и филогенетической регрессией, возвратом к так называемым «архаичным», раннедетским формам организации сознания, активизацией структур коллективного бессознательного за счет временной дезинтеграции нейродинамической системы, характерной для обычного состояния сознания⁷. По ряду показателей когнитивные режимы при этом приобретают определенное сходство с некоторыми характеристиками архаического мифоритуального мышления или,

по крайней мере, корреспондируют с ними в результате значительной редукции логико-дискурсивного мышления. К их числу можно отнести образность и метафоричность, панпсихизм, стирание субъект-объектных границ, стирание причинно-следственных связей и способность воспринимать связи когерентные; ощущение холистической сопричастности всего со всем и себя с универсумом; частичную или полную (в состоянии одержимости) дезинтеграцию субъектного «Я»; доминирование симультанно-целостных, гештальтных когнитивных паттернов; диффузность – взаимопроникновение друг в друга смысловых комплексов. Разумеется, речь идет не о возвращении к архаическому мышлению на той или иной его стадии, а лишь о совпадении отдельных элементов когнитивной деятельности в ИСС, которые, кстати, далеко не всегда проявляются все вместе и с одинаковой интенсивностью, и отдельных элементов мифоритуального мышления, которые являются важнейшими его составляющими, однако не исчерпывают его полностью. Иначе говоря, способ мышления в ИСС не сводится только к вышеперечисленным характеристикам. И равным образом арифметическая сумма тех элементов, которые современные исследователи выделяют в мифоритуальном мышлении, ни в коей мере не воспроизводит это мышление как некую целостность. Тем не менее степень регресса в данном случае так велика, что это дает веские основания определять ИСС как способ «бегства от культуры».

Действительно, предельная точка ИСС дает максимально возможное приближение к базовому, исходному для человеческой психики «непротиворечиво-континуальному состоянию», по сути своей до-культурному или вне-культурному, в котором размываются границы смысловых структур, снимаются онтологические противоречия, восстанавливается утраченная эмпатическая связь с миром⁸. Это состояние, которое на определенном этапе стало интерпретироваться как экстатическое *unio mystica*, в наибольшей степени воплощало архаизующий тренд психической деятельности человека, причем потребность в экстатическом растворении «всего со всем» ощущалась острее по мере удаления от этого состояния. В этом плане ИСС представляют собой одну из тех «антропологических универсалий», которые не могут быть устранены или изжиты полностью даже в ситуации доминирования рационального, логико-дискурсивного мышления. Поэтому поиски тех или иных

способов «выпадения» в ИСС или попытки использовать их заменители прослеживаются в разных обществах на протяжении всей истории, вплоть до сегодняшнего дня, образуя специфическую тенденцию – прерывистую и вместе с тем устойчивую. Разумеется, и в ИСС освобождение от культуры и субъектности, развитие которых составляет доминанту исторического процесса, не является абсолютным. Символическое наполнение переживаний всегда в большей или меньшей степени корреспондирует с культурным контекстом, а может и целенаправленно моделироваться, программируя субъекта на воспроизведение культурных символов, характерных и желательных для данного общества. Более того, ИСС создают большие возможности для интериоризации культурных смыслов, играя роль проводника, транслирующего их из области внешней во внутренний мир индивида. Тем не менее возможности для выхода за пределы культуры и ее нормативов достаточно велики, поэтому эти состояния в принципе представляют, пожалуй, наибольшую угрозу для культуры и общества. И все-таки характерно, что отношение к ним было и остается весьма двойственным, хотя тенденция к их вытеснению преобладала⁹.

Наиболее приемлемой и даже востребованной в социальном отношении была ситуация, при которой ИСС выполняли свою основную функцию общения с трансцендентным и одновременно служили средством социализации и инкультурации, причем в рамках всего общества. Это возможно только при условии жесткого культурного моделирования, осуществляемого в массовых масштабах, что неизбежно приводит к стандартизации символического содержания ИСС и максимальному снижению индивидуальных трактовок полученного опыта. Тогда «бегство от культуры», в любом случае относительное, оказывается иллюзией, парадоксальным образом ставится на службу обществу и культуре, используется в прагматических целях. ИСС в этой ситуации играют социорегулятивную роль, превращаясь в одну из вполне эффективных социальных практик: именно это происходило в архаических обществах. Если же ИСС не могут выполнять социорегулятивные функции, а механизмы культурного моделирования ослабевают, культура неизбежно теми или иными способами, хотя, как правило, не слишком успешно стремится сузить круг лиц, имеющих к ним доступ. Это характерно для всех без исключений обществ, всту-

пивших в стадию цивилизации, где ИСС сохранили только свою религиозно-мистическую функцию и открывали на данном этапе большие возможности для получения индивидуального мистического опыта и откровения. Эта функция медиации между мирским и сакральным, трансцендентным являлась востребованной, но в очень ограниченных пределах.

Если же общество вновь получает возможность использовать культурное моделирование в массовых масштабах, оно будет стремиться поставить ИСС себе на службу. Судя по всему, это может произойти в наши дни, когда ИСС в их новой, техногенной форме, связанные с погружением в виртуальную реальность, становятся достоянием массовой культуры и тиражируются в неограниченных количествах. Рассматривая в общеисторическом контексте наметившийся со второй половины XX в. процесс возрождения ИСС, можно оценить этот феномен как очередной этап поиска новых форм реализации «антропологической универсалии», не слишком явно противоречащих нормативам социокультурной жизни.

На следующем уровне следует расположить магию, которую мы будем рассматривать – вопреки сложившейся традиции – не просто как одну из культурных практик, одну из разновидностей архаических религиозных верований, наряду с тотемизмом, фетишизмом и т. д., но как стержень синкретически нерасчлененного магико-мифоритуального родового комплекса и всей архаической социокультурной системы в целом. Магия – стройная система технологий, которые базировались на ощущении/предзнании о связи «всего со всем», на этом этапе пронизывала все сферы деятельности от хозяйственной до лечебной, выступала главным способом познания мира и конструирования отношений с ним, была направлена на интеграцию индивида и коллектива в поток природной жизни, способствуя тем самым реализации главной стратегии древнейших обществ, нацеленных на максимальную адаптацию к природной среде.

Однако особое место среди других базовых программ магия занимает не только по причине своей значимости, но и потому, что в наибольшей степени, как и ИСС, маргинальна по отношению к культуре. Магическое познание принципиально отличается от рационально-логического и осуществляется в особом режиме работы психики – за счет редукции сознания и перехода в ИСС.

Редукции не настолько сильной, чтобы она устраняла возможность целеполагания и волеизъявления, и вместе с тем достаточно глубокой, чтобы ощущать мир «магически», с его скрытыми, недоступными рационально-расчлениющему мышлению когерентными связями. Таким образом, сфера магии лишь частично вписана в культуру, ее суть амбивалентна, обращена и к культуре, и к природе. С одной стороны, в природном мире магии как таковой не существует: магический акт невозможен вне культуры и индивида, обладающего сознанием и в какой-то мере дистанцированного от природы. С другой стороны, она слишком тесно связана с погружением в докультурное состояние (характерно, что это достаточно четко ощущалось по крайней мере уже в эпоху неолита), с выходом из культуры и без этого, собственно, перестает быть магией, сводится к бессмысленному воспроизведению традиционных магических техник¹⁰.

Этой двойственностью магии определялось отношение к ней со стороны культуры и общества – почти такое же жесткое, как и к ИСС, хотя процесс ее вытеснения шел гораздо дольше, в частности, за счет существования ее легитимных, трансформированных, превращенных форм-аналогов в религиях спасения. Кроме того, магия, во всяком случае древнейшая, нацеленная на содействие природным процессам, на встраивание в них и исправление нарушений правильного порядка вещей, противостоит установке на неограниченный рост и господство над природой и в этом смысле той главной стратегии социального развития, начало которой положила неолитическая революция. Тем не менее эта базовая программа никогда не исчезала полностью ни в сознании субъекта, ни в культурной жизни. Ее массовые прорывы обычно совпадали, что весьма примечательно, с эпохами кризисов, надломов в цивилизационном процессе, когда обнаруживалось, что отлаженные механизмы «второй природы» перестают функционировать должным образом. Именно в этих ситуациях коллективное сознание актуализирует, припоминает древнейший способ гармонизации системы человек-общество-природа.

И, наконец, можно выделить ряд архаических биосоциокультурных программ, более «нейтральных», не связанных со сферой нуминозного, активизация которых представляет гораздо меньшую опасность и для субъекта, и для общества. К ним относятся

присваивающие формы хозяйственной деятельности, коллективистские паттерны, акриптивные отношения на уровне первичных групп (общины, клана, корпорации и т. д.). Такие простейшие универсальные социопрограммы, возрождение которых обычно приобретает массовый характер опять-таки в транзитивные эпохи, играют достаточно важную и весьма неоднозначную роль в процессах перехода общества в новое историческое состояние. Стимулируя разрушение старых структур, они создают своего рода «стартовую площадку» для эволюционного сдвига: еще Г. Спенсер отмечал, что более простая структура имеет в этом плане определенные преимущества перед более сложной и ригидной, которая может стать тормозом для развития¹¹. Вместе с тем актуализация архаических структур и институтов ограничивает хаотизацию социокультурной жизни, удерживая некий «минимум социальности» и обеспечивая выживание части общества. Лишь в редких случаях спонтанно активизировавшиеся социальные структуры, генетически восходящие к архаике, столь же спонтанно повышают свой статус после завершения транзитивного периода, причем это сопровождается их качественными трансформациями. Так произошло в поздней Римской империи с патронажно-клиентными отношениями, которые сыграли важную роль в формировании протофеодальных отношений. Еще один пример: корпоративно-клановые организации, которые в странах дальневосточной цивилизации вполне органично вписались в процесс модернизации. Впрочем, в данном случае для такого рода удачного «союза» имелась прочная историческая основа: если учесть, что на протяжении тысячелетий корпорации играли важнейшую роль в Китае и Японии, приспосабливаясь к различным социально-политическим метаморфозам, ничего неожиданного здесь нет.

Рассматривая субъекта и общество как саморазвивающиеся самоорганизующиеся системы, можно сказать, что в них периодически, хотя и нерегулярно происходят изменения в расстановке сил между стадийно разными элементами (старым и новым), а также своего рода ротации. В результате таких ротаций то или иное остаточное явление, казалось бы, обреченное на вымирание, временами переживает подъем, оказывается востребованным, может перейти с «периферии» сознания или социокультурной жизни в «центральную зону» и даже надолго в ней закрепиться. Это позво-

ляет осуществлять рекомбинации разных элементов (генетически и стадияльно разных социокультурных программ, структур, институтов), которые, образно говоря, то всплывают на поверхность, то снова погружаются в «подполье» системы или просто отступают на второй план.

Разумеется, все эти процессы подчинены главной задаче – самовоспроизводству и динамическому развитию «большого» общества, поэтому оно допускает их лишь в очень ограниченных масштабах. Воскрешение архаических программ, которые в принципе могут привести к размыванию или разрушению основных его институтов, представляет значительную угрозу для его существования. Например, архаические формы хозяйственной деятельности, аскриптивные отношения и т. д. сами по себе, разумеется, не имеют деструктивного характера, однако их неконтролируемая актуализация в больших масштабах таит опасность для цивилизации, поэтому степень их востребованности высока только на определенном этапе перехода, в ситуациях острых кризисов. Она неуклонно снижается по мере того, как осуществляется реорганизация социокультурной жизни и система переходит в новое историческое состояние. Вполне естественно, что такого рода тенденции оживляются в транзитивные эпохи, когда социокультурная система находится в состоянии переструктуризации и, нуждаясь в дополнительных «резервах», начинает использовать имеющийся в ее распоряжении наличный фонд «готовых форм», в том числе и унаследованных от архаики. Однако в тех случаях, когда система не в состоянии успешно справиться с рекомбинацией старого и нового, направить ее в нужное русло и держать под своим контролем, это может привести к значительным отступлениям от достигнутого уровня развития или воспрепятствовать движению вперед. Крайним же вариантом неконтролируемой тотальной, комплексной активизации старых структур, начиная с ментальности и заканчивая экономикой, является коллапс «большого» общества. Но таких примеров, иллюстрирующих богатый потенциал архаики и ее способность спонтанно адаптироваться к новым условиям, не слишком много.

Поэтому гораздо более стабильным и значимым является положение тех элементов архаики, которые благодаря целенаправленным усилиям интеллектуальной элиты удается переработать

и перевести в «центральную зону» социокультурной системы. В этом случае им обеспечивается не только длительное существование, но и возможность активно влиять на культурную и социальную жизнь, определять в той или иной степени специфику цивилизации и ее развития. Безусловно, в данной ситуации архаика подвергается очень существенному переосмыслению и трансформации, однако собственно архаическая компонента не исчезает полностью, остается вполне узнаваемой. И это характерно не только для китайской и индийской цивилизаций, где такая «перекодировка» произошла еще в Осевое время. Сходные процессы разворачиваются на наших глазах в евроатлантической цивилизации, где интеллектуалы, с одной стороны, обращаются к архаическому наследию напрямую, минуя опосредующие культурные звенья, пытаются реконструировать его в наиболее чистом виде, а с другой – «препарируют» архаику, расчленяют на составные части, преобразуют в соответствии со своими ценностными установками и практическими целями, то есть по преимуществу модернизируют ее. Именно такой путь адаптации архаики и ее активного использования, судя по всему, является наиболее оптимальным для «большого» общества. Спонтанная «конвертация», как уже говорилось, далеко не всегда дает успешные и долговременные результаты, но гарантии заметно повышаются, когда интеллектуалы целенаправленно приспособливают архаику к социальной и культурной жизни цивилизации в ту или иную эпоху. Однако и сознательное использование архаики, пусть даже трансформированной, отнюдь не всегда бывает позитивным для дальнейшего развития цивилизации. Это подтверждает история тоталитарных обществ XX в. В данном случае многое зависит от тех задач, которые ставят интеллектуалы, обращаясь к потенциалу архаического наследия, от того, какие именно элементы его и как они намерены использовать. Опыт XX в. показал, что такая модель «диалога с архаикой» имеет вполне универсальный характер. Правда, приемы и методы переработки архаики и ее инкорпорирования в культуру и общественное сознание становятся все более совершенными, чтобы не сказать изощренными. Способности к «диалогу с архаикой» явно повышаются по мере развития в обществе самореференции, а сама диалоговая модель явно становится все более востребованной.

В ходе своего исторического развития система обществ цивилизаций, вытесняя и преобразуя архаику «внешнюю» (первобытную периферию), в целом все лучше справлялась с задачей обуздания «внутренней» архаики и ее эффективного использования. Это указывает на зрелость метасистемы обществ цивилизации, и неслучайно, что в XX – начале XXI вв. евроатлантическая цивилизация, ее наиболее передовой регион, совершенствует навыки экспериментирования с архаикой, «манипулирования» ею и практического использования (прежде всего в массовой культуре) в качестве одного из способов социокультурной регуляции. Однако это не исключало и не исключает до сих пор возможности ее опасных прорывов в отдельных обществах – «слабых звеньях» метасистемы. Успешность использования элементов архаики напрямую зависит от уровня сложности системы: чем богаче накопленный ею потенциал цивилизационных традиций, тем выше ее рецептивные возможности, тем больше она способна к гибкому маневрированию в осуществлении рекомбинаций. Помимо этого, здесь работает и другой фактор – «трансформационный» потенциал самого архаического материала. Взаимодействие этих двух факторов всякий раз порождает специфические ситуации «резонанса», некое «поле релевантности», в котором может осуществляться продуктивный синтез.

Несмотря на то, что спонтанное воскрешение фактически любых элементов архаического наследия содержит потенциальную угрозу для цивилизационных институтов и ценностей, возникает ощущение, что обществам цивилизации легче пережить утрату какого-либо генетически более позднего института или представления, нежели разорвать свою связь с архаикой. В любом случае ее возвращения, спонтанные или целенаправленные, помимо прочего несут в себе, образно говоря, большую «эмоциональную заряженность». Очевидно, это связано с тем специфическим положением, которое занимает первичная, базовая архаическая социокультурная система в ряду других, более поздних, ибо в ней максимально реализовался синкретизм природного и культурного. Воскрешение тех или иных «обломков» этой системы – не просто дань традиционализму. Вероятно, порвать связь с ней, с выработанными ею универсальными биосоциальными программами невозможно, как невозможно человеку «преодолеть» свои природные основания, а

обществу, как бы далеко оно ни продвинулось по пути создания «второй природы», – стать полностью автономным по отношению к природному универсуму.

Как следует оценить в связи с этим современную ситуацию, которая характеризуется масштабным «наступлением» неоархаики, причем не только на Западе, но и в других регионах мира? Разумеется, не стоит забывать, что современный человек имеет дело преимущественно с аналогами тех или иных феноменов, точнее, обломков архаической культуры, которые усваиваются в основном через средства массовой информации. Не менее важен и другой момент: для эпохи «постмодернити» характерен особый тип человека – «современногономада», децентрализованного, с флуктуирующей (многомерной), космополитичной идентичностью, клиповым сознанием, ситуативной этикой, склонностью к полирелигиозности и ценностному плюрализму в сочетании с повышенным прагматизмом и специфической «технологически-компьютерной» ментальностью. У такого субъекта чувство преемственности по отношению к культурной традиции сменяется фрагментарностью и поверхностной игрой с разнообразными эмоциями и культурными символами¹². В принципе все это может свидетельствовать в пользу того, что воскрешение на нынешнем этапе архаики будет иметь крайне поверхностный характер: отдельные элементы сложного синкретического целого архаической культуры, превращенные в экзотические симулякры, могут занять весьма скромное место в мультикультуральном обществе и сознании.

Вместе с тем не исключен и другой вариант: если учесть, что мировое сообщество переживает сейчас одну из крупнейших в истории бифуркаций, находится в состоянии межсистемного перехода, и этот «макросдвиг» приведет, очевидно, к глобальным трансформациям, глубоким преобразованиям духовного мира человека и многих базисных оснований, на которых строилось развитие цивилизации. Не случайно в научном дискурсе все чаще появляются идеи о том, что мы имеем дело с цивилизационным сломом, который завершится формированием новой, «постцивилизационной» общественной метасистемы, или даже с фундаментальным сбоем универсальной эволюции, который диктует необходимость кардинальной трансформации социальности и построения иных ее отношений с природным и деятельностным началами¹³. Возрастает

осознание исчерпанности антропоцентризма и техноцентризма, установки на инновационную деятельность и непрерывный рост и т. д. В этой ситуации очередная «перекодировка» архаического наследия, которая уже совершается и в сознании индивида, и в социокультурной жизни, может сыграть гораздо более важную и конструктивную роль, чем в предшествующие переходные эпохи. В современной культуре начинает формироваться некий пока еще слабо структурированный комплекс «незаконченных» идей, имеющих массовое распространение и в различных своих вариациях встречающихся в самых разных подсистемах культуры, – идей, которые так или иначе корреспондируют с архаическими представлениями: множественности реальностей; наличия в мире когерентных акаузальных связей, соединяющих разнородные, с формально-логической точки зрения несоединимые объекты и явления; тождества макрокосма и микрокосма и взаимозависимости человека, общества и природы; возможности магического воздействия на мир и его постижения иррациональным путем (например, через измененные состояния сознания) и т. д.

Разумеется, вопрос о том, в какой степени будет значимой «вторичная семантизация» (Ю.М.Лотман) аналогов и дериватов архаики для современного человека и культуры, остается на сегодняшний день открытым. Однако неоархаизацию допустимо рассматривать и как спонтанный процесс восполнения и «сборки» через овладение архаикой – возвращение к базовым программам, через их переоценку, переосмысление и выработку новых аналоговых форм, адекватных новому историческому состоянию общества, идущему на смену «постмодернити», и новому, формирующемуся субъекту.

Примечания

- ¹ История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 20; *Duby G. Histoire des mentalités // L'Histoire et ses methods. P., 1961; Kavolis V. Civilization Analysis as a Sociology of Culture. N.Y., 1995. P. 111, 119–120; Земсков В.Б. Дисбаланс в системе взаимодействия пластов культуры как фактор культурной динамики // Цивилизации. Вып. 7. М., 2006. С. 82–91 и др.*
- ² *Аришинов В.И., Свицкий Я.И. Становление субъекта постнеклассической науки // Проблемы субъектов социального проектирования и управления. М., 2006. С. 117.*

- ³ *Claessen H.* Evolutionism in Development: Beyond Growing Complexity and Classification // Kinship, Social Change and Evolution. Wien, 1989. P. 231–247; *Коротаев А.В.* Факторы социальной эволюции. М., 1997. С. 4–5; *Он же.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003. С. 129; *Чешков М.А.* Идея развития: необходимость и возможность реинтерпретации // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 132; *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. СПб., 2002. С. 13–14.
- ⁴ *Швырев В.С.* Особенности современного типа рациональности // Актуальные проблемы философии науки. М., 2007. С. 49, 52.
- ⁵ *Флиер А.Я.* Культурогенез. М., 1995. С. 82.
- ⁶ *Белик А.А.* Измененные состояния сознания как междисциплинарная область исследований // Личность, культура, этнос. Современная психологическая антропология. М., 2001. С. 540–541.
- ⁷ *Козлов В.В., Бубеев Ю.А.* Измененные состояния сознания. Системный анализ. М., 2005; *Брюн Е.А.* Введение в антропологическую наркологию // Вопр. наркологии. 1993. № 1. С. 72–78; *Белгородский Л.С., Сандомирский М.Е.* Физиологическая возрастная регрессия как основа функциональных состояний, связанных с измененными состояниями сознания // Парапсихология и психофизика. 1998. № 1. С. 110–112.
- ⁸ *Пелипенко А.А.* Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. Самара–Иерусалим–М., 2007. С. 45. *Налимов В.В.* Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси, 1978. С. 30.
- ⁹ Подробнее см.: *Хачатурян В.М.* «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М., 2009. С. 60–106.
- ¹⁰ *Пелипенко А.А., Хачатурян В.М.* Когнитивные истоки «магического ренессанса» // Человек. 2009. № 3. С. 35–44.
- ¹¹ См.: *Орлова Э.А.* Культурная (социальная) антропология. М., 2004. С. 294.
- ¹² *Этциони А.* Масштабная повестка дня. Перестраивая Америку до XXI века // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 293. *Венкова А.* Экзистенциалы и коды современной цивилизации: на пути к универсальной парадигме // Дифференциация и интеграция мировоззрений: философский и религиозный опыт. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. № 18. СПб., 2004. С. 105–109.
- ¹³ *Сайко Э.В.* Современное глобальное сообщество в исторической эволюции // Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира. М., 2002. С. 48–67; *Чешков М.А.* К интегральному видению глобализации // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 117–135.

ЧАСТЬ 3

ПАРАМЕТРЫ, МОДЕЛИ И ТЕХНОЛОГИИ СБОРКИ СУБЪЕКТОВ

В.Е. Лепский

Эскиз структуры параметров сборки субъектов и их дескриптивной модели

В статье предлагается вариант структуры параметров сборки субъектов в контексте рассмотрения от классической до постнеклассической рациональности. Этот вариант является первой попыткой на пути систематизации параметров сборки субъектов и должен рассматриваться как «пилотный» вариант и фактически фрагмент структуры, подлежащей развитию.

Уточним некоторые используемые в статье понятия.

Совокупный субъект – субъект, образующийся в результате процессов сборки субъектов.

Базовые субъекты – субъекты, которые собираются в совокупного субъекта.

Параметры сборки субъектов – один из инструментов понижения размерности (сложности) системы сборки субъектов. Это коллективная переменная функция многих входящих в нее других переменных в анализе сложных самоорганизующихся систем сборки субъектов, дающая важную информацию о поведении последних как сложно структурированных целостностей. Будем выделять две группы параметров сборки субъектов: базовые основания и базовые факторы, влияющие на эти процессы сборки субъектов.

Базовые основания для сборки субъектов – это такие, которые определяют ведущие мотивы субъектов в их ориентации на процессы сборки. Среди такого рода оснований в первую очередь следующие: общность ценностей, культуры, целей, а также комплексные основания, формируемые, например, в процессах «проектной идентификации».

Базовые факторы, влияющие на процессы сборки субъектов, – это факторы (группы факторов), наиболее значимые для данных процессов, влияние которых изучено в различных областях знания.

Проведенный нами предварительный анализ позволил выделить следующую структуру параметров сборки субъектов (Рис. 1), которая открыта для дальнейшего развития и является первым шагом в данном направлении исследований. Тем не менее, на наш взгляд, она может быть полезна как для постановки новых исследовательских задач, так и для практической работы.

Рис. 1. Фрагмент структуры параметров сборки субъектов

Далее по тексту статьи дается описание приведенных в предложенной структуре отдельных параметров сборки субъектов и их взаимного влияния.

Базовые основания для сборки субъектов

Среди выделенных в структуре базовых оснований для сборки субъектов многие параметры являлись и являются предметом исследований в различных областях научного знания. Например, ценностно-ориентационному единству при формировании групповых субъектов посвящены многочисленные исследования в социальной психологии. Общность культурных и целевых оснований имеет богатый опыт исследований в социологии. Нам представляется наиболее значимым для современной России и в то же время наименее изученным комплексное основание – «проектная идентификация», рассмотрением которого мы и ограничимся в данном тексте.

С конца 1960-х гг. во всем мире наблюдается кризис механизма легитимации власти, характерного для обществ эпохи модерна. Это связано в значительной степени со снижением роли государства в связи с процессами глобализации, а также с дискредитацией демократических процедур делегирования властных полномочий гражданами через традиционную систему выборов.

Процессы глобализации неразрывно связаны с интеграцией мировых процессов производства и потребления, следствием чего является повышение роли негосударственных субъектов мировой экономики и политики. Как следствие, имеет место тенденция нарастающего ограничения функциональных возможностей государства.

В конце прошлого столетия эти тенденции в России были существенно усилены под влиянием доминирования неолиберализма в экономике и политике, способствующего необоснованному по масштабам и деструктивному по способам выводу государства из экономики. Как следствие, Россия сегодня сравнима по эффективности государственного управления лишь с африканскими или островными государствами¹.

В новых условиях снижения легитимности государства как ключевого субъекта власти гражданин теряет доверие к институтам легального господства, не обеспечивающим минимум

инфраструктуры развития. По данным Левада-Центр, оценка гражданами России степени своего влияния на то, что происходит в стране, такова: 62 % никакого влияния; 35 % крайне слабое; 3 % довольно большое. Одновременно примерно половина граждан ощущает хоть какую-то ответственность за все то, что происходит в стране². Они начинают искать пути сохранения своей созидательной жизненной позиции и новые ориентиры для идентификации³.

Субъектом власти в эпоху рефлексивного модерна⁴ становится тот, кто оказывается способным адекватно осмыслить либо конструировать реальность, определять свое место в мире, ставить цели деятельности и развития, формулировать кооперативный проект действия в мире. Сегодня уже зарождаются новые технологии и формы власти, например, нетократия. Это видение концептуализируется и получает самоназвание, на базе чего выстраивается *«проектная идентичность»*⁵.

Как следствие для субъекта власти становится крайне актуальной проблема механизма обеспечения собственной легитимности. Ведь ситуация «позднего модерна» специфична тем, что разрушены все тотальные комплексы норм, на основе которых мог бы выстраиваться механизм легитимации.

При этом ни политический PR, ни СМИ не оказывают им действенной поддержки в поиске новых ориентиров идентификации, тем самым дополнительно дискредитируя демократические формы обеспечения легитимности власти.

Политический PR имеет ведущую ориентацию на стимулирование, поддержку и использование «реактивного» способа жизнедеятельности граждан, управление поведением избирателей, их выбором. Основные методы, как правило, базируются на формировании «щелевого» сознания, различного рода манипулятивных воздействиях, в том числе на широком использовании воздействий на эмоциональную сферу, провокациях импульсивных действий и др.⁶.

Как итог превращение избирателя из субъекта свободного выбора в объект манипуляций!

Образ современных СМИ в России также дает убедительные основания для оценки их роли в дискредитации демократических выборных процедур. Сегодня отечественные СМИ:

- в целом не являются субъектом процессов, ориентированных на обеспечение безопасности и развития России;
- могут рассматриваться как самодостаточный субъект рыночной экономики, формирующий в своих коммерческих интересах потребности населения;
- являются мощным инструментом в руках тех, у кого есть деньги, рычаги административного управления или иные рычаги воздействия⁷.

Односторонняя критика СМИ и поиск в их лице врагов общества и государства – это неконструктивный путь. Состояние СМИ отражает состояние общества и государства в целом, являясь его порождением; поражены болезнью бессубъектности общество и государство – болеют СМИ... Общество и государство должны учиться организовывать, поддерживать и контролировать СМИ.

Начало XXI в. ознаменовалось позитивными для России действиями власти: государство стало инициатором и организатором проектной деятельности по развитию страны. Этим шагом был явно засвидетельствован кризис неолиберального подхода и высокая неопределенность для власти в выборе стратегических ориентиров развития России. Однако недооценка значения рассмотренных выше механизмов «проектной идентификации» граждан, а также отсутствие у власти четких представлений об адекватном для России мировоззренческом проекте привело к недостаточно обоснованному принятию национальных проектов, что может стать источником различного рода угроз национальной безопасности, в частности создать благоприятные условия для дальнейшего укрепления коррупции.

Встает вопрос: на основе какого проекта возможна «проектная идентификация» и соответственно сборка российского общества, и возможен ли такой проект?

В начале XXI в. были предложены два стратегических проекта российского развития. В.В.Путин предложил «инновационный» и Д.А.Медведев «модернизационный». Оба не имеют оснований претендовать на роль инициатора «проектной идентификации». Аргументы очень простые и, на наш взгляд, убедительные.

Во-первых, эти проекты (как они реализуются) носят ярко выраженный технократический характер и не содержат мировоззренческих компонентов, что не дает оснований претендовать на инициирование «проектной идентификации» российского общества.

Во-вторых, даже в технократическом контексте они безнадежны. Оба ориентированы на «перескок» России из четвертого технологического уклада в шестой, минуя пятый⁸. Более того, в силу проведенной в стране деиндустриализации наши позиции и в четвертом технологическом укладе приближаются к уровню слаборазвитых стран (развал авиационной и автомобильной индустрии и др.).

Вместе с тем следует заметить, что руководство страны пытается искать нестандартные пути развития России. Например, призыв Д.А.Медведева: «Сначала давайте ответим себе на простой, но очень серьёзный вопрос. Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство, на границу, на какое-нибудь “всесильное учение”, на что угодно, на кого угодно, только не на себя? И есть ли у России, перегруженной такими ношами, собственное завтра?»⁹.

Догнать развитые страны по технократическому пути развития безнадежно. Шансы следует искать на других путях! Надо не догонять, а опередить и стать лидером технологий следующего поколения, лидером седьмого технологического уклада. На наш взгляд, есть серьезные основания полагать, что технологиями седьмого уклада будут социогуманитарные и в первую очередь технологии формирования новых форм жизнедеятельности на планете.

Человечество находится в системном кризисе. Назревают грандиозные межцивилизационные конфликты. Безнадежно устарели несправедливые механизмы обмена между экономически сильными и слабыми субъектами. Фактически в новых, более изощренных формах на планете процветает колониальная политика. Кажется незыблемым представление об «обществе потребления» как безальтернативной и прогрессивной модели развития. Куда приведет эта гонка в условиях ограниченных ресурсов планеты? Все ли хотят обменять духовное богатство и свободу на избыточное материальное благополучие?

Общепланетарное мировоззрение, выдвинутое Н.Ф.Фёдоровым и русскими философами-космистами, ныне по праву называют «мировоззрением третьего тысячелетия». Мысль о человеке как существе сознательно-творческом, как агенте эволюции, ответственном за все живое на планете, идея Земли как «общего дома» важна в современную эпоху, когда как никогда остро перед

человечеством встают вопросы об отношении к природе, ее ресурсам, к самому несовершенному смертному естеству человека, рождающему зло индивидуальное и социальное.

Если человечество не сконцентрирует свой интеллект и ресурсы для перехода на ноосферную организацию всех сторон жизнедеятельности общества, то оно может оказаться перед лицом глобальной духовно-нравственной катастрофы.

Наш цивилизационный потенциал дает основания утверждать, что Россия может стать духовным лидером мирового сообщества в созидании новых форм жизнедеятельности на планете, которые обеспечат гармонизацию межэтнических, межконфессиональных, межгосударственных, межрегиональных и междоцивилизационных отношений.

Культ денег, вера во всемогущую силу богатства определяет духовный мир представителя западной цивилизации, его мироощущение, отношение к обществу, взгляд на государство, право, мораль и нравственность. Оправдывается отсутствие моральной ответственности личности перед обществом, а такая категория, как справедливость, просто исчезает из отношений за ненадобностью.

По-иному формировался духовный мир русских, наибольшее народа России. Общинный уклад с давних пор был необходимым требованием для отпора захватчикам, взаимопомощи при выживании в трудных климатических и географических условиях. Наши предки осознавали, что сама возможность существования и личного благополучия зависит от защиты и реализации ими общих интересов.

Вера в социальную справедливость является мировоззренческим стержнем нации. Социальная справедливость, благополучие большинства должны быть главными целями любых государственных программ, государственной политики, если мы не хотим, чтобы их постигла участь тех «реформ», которые последние годы проносятся по России.

Важнейшей отличительной чертой русского народа является терпимость как проявление развитого чувства общинности, стремления к дружеским, равноправным отношениям между людьми, где ради общего дела мира, согласия и успеха подавляются частные настроения. Русская терпимость может рассматриваться как основа философии ненасилия. Истина ненасилия с трудом

внедряется в сознание и опыт. Если брать намеренно культивируемые формы жизни, она все еще остается маленьким оазисом в пустыне заблуждений. Однако важно, что она твердо заявлена и по крайней мере трижды продемонстрировала свою действенность в качестве силы исторического масштаба. В первом случае – как заложенное Л.Н.Толстым начало духовного обновления, отзвуки которого были услышаны во всем мире. Во втором случае – в ходе борьбы за национальную независимость Индии под руководством М.Ганди. В третьем – в борьбе чернокожих американцев за гражданское равноправие под руководством М.Л.Кинга. Здесь мы имеем дело с движением, единым и в идейных основаниях, и в исторических проявлениях: М.Ганди испытал сильное влияние Л.Н.Толстого, М.Л.Кинг был последователем М.Ганди.

Второй важнейший аспект социогуманитарных технологий седьмого уклада связан с необходимостью обезопасить человечество от потенциальных угроз асоциального бесконтрольного использования технологий шестого уклада. Приведем классический пример технологического прорыва в компьютерных технологиях. Персональный компьютер был разработан не гигантами компьютерной индустрии типа IBM, а двумя инженерами-одиночками, с начальным капиталом в несколько тысяч долларов. То же может произойти и в области разработок нано- и биотехнологий, и как следствие возможна передача невиданного по силе оружия в руки асоциальных элементов, способных уничтожить или поработить человечество. Такого рода угрозы сегодня явно недооцениваются.

Приведем пример гипотетической идеи проекта «Альтернативная глобализация», ориентированного на создание социогуманитарных технологий седьмого технологического уклада. Это формирование сложно организованной сети «квази-автономных социальных образований»¹⁰, ориентированной на моделирование и «выращивание» разнообразных форм жизнедеятельности на планете, в том числе попыток уйти от общества потребления, на сохранение и развитие социокультурного разнообразия на планете, на доминирование духовных потребностей над материальными, на творчество как ведущую форму воплощения людей, на максимальное использование в автономных поселениях технологий шестого уклада, на создание новых механизмов экономических отношений.

Этот проект мог бы способствовать решению многих актуальных проблем, стоящих перед современной Россией:

- поиск национальной идеи – формирование новых форм жизнедеятельности на планете (Россия – мировоззренческий лидер мирового сообщества);

- создание экспериментальной среды для поиска новых форм жизнедеятельности на планете;

- развитие стратегических субъектов гармонизации мировых процессов;

- сохранение и развитие разнообразных социально контролируемых культур и субкультур;

- инициирование индустрии новых высокотехнологичных производств для обеспечения автономных поселений;

- формирование «локомотива» инновационного развития страны;

- повышение благосостояния населения за счет организации высокой производительности труда в автономных поселениях;

- повышение социальной стабильности за счет сокращения разрыва между богатыми и бедными;

- снижение уровня безработицы;

- создание возможностей для диверсификации и свертывания нерентабельных производств;

- разработка новых подходов к решению демографической проблемы;

- создание новых механизмов управления миграционными процессами;

- создание условий для возврата из эмиграции соотечественников;

- отработка моделей поселений для освоения комического пространства и т. п.

Более того, лидерство в социогуманитарных технологиях создания сети высокоинтеллектуальных «квазиавтономных социальных образований» позволило бы России стать лидером шестого технологического уклада, поскольку технологии седьмого уклада выступали бы в роли метатехнологий для шестого.

На наш взгляд, на основе предлагаемой идеи возможна разработка проекта «Россия – мировоззренческий лидер мирового сообщества», который мог бы инициировать «проектную идентификацию» и сборку российского общества.

Базовые факторы, влияющие на процессы сборки субъектов

В данной статье мы ограничимся рассмотрением группы параметров сборки связанных со спецификой взаимодействия субъектов.

Влияние специфики коммуникаций на сборку субъектов

Влияние опосредованности общения на сборку субъектов. Проведенные нами экспериментальные исследования показали существенное влияние степени опосредованности общения на качество результатов сборки субъектов, на характеристики совокупного субъекта на примере игровых конфликтных взаимодействий¹¹.

Во-первых, в условиях непосредственного общения эффективность деятельности совокупного субъекта (группа 2–3 человека) в конфликтных взаимодействиях выше эффективности одного человека.

Во-вторых, в условиях высокой степени опосредованности общения эффективность деятельности совокупного субъекта (группа 2–4 человека) в конфликтных взаимодействиях ниже эффективности одного человека.

В-третьих, защищенность от манипулятивных воздействий совокупного субъекта (свобода действий) повышается с переходом от опосредованного к непосредственному общению. Существенную роль в повышении защищенности совокупного субъекта от манипулятивных воздействий сыграл эффект *«виртуального субъекта»*, которым был представлен совокупный субъект для одиночных игроков-противников. В данном типе игровых взаимодействий важен был учет индивидуальных особенностей игроков: стиль ведения игры, динамика механизмов манипуляций и их вскрытия. Члены совокупного субъекта знают конкретного индивидуального субъекта, являющегося их противником, в то время как он имеет дело с группой, имитация и управление деятельностью которой в психологическом плане существенно отличаются от имитации и управления деятельностью отдельного индивида. Каким субъектом предстанет группа? Делегирует ли она полномочия по принятию решений отдельным индивидам, либо решения будут каждый раз приниматься коллегиально, или что-либо другое? Заметим, что непосредственное общение членов группы создало условия для реа-

лизации упомянутых механизмов, способствующих повышению защищенности группы от манипулятивных воздействий. Полученные результаты дают основания для критической оценки перспектив организации сборки субъектов в условиях телекоммуникаций, в частности в Интернете, для проблемных видов деятельности.

Влияние информационных и компьютерных (средства моделирования) технологий на сборку субъектов управленческой деятельности.

В современных системах управления (государство, бизнес, общество) в сборке совокупного субъекта участвуют сотни и даже тысячи исходных субъектов, причем в этом качестве во многих случаях выступают также совокупные. Процессы их общения все более опосредуются новыми высокими информационными и компьютерными технологиями. С одной стороны, очевидно, что такого рода технологии способствуют повышению адекватности восприятия сложных социальных объектов, оказывают помощь в поиске вариантов решений, в оценке последствий принимаемых решений, помогают во многих других аспектах управленческой деятельности. С другой стороны, как мы уже отметили выше, эти технологии могут затруднить процессы сборки совокупных субъектов, способствовать сокрытию негативных действий отдельных субъектов (например, коррупции, манипуляций с результатами свободного волеизъявления граждан и др.), а также формировать негативные характеристики совокупных субъектов.

Отметим отдельные отрицательные механизмы в сборке совокупных субъектов в условиях использования информационных и компьютерных технологий в социальном управлении:

– наличие разнообразных возможностей воздействий на субъектов через процедуры восприятия информации: неадекватное восприятие, смена значимости, эмоциональной окраски, ассоциативные влияния, провокации импульсивных действий и др.;

– ускользающие от субъектов зоны повышенной чувствительности модельных переменных, точки бифуркаций и др.;

– наличие разнообразных возможностей манипулирования субъектами через процедуры поддержки принятия решений: групповые экспертные оценки, опросы и др.;

– игнорирование необходимости введения в компьютерные технологии специальных методов и средств выявления манипулятивных воздействий и проведения соответствующей экспертизы;

- возможности использования скрытых психосемантических и других типов воздействий на психику индивидуальных субъектов;
- стрессовые воздействия: высокая динамика модернизации средств; монополизация отдельных видов разработок, навязывание средств; безграничные просторы информационной среды и примитивные средства навигации и др. – на индивидуальных субъектах;
- потенциальные и реальные возможности возникновения у индивидуальных субъектов синдрома зависимости от киберпространства и др.
- привыкание к упрощенным формам общения, деформация механизмов «социальной перцепции», «обесчеловечивание» процессов восприятия людей и социальных систем;
- создание предпосылок к увеличению авторитарности управления;
- снижение защищенности от манипулятивных воздействий и др.¹².

Для предотвращения негативных последствий при широком использовании информационных и компьютерных технологий в социальном управлении требуется разработка и внедрение адекватных мониторинга и социогуманитарной экспертизы, организация гармонии непосредственной и опосредованных форм общения исходных субъектов.

Роль рефлексивных процессов в сборке субъектов

Рефлексивные процессы играют важнейшую роль в сборке субъектов, когда специально не ставится задача манипулирования субъектами сборки, ограничения их свободы в принятии решений.

Можно привести примеры, когда сборка субъектов возможна при блокировке рефлексии «собираемых субъектов», в частности, это отчетливо проявляется в «грязных» технологиях политических выборов и в культовых организациях¹³.

А возможны ситуации, когда рефлексивные процессы являются доминирующими в сборке субъектов.

Приведем гипотетический пример организации побега из «каземата», позаимствованный нами из работы В.А.Лефевра¹⁴. Исходная ситуация такова: в некотором «каземате» находится узник, а вне – его партнер. Каждый из них по отдельности сте-

ну «каземата» пробить не может, но если они это будут делать навстречу друг другу, то добьются успеха и смогут устроить побег. Предположим, что предварительный обмен информацией между «узником» и его «сообщником» невозможен. Успешный побег предполагает, что «беглец» и его «сообщник» независимо друг от друга выберут такое место в стене, которое обладает какой-то общей для них «особенностью».

Предположим следующую схему «каземата» (рис. 2), причем пробить стенку можно только в углах 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. И предположим, что толщина стенок во всех углах одинакова. Как будут вести себя «разумные» партнеры?

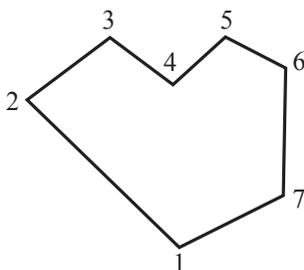

Рис. 2. Схема «каземата»

Простейший эксперимент показывает, что выбор падает на угол 4. В силу каких причин это происходит? Как могут согласовать свои усилия два субъекта, стать субъектом коллективных усилий без предварительной конвенции и информационной связи? Принципиально важно, что субъекты (системы) без рефлексии не могут успешно согласовать свои усилия в подобных ситуациях, поскольку решение каждого из них никак не связано с решением другого. Встреча в углу 4 происходит не случайно, когда взаимодействуют рефлексивные субъекты, имитирующие внутренний мир друг друга.

Подобные задачи, связанные с согласованностью действий (фактически сборкой) субъектов без предварительной договоренности или информационных контактов, рассмотрены Т.Шеллингом¹⁵.

Он предложил новый тип точек равновесия, которые в контексте теории игр формально никак не отличаются от любой другой стратегии, однако с точки зрения реальных игроков более вероятны, чем остальные. Он назвал такие точки равновесия фокальными.

Одним из первых он заметил, что рациональное поведение в играх может состоять не только в том, чтобы максимизировать свой собственный ожидаемый доход, но и в том, чтобы убедить оппонента, какой стратегии надо следовать. Иначе говоря, рациональное поведение в игре должно носить стратегический характер, на основе формирования (выявления) общего канала реальности общей картины мира, в которой игроки выделяют особенности, моделируя при этом и представления других игроков. Фактически речь идет о взаимном рефлексивном моделировании участниками взаимодействия.¹⁶ В XXI в. эти соображения стали органично включаться в контекст экономических теорий. За эти работы Шеллинг стал лауреатом Нобелевской премии по экономике 2005 г.¹⁷

Влияние лидерства на сборку субъектов

Наличие лидеров среди базовых субъектов может иметь самые разнообразные формы и последствия влияния на процессы сборки и характеристики совокупных субъектов. Специфика такого рода влияний зависит от стилей лидерства (авторитарный, демократический, либеральный и т. п.), характеристик базовых субъектов, условий их деятельности.

Рассмотрим типичный пример влияния авторитарного стиля лидерства на характеристики совокупного субъекта. Проведенные нами экспериментальные исследования показали, что при наличии «жестких» (авторитарных) лидеров эффективность деятельности совокупных субъектов в условиях межгрупповых конфликтных взаимодействий (проблемные виды деятельности) может оказаться существенно ниже, чем совокупных субъектов, сформированных в условиях отсутствия лидеров. В экспериментах принимали участие испытатели космических аппаратов, была возможность сравнивать экспериментальные данные двух моделей: межгрупповых конфликтных взаимодействий и «гомеостата Д.Ф.Горбова»¹⁸.

Сборка субъектов осуществлялась при наличии непосредственного общения между базовыми субъектами и достаточно высокой степени информированности их о возможностях друг друга в экспериментальных видах деятельности. В совокупных субъектах с «жесткими» структурами выделения лидеров и ведомых наблюдалось снижение интеллектуальной активности последних в силу на-

правленности их активности на «подстраивание» под деятельность лидера. Фактически имела место редукция группы к одному базовому субъекту, которым является лидер, в то время как в группах с «гибкими» структурами имеются благоприятные условия для совместной интеллектуально активной деятельности нескольких базовых субъектов, что и позволяло обеспечивать им более эффективную групповую деятельность в конфликтном межгрупповом взаимодействии.

Полученные результаты могут быть также интерпретированы через понятие *виртуального субъекта* групповой деятельности, под которым будем понимать подгруппу (всю группу) или отдельного ее члена, которым делегированы полномочия представлять группу (совокупного субъекта) в конкретных управленческих ситуациях. Механизм формирования виртуального субъекта зависит от многих факторов. В частности, от ситуации, уровня развития группы, формальной и неформальной структур, организации процессов общения между членами группы и др.

В условиях рассматриваемого эксперимента в группах с неформальными структурами, построенными на ярко выраженных отношениях «лидер – ведомый», в качестве виртуального субъекта групповой деятельности выступал лидер. Защищенность группы от рефлексивного управления снижается, если она представлена в конфликте одним конкретным ее членом, стиль деятельности которого предварительно изучен организатором рефлексивного управления.

Отсутствие в группах ярко выраженных отношений «лидер – ведомый» не создавало предпосылок монопольного делегирования групповых полномочий отдельным членам группы, а приводило к формированию группового субъекта на основе коллегиально принимаемых решений. Имеются основания утверждать, что защищенность таких групп от рефлексивного управления повышается.

Успех слабо структурированных групп (отсутствие ярко выраженного лидера), обеспечиваемый за счет динамичного изменения виртуальных субъектов, во взаимодействиях с группами, в которых установлены ярко выраженные отношения «лидер – ведомые», мы назвали *эффектом динамического виртуального субъекта*.

К важнейшим его условиям возникновения относятся следующие:

– высокая степень адекватности представлений членов группы друг о друге как о субъектах деятельности в рассматриваемом классе ситуаций взаимодействия;

- наличие в группах слабо опосредствованных, лучше непосредственных взаимодействий;
- отсутствие формальных ограничений на процедуры выработки коллегиальных решений;
- высокий уровень мотивации всех членов группы в достижении успеха в конфликтных взаимодействиях;
- динамичный характер взаимодействия, позволяющий во время него осуществлять изменения виртуального субъекта групповой деятельности.

Степень защищенности групп от рефлексивного управления в условиях конфликтных взаимодействий оказывается существенно зависящей от степени гибкости групповых структур, связанных с отношениями лидерства. Наличие жестких структур «лидер – ведомые», безразличных к изменениям ситуаций групповой деятельности, может способствовать снижению степени защищенности групп от рефлексивного управления.

В более широком контексте можно предположить, что чем менее формализованы механизмы формирования виртуального субъекта групповой деятельности, тем труднее прогнозировать ее поведение, а следовательно, труднее осуществлять рефлексивное управление группой.

Результаты экспериментальных исследований могут быть использованы для формирования гипотезы о влиянии концепций организационного управления на степень защищенности субъектов управленческой деятельности от рефлексивного управления.

Модерируемость субъектов сборки

Богатейший опыт сборки и обеспечения деятельности разнообразных сообществ (совокупных субъектов), в том числе и в Интернете, позволяет сделать вывод, что устойчивые и эффективные сообщества предполагают обязательное наличие модераторов, функции которых понимаются, как правило, значительно более широкими, чем функции лидеров групп¹⁹.

В западной литературе принято выделять три группы обязанностей модератора: организационные, социальные и интеллектуальные. В таблице 1. представлена характеристика важности основных функций модератора сообществ в Интернет²⁰.

Характеристики важности основных функций модератора

Роль модератора	Организационные функции	Социальные функции	Интеллектуальные функции
Постановщик цели	высокая		
Дискриминатор			высокая
Хозяин	высокая		
Постановщик скорости	высокая		
Разъяснитель			высокая
Развлекатель		высокая	
Лектор		низкая	высокая
Учитель	высокая		
Помощник	высокая	высокая	высокая
Посредник	высокая		высокая
Наставник	низкая		
Ассистент			
Провокатор			высокая
Наблюдатель	низкая	низкая	низкая
Участник	низкая		

Детализация возможных действий модераторов в сообществах Интернета²¹ может быть полезной и для других типов сборки субъектов.

Одна из актуальных и приоритетных проблем сборки субъектов связана с организацией подготовки модераторов-профессионалов. К сожалению, эта проблема, поставленная нами в 1999 г., до сих пор не только не решается, но и не осознана как актуальная для российского развития.

Этические системы базовых субъектов сборки

Принципиально важно понимание различий между системами ценностей и этическими системами. Специфическая система ценностей (ценностных оценок) существует в любом обществе (культуре), независимо от отдельных индивидов. Можно выделить «универсальные», одинаковые почти во всех культурах, и «локальные», специфические для отдельных культур. Например, говорить неправду почти во всех культурах оценивается как «плохо», украсть – «плохо», помогать бедным – «хорошо».

Однако есть и другие примеры. Если мужчина уступит место женщине в общественном транспорте в США, это оценивается как «плохо», ибо может быть проинтерпретировано как подчеркивание неравенства; во Франции «плохо» не уступить места.

Через культуру происходит кодирование ценностей. Фактически существует некий «список, что такое хорошо, а что такое плохо». Это кодирование может меняться во времени, иногда весьма динамично, например, так произошло в США после трагических событий 11 сентября 2001 г.

Во всех указанных случаях мы имеем дело с *системой ценностей*. Однако сознание оперирует не только простыми оценками «хорошо» и «плохо», но также оценками комбинаций ситуаций (действий). Например, сказать правду – «хорошо», а в результате этого отправить человека в тюрьму – «плохо».

При комбинации оценок мы переходим к рассмотрению *этических систем*, другими словами, к «метакодированию» ценностей. Главный вопрос здесь связан с оценкой совмещения добра и зла. В.А.Лефевр ввел понятие и построил формальные рефлексивные модели двух этических систем²².

I: совмещение добра и зла рассматривается как «зло».

II: совмещение добра и зла рассматривается как добро («цель оправдывает средства»).

Важно отметить, что в тех сообществах, где большинство личностей негативно оценивают соединение добра и зла, предпочтение отдается тому, кто стремится к компромиссу, а в тех, где соединение добра и зла оценивается позитивно, личностям с бескомпромиссным поведением.

В отдельных культурах системы ценностей могут быть одинаковыми, а этические системы – разными. Например, по данным исследований В.А.Лефевра, проведенным в 80-х гг. прошлого столетия, сделаны выводы, что в США в те годы преобладала первая этическая система (в определенной степени это связано с формированием гражданского общества), а в СССР – вторая (что вполне соответствовало авторитарной системе управления). Сегодня отчетливо просматриваются тенденции, принципиально изменяющие сделанные Лефевром оценки. Есть основания утверждать, что действия руководства США, в основном одобряемые населением, все более соответствуют второй этической системе, что может способствовать формированию психологического кризиса у американцев, поскольку их представления о себе вступают в противоречие с реальными действиями. А в России наблюдаются проблемно принципиально иной тенденции, под влиянием многовековых традиций у населения пробуждается первая этическая система, что дает определенные основания для оптимистических прогнозов возрождения страны.

Приведенные соображения позволяют утверждать, что механизмы сборки субъектов будут принципиально отличаться при доминировании у базовых субъектов различных этических систем.

Для субъектов первой этической системы естественной является толерантность к мнениям и позициям других. Принципиально важно отметить, что это является позитивной характеристикой именно в системной организации и гармонии с другими характеристиками субъектов. Увлеченность толерантностью как автономной характеристикой может привести к негативным последствиям для субъектов (например, «стокгольмский синдром» у жертв терроризма).

Для базовых субъектов с доминирующей первой этической системой важнейшими параметрами сборки, вероятно, будут рефлексивные процессы, а также возможности непосредственного общения для осмысленного, самостоятельного включения в процессы сборки.

Для базовых субъектов с доминирующей второй этической системой важнейшими параметрами сборки, вероятно, будут общность целей, а также наличие конфликтной мотивации (например, межгрупповой, «мы – они», соревновательной активности и т. п.).

Вспомним, что в СССР такая форма мотивации широко использовалась с детского сада до глубокой старости у всех граждан. Включенность базовых субъектов в процессы сборки, как правило, носит импульсивный, скорее эмоциональный, чем рефлексивный характер.

В контексте этических систем следует серьезно задуматься о влиянии капитализма и рыночной экономики на процессы сборки субъектов и их последствия.

Межгрупповые отношения и взаимодействия

Фактор межгрупповых отношений и взаимодействий издавна широко использовался в процессах сборки субъектов, к сожалению, в основном в контексте противодействия групп «мы – они». Финансово-экономический кризис XXI в. убедительно доказал, что настало время пересмотра традиций конфликтных отношений, перехода к доминанте компромиссов и коопераций в межгрупповых отношениях и взаимодействиях. Настало время завершения победоносного развития капитализма и торжества экономических отношений в интересах узкого круга лиц. Этот фактор должен рассматриваться в контексте первой этической системы субъектов сборки и породить совокупных субъектов с доминантой этой системы.

Основания для построения дескриптивной социогуманитарной модели субъектов сборки и ее вариант

Взаимообусловленность, взаимопроникновение и взаимодействие в процессах сборки различных типов субъектов (личность, группа, организация и др.) делает актуальной проблему построения системы социогуманитарных моделей, инвариантных к типу субъектов.

Нами разрабатываются две взаимосвязанных модели: дескриптивная социогуманитарная модель субъектов сборки, вариант которой предлагается в данном разделе, и модель рефлексивно-активной среды сборки субъектов, представленной как особого рода макросубъект; такая сетевая модель основывается на предложенной нами системе онтологий взаимодействия субъектов сбор-

ки²³ и в настоящее время дорабатывается. Прототип этой модели в версии компьютеризированной среды для поддержки лиц, принимающих решения, представлен в монографии, изданной в 1998 г.²⁴

В контексте преодоления бессубъектности российского развития нами была предложена дескриптивная модель стратегических субъектов²⁵. В таблице 2 приведена структура базовых характеристик стратегических субъектов, которые согласуются с рассмотренными нами параметрами сборки.

Таблица 2

Отдельные характеристики стратегических субъектов

Аспекты	Частные признаки	Характеристики	
		Стратегические субъекты	Субъекты полярные стратегическим
Телеологический (целевой) аспект	Наличие целей	Целеустремленность	Пассивность
	Наличие общих целей	Целевая общность субъектов	Целевая разобщенность субъектов
	Социальная направленность	Социальность	Асоциальность
	Устойчивость целей	Стабильность	Джокеры
	Совпадение реализуемых и декларируемых целей	Целевая адекватность	Целевой диссонанс
Регуляционно-коммуникативный аспект	Рефлексивная регуляция деятельности и коммуникаций	Рефлексивность	Реактивность
	Доминирующие потребности	Духовные	Материальные
	Социальная ориентация	Социальная ответственность	Эгоцентризм
	Доминирующие основания при принятии решений	Морально-этические	Рациональные

	Ведущая этическая система	Первая этическая система	Вторая этическая система
	Ведущая ориентация во взаимодействиях	Коллективизм	Индивидуализм
	Ведущая форма отношений с другими субъектами	Партнерство (субъект – субъектные отношения)	Потребление (субъект – объектные отношения)
	Отношение к мнению (точке зрения) других субъектов	Толерантность	Нетерпимость
	Доминанта поведения в конфликтных ситуациях	Ориентация на компромисс	Агрессивность
	Готовность на жертву ради общего дела	Жертвенность	Эгоизм
	Свобода действий (защищенность от манипуляций)	Независимость	Зависимость
Структурный аспект	Деление на единицы	Функционально-целевая фрактальность	Функциональная разнородность

На рис. 3 представлен также вариант дескриптивной социогуманитарной модели субъектов сборки с доминирующей ориентацией на развитие²⁶.

Следует заметить, что выделенные характеристики не являются независимыми друг от друга. Поэтому предлагаемую модель можно рассматривать как конструктор, на основе которого в зависимости от традиций исследователей, специфики субъектов сборки или особенностей решаемых задач допустимы и другие виды агрегирования или декомпозиции характеристик, например, возможно введение характеристики «целостность» и др.

Особое значение имеет характеристика «рефлексивность», которая влияет на все характеристики модели. На наш взгляд, рефлексия – как саморефлексия, так и рефлексия по отношению к другим субъектам – должна стать базовой характеристикой социогуманитарной модели субъектов сборки. Последние представимы в виде

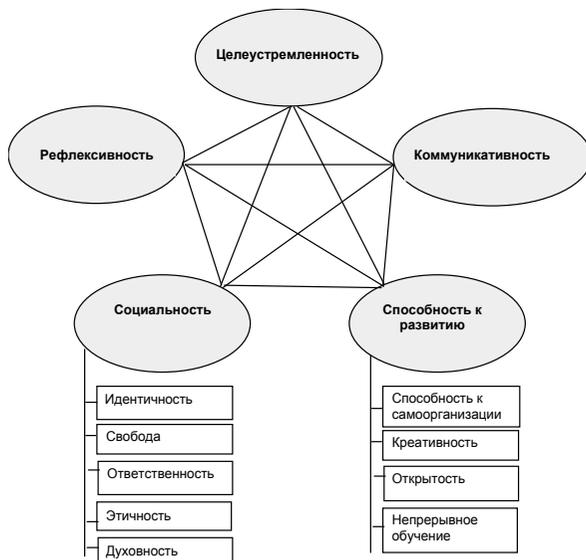

Рис. 3. Структура варианта дескриптивной социогуманитарной модели субъектов сборки, ориентированных на развитие

полисубъектных рефлексивных систем, через свое функционирование воплощающих себя как целостные рефлексивные субъекты. Именно это их свойство позволит обеспечить системную сборку на основе механизмов идентификации (самоидентификации) рефлексивных элементов и самих субъектов в целом по отношению к макросубъектам социальной среды.

Рассмотрим отдельные элементы предложенной структуры варианта дескриптивной социогуманитарной модели субъектов сборки.

Описание характеристик дескриптивной социогуманитарной модели субъектов сборки

Целеустремленные субъекты сборки

Субъекты сборки устремлены в будущее – это субъекты, которые создают его в соответствии со своими представлениями о развитии и мировоззрением. Эта характеристика присутству-

ет в любых моделях субъектов и вообще активных элементов. Целеустремленность, включая ориентацию на развитие, обеспечивает в первую очередь целостность субъектов и является их главным системообразующим признаком в качестве представителей саморазвивающихся систем.

Рефлексивные субъекты сборки

В сфере сборки субъектов требуется описывать в объективных терминах не только материальный аспект взаимодействия участников, но и субъективный. Методы объективного описания субъектов вместе с их субъективными внутренними мирами и составляют предмет рефлексивных исследований. Роль субъектов могут выполнять отдельные люди, группы, организации и целые страны; отражения связаны как с индивидуальными психологическими процессами, так и с макрокультурной перцепцией, создающей, например, у страны обобщенный образ ей самой.

Рефлексивные процессы инвариантны по отношению к различным типам субъектов: индивидам, группам, организациям, государствам, этносам, агентам с искусственным интеллектом и др., определяют структуру внутренней организации, включение во внутренние миры видения самих себя и других, а также взаимных представлений субъектов друг о друге. Рефлексивные структуры и динамика их изменения (рефлексивные процессы) на макроуровне определяют все процессы регуляции деятельности (функционирования) субъектов различных типов.

Прежде чем переходить к описанию характеристик рефлексивных субъектов инновационного развития, надо напомнить, что в системном аспекте под рефлексией можно понимать способность некоторых систем строить модели себя и других систем, а одновременно видеть себя строящими такие модели. На этом пути удастся провести конструктивные различия между знанием о себе и осознанием себя как носителя такого знания²⁷.

Для моделирования рефлексивных процессов, наряду с привычными вербальными представлениями, используются разнообразные средства: графические, специальные полиномы (многочлены), операторные и другие. Это позволяет фиксировать, анализировать и проектировать достаточно сложные рефлексивные

процессы в различных сферах социальных взаимодействий. Остро встают проблемы выявления особенностей таких процессов и возможностей воздействия на них в условиях конфликтных взаимодействий, особенно при попытках перевести эти конфликты в управляемую конфронтацию и сотрудничество.

Рефлексия субъектов инновационного развития как социальной системы формируется через ее элементы. Поскольку человек является базовым элементом любой социальной системы, то рефлексивность проявляется, в частности, в том, что и вся система, и входящий в нее человек могут быть отображены в его сознании, причем характер этого отображения влияет на его функционирование в системе.

Данный момент необходимо всемерно учитывать в ходе создания и при поддержке деятельности субъектов сборки. Предпосылкой их эффективности является то, что рефлексивные элементы потенциально могут справиться с неопределенностью порядка, лишённого традиций. Именно поэтому важнейшее значение рефлексии в деятельности субъектов развития отмечается в последние *годы и зарубежными авторами*²⁸.

Коммуникативные субъекты сборки

Сборка субъектов в значительной степени определяется соответствующей коммуникативной средой, обеспечивающей поддержку рефлексивных процессов, организацию быстрого, адекватного реагирования на динамично меняющуюся внешнюю среду. Особое значение в условиях глобализации приобретает свойство безграничности коммуникаций. Сотрудничество с субъектами развития других культур становится повседневным опытом. Рынки срастаются, цены во всем мире выравниваются, поэтому и субъекты должны кооперироваться и объединяться. Под безграничностью следует понимать также устранение внутренних барьеров между функциональными элементами субъектов сборки.

Социальность субъектов сборки

В контексте социальной ориентации субъектов сборки наиболее актуальны следующие характеристики: идентичность, свобода, социальная ответственность, этичность, духовность.

Субъекты сборки как субъект развитой идентичности. При помощи ценностей и видения можно обратиться к вопросу о смысле, активизировать в сознании человека глубинные слои и таким образом раскрыть неизведанные источники энергии. Ничто не может так мотивировать человека, как убежденность в возможности приняться за нечто, полное смысла.

Сегодня становится все более очевидной постоянно возникающая необходимость «выхода» сотрудников за рамки нормативного подхода, фактически нормой становится выход за пределы нормы²⁹. Это обосновывается следующими соображениями:

- высоким темпом обновления знаний, характерным для информационного общества, что влечет быструю сменяемость социальных структур и институтов, воплощающих это знание, типов и способов коммуникации;

- существованием многих социальных процессов в относительно небольшое время, поскольку усиливается множественность социальных реальностей и динамика их существования;

- резким усилением в условиях современной России и на всем постсоветском пространстве давления техногенной цивилизации на индивидуальное бытие человека, разрушающего установившийся баланс социальной активности и внутреннего гомеостаза индивида, ослабляющего его психическую саморегуляцию;

- усложнением естественной интеграции прошлого и будущего в единую цепь событий, которая образует индивидуальную биографию и лежит в основе личностной идентичности, и без того подверженной весьма тяжелым традиционно выделяемым кризисам;

- все более осложняющейся в современном обществе цепью социальных и технологических опосредований между действием и его результатом, что затрудняет рациональное планирование действий как на коллективном, так и на индивидуальном уровне.

Любое рациональное действие предполагает как учет его возможных последствий, так и соотнесение выбранных средств и методов с существующими в обществе нормами поведения, с коллективными представлениями о дозволенном и недозволенном, с представлениями субъекта о самом себе, о принятых на себя в прошлом обязательствах, о принадлежности к той или иной коллективной общности – с тем, что называется индивидуальной идентичностью. Проблема ее сохранения в производственной практике

обостряется. Возникает все большее число индивидов, характеризующихся «размытой идентичностью», – тех, сознание которых оказывается фрагментированным. Отсутствие единства сознания влечет за собой отсутствие целостности в производственной деятельности. Без единства сознания невозможно существование «Я».

Большое влияние на разрушение традиционных механизмов идентификации оказали процессы глобализации. Они неразрывно связаны с интеграцией мировых процессов производства и потребления, следствием чего является повышение роли субъектов мировой экономики и политики. Как следствие нарастает тенденция ограничения функциональных возможностей национальных и социальных образований, культур и религий. Все большее значение начинает иметь «проектная идентификация».

Свободные субъекты сборки. Регуляторами свободы субъектов сборки, кроме принятых в обществе нормативных ограничений для всех граждан, должно выступать добровольно выбранное мировоззрение, сложившееся в рамках осознанной ими проектной идентификации.

Важнейшим аспектом обеспечения свободы субъектов сборки является защищенность от различного рода манипулятивных воздействий, несанкционированно превращающих их из субъектов в объекты, действующие в чьих-то интересах. В этой связи в условиях нарастания влияния в современном мире скрытых субъектов управления (нетократия и др.) особое значение следует придавать специальной подготовке субъектов сборки по вопросам культуры информационной безопасности, которая обеспечивает индивидуальную и групповую защиту от манипулятивных воздействий.

Социально ответственные субъекты сборки. Лишь при наличии свободы, выводимой из единства сознания и целостности человека, возможна ответственность за поступки, которая немислима, если сознание распадается на не связанные друг с другом фрагменты, а в объеме индивидуального человеческого бытия не оказывается места для традиционных культурных реальностей. Их игнорирование приводит к бессубъектности и безответственности субъектов, культу примитивной рациональности при пренебрежении морально-нравственными аспектами принятия управленческих решений, к деформации социальных норм и др. Все эти негативные явления отчетливо проявляются в условиях современной России.

Этичность субъектов сборки. Эту характеристику мы рассмотрели в предыдущей статье в разделе о параметре сборки «Этические системы».

Духовность субъектов сборки. В условиях глобализации субъект сборки, который осознает и берет на себя ответственность за производимые им управляющие воздействия на общество, должен осознавать и их влияние на дальнейший ход эволюции в направлении к одухотворению мира. При этом важно выработать духовную общность субъектов, которая будет являться основой совместной деятельности, даст ориентиры и облегчит многие решения.

Принципиально важно высказывание о роли духовности европейского специалиста по разработке образа предприятия XXI в. Х.Гайсельхарта: «Сотрудники отделов по работе с персоналом пытались внести свой вклад в улучшение состояния предприятия через введение TQM, Reengineering, ISO и других методов. Между тем эти методы подвергаются сильной критике как модные явления. Они не выполняют того, что обещают, и исчезают так же, как и пришли. Поскольку они редко интегрированы в духовную взаимосвязь, они становятся просто скучными, потому что бездуховны»³⁰.

В целом проблема индивидуальной идентичности лиц, принимающих решения, оказывается неразрывно связана с духовностью и является ключевой в сборке субъектов.

Развивающиеся субъекты сборки

Самоорганизующийся субъект сборки. Стремление интенсифицировать сборку субъектов влечет за собой увеличение горизонтальных организационных структур, снижение формальности в отношениях субъектов, создание неформального сетевого самоорганизующегося субъекта подобного развития.

Все более популярными становятся междисциплинарные представления о мире, в котором порядок из хаоса возникает в силу естественных процессов. Такая логика предполагает, что деятельность субъектов подчинена правилам самоорганизации. В ходе организации постоянного и разнообразного общения соответствующих людей можно надеяться на достижение благоприятных результатов. Важно «прислушаться к тому, куда система

намерена двигаться»: чем больше включенных субъектов поймут, в каком направлении изменяются процессы сборки, тем быстрее будут развиваться новые формы организации³¹.

В этой синергетической трактовке процессов самоорганизации следует выделить несколько аспектов, связанных с рефлексивными процессами.

Во-первых, для контроля за последствиями самоорганизации кто-то должен с упреждением их осознать, выявить аттракторы и параметры порядка, детерминирующие этот процесс. То есть некто должен обладать упреждающей рефлексией, обеспечивающей возможность либо притормозить процессы самоорганизации, либо их стимулировать. Для социально ориентированных субъектов целесообразно, в целях обеспечения безопасности для общества последствий их деятельности, рассмотрение процессов управляемой самоорганизации.

Во-вторых, справедливо утверждение: чем больше включенных субъектов осознают направления процессов изменений, тем быстрее возникнет благотворный резонанс. Сказанное ставит задачу стимулирования рефлексивных процессов осознания естественных тенденций инновационного развития.

Перенос из естественных наук синергетических идей самоорганизации в практику инновационного развития требует переосмысления в контексте современных представлений постнеклассической науки, и сегодня делаются первые шаги в этом направлении³².

Если комплексные системы обладают растущим количеством центров управления, тогда вместо власти все больше требуется способность к модерации, к выработыванию правил совместной игры различных интересов и способность действовать интегрирующим образом.

Эта задача воспринимается при помощи систем переговоров, которые состоят из правил, делающих возможными приемлемые компромиссы. Они ориентируются на справедливый обмен, на обоюдность, на равномерное распределение расходов и выгоды совместно принятого решения или разрешения проблемы. Они требуют от каждого участника добровольного ограничения его свободы действий вследствие того, что он учитывает различные интересы других участников и воздействие на них своих собственных поступков.

Саморефлексия означает, что обнаруживается относительный характер рефлектируемых фактов, и тем самым открываются альтернативы. Саморефлексия ведет к метазнанию. Она дает

больше знания о нас самих, и понимание того, что здесь речь идет не об истинах, но о конструкциях, способствует развитию способности не теряться перед непредвиденным и расставаться с имеющимся знанием.

Саморефлексия базовых субъектов институционализируется в форме бесед, собраний, «обратной связи», рефлексивных семинаров, различных видов игр и др.

Креативные субъекты сборки. Время, в которое мы живем, характеризуется непостижимой динамикой изменений. Чтобы не отставать, требуются большие знания, ясное мышление, точная логика, умение использовать все способности и непрерывные усилия. Знание возникает быстрее, инновационные циклы становятся короче, единицы времени, в которые мы работаем, меньше. Выдающиеся достижения, требующиеся сейчас, не могут быть совершены обычными средствами, потому что каждый располагающий таковыми может использовать их так, что выделиться удастся лишь на короткое время. Достижения, которые нельзя быстро повторить, основываются на необычных идеях, сложных для имитации, подобных тем, что порождают художники. Как произведение искусства создается творческим человеком, так и выдающиеся достижения возникают благодаря креативным субъектам. Поэтому сегодня больше, чем когда-либо, нужны люди, обладающие способностями к рефлексии, к творчеству, готовые к движению в напряженности видения и мыслительной работы, интуиции и профессионального умения.

Открытые субъекты сборки. Классическое понимание открытости систем базируется на идеях венского биолога Л. фон Берталанфи. В контексте субъектов инновационного развития можно утверждать, что долговременная конкурентоспособность не достигается на основе частичной оптимизации, в пределах внутреннего рассмотрения проблем. Только выход за границы создает предпосылки для успешного и долговременного их существования. То есть проблема открытости тесно связана с проблемой границ субъектов, которую мы уже затрагивали при рассмотрении вопросов коммуникаций.

Непрерывно обучающиеся субъекты сборки. По содержанию обучение субъектов сборки будет все более смещаться с «предметно-знаниевой» на «процедурно-знаниевую» ориентацию и развитие соответствующих способностей, в первую очередь рефлексивных.

В качестве примера рассмотрим три типовых базовых вида обучения для субъектов сборки в контексте сборки предприятий³³.

Первый относится к тому, что лежит на поверхности. Это простейшее обучение, при котором речь преимущественно идет о том, чтобы приспособиться к хорошо зарекомендовавшему себя, ориентироваться на привычное. Его исходным пунктом является вопрос, как можно что-то улучшить.

Второй стремится не к относительно поверхностному изменению, а ставит под сомнение основные гипотезы, исследует контекст деятельности и предпринимает коренные изменения собственных целей. Исходным вопросом является: почему я действую так, а не иначе?

Третий вид – процесс, который сам становится темой обучения, так что можно опознать и исправить мыслительные модели. Данный вид обучения делает возможной самокритику, придает способность подвергнуть сомнению наши духовные структуры и проверить смысловую отправную точку наших действий.

В качестве ведущих отмечаются второй и третий виды обучения, которые ориентированы прежде всего на стимулирование и поддержку рефлексии субъектов сборки, на осознание и поиск путей преодоления «разрывов» в деятельности и коммуникациях.

По формам будут доминировать две: непрерывного и обучения непосредственно на рабочем месте.

В процессе производственной деятельности создается развивающая среда с учетом важности стимулирования рефлексивных способностей, она становится рефлексивно развивающей средой. В частности, богатый опыт создания такого рода учебных сред имеется в отечественной педагогике³⁴.

Выводы

Рассмотренный в статье вариант структуры сборки субъектов и анализ отдельных ее параметров позволяет сделать вывод, что в различных областях знания накоплен богатейший, но разрозненный опыт в этой области, который необходимо проанализировать и обобщить в интересах как развития науки, так и решения практических задач преодоления бессубъектности российского развития.

Предложенный вариант дескриптивной социогуманитарной модели субъектов сборки, ориентированных на развитие, согласован с введенными в предыдущей статье параметрами сборки субъектов и может использоваться как для дальнейшего развития данного класса моделей, так и для практического применения. На наш взгляд, важнейшим направлением моделирования субъектов сборки является создание моделей рефлексивно-активных сред сборки, представляемых как особого рода макросубъекты.

Примечания

- ¹ Всемирный банк опубликовал результаты исследования эффективности государственного управления за последние 10 лет в 212 странах и территориях мира. Как оказалось, Россия сегодня сравнима лишь с африканскими или островными государствами, причем по всем показателям ситуация продолжает стремительно ухудшаться. <http://www.dialog-21.ru/news/digest.asp?id=136317>
- ² Агеев А.И. Зов истории // Экономические стратегии. 2007. № 1. С. 7.
- ³ Марков М.С, Царик Ю.Ю. Концептуальная схема механизма легитимации – основа проектно-идентификационного подхода к идеологии и политическому консалтингу // Рефлексивные процессы и управление. 2007. Т. 7. № 1. С. 23–32.
- ⁴ Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М., 2005. С. 239–441.
- ⁵ Castells M. The power of identity / by Manuel Castells. 2nd ed. Information age, economy, society and culture. Vol. 2. Blackwell Publishing. 2004. P. 8–12.
- ⁶ Ленский В.Е. Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний – стратегия оздоровления общества // Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний / Под ред. А.В.Брушлинского, В.Е.Лепского. М., 1999. С. 6–23.
- ⁷ Ленский В.Е. Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России // Информационная и психологическая безопасность в СМИ / Под ред. А.И.Донцова, Я.Н.Засурского, Л.В.Матвеевой, А.И.Подольского. М., 2002. С. 19–29.
- ⁸ Четвертый технологический уклад характеризуется развитием авиации, космонавтики, транспорта, ядерной энергетики и др. Пятый уклад – в основном уровнем развития микроэлектроники. Шестой уклад – нанотехнологиями, биотехнологиями и др.
- ⁹ Из обращения Президента РФ Д.А.Медведева «Россия, вперед!»
- ¹⁰ Рефлексивно-активные модели прототипа такого рода сетей нами разрабатываются в настоящее время.
- ¹¹ Ленский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М., 1998.
- ¹² Там же.

- 13 *Лепский В.Е., Степанов А.М.* особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 2. С. 59–72.
- 14 *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М., 1973. См. также: *Лефевр В.А.* Рефлексия. М., 2003. С. 42.
- 15 *Schelling T.* The strategy of Conflict, Cambridge (Mass.), 1960.
- 16 *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М., 2009.
- 17 *Белянин А.* Томас Шеллинг, Роберт Ауман и теория интерактивных взаимодействий (Нобелевские премии 2005 года по экономике) // Вопр. экономики. 2006. № 1.
- 18 *Лепский В.Е.* Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности.
- 19 *Лепский В.Е., Пануто А.Г.* Моделирование и поддержка сообществ в Интернет. М., 1999.
- 20 *Berge Z.L.* The Role of Online Instructor/Facilitator, 1996.
- 21 *Paulsen M.* Moderating Educational Computer Conferences, 1995; *Лепский В.Е., Пануто А.Г.* Моделирование и поддержка сообществ в Интернет. М., 1999.
- 22 *Лефевр В.А.* Алгебра совести. М., 2003.
- 23 *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М., 2009.
- 24 *Лепский В.Е.* Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М., 1998.
- 25 *Лепский В.Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 5–23.
- 26 *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию.
- 27 *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М., 1968.
- 28 *Beck U.* (Hrsg.) (1996): Reflexive Modernisierung. Frankfurt am Main, Suhrkamp; *Giddens A.* (1996): Leben in einer posttraditionalen Gesellschaft // *Beck U.* (Hrsg.): Reflexive Modernisierung, Frankfurt am Main, Suhrkamp.
- 29 *Лекторский В.А.* Георгий Петрович Щедровицкий и современная философия // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П.Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Ред.-сост. Н.И.Кузнецова. М., 2004. С. 170–205; На пути к постнеклассическим концепциям управления / Под ред. В.И.Аршинова, В.Е.Лепского. М., 2005. С. 56–70. <http://www.reflexion.ru/Library/Sbornik2005.doc>
- 30 *Гейсельхарт Х.* Обучающееся предприятие в XXI в. / Пер. с нем. Н.В.Маловой. Калуга, 2004. С. 223.
- 31 *Сенге П. М., Клейнер А., Робертс Ш., Росс Р.Б., Рот Д., Смут Б.Д.* Танец перемен: новые самообучающиеся организации / Пер. с англ. М., 2003. С. 156.
- 32 *Аршинов В.И., Буров В.А., Лепский В.Е.* Навигация, рефлексивные площадки и каналы реальности постнеклассического управления обществом // На пути к постнеклассическим концепциям управления / Под ред. В.И.Аршинова, В.Е.Лепского. М., 2005. С. 56–70. <http://www.reflexion.ru/Library/Sbornik2005.doc>
- 33 *Гейсельхарт Х.* Обучающееся предприятие в XXI в. С. 54.
- 34 *Давыдов В.В.* Проблемы развивающего обучения. М., 1986.
Рубцов В.В. Основы социально-генетической психологии. М.–Воронеж, 1996.

Технологии сборки субъектов (на примерах предприятий и культовых организаций)

Анализ технологий сборки субъектов современных предприятий

Рассмотрим два принципиально различающихся примера организации эффективных механизмов сборки субъектов современных инновационных предприятий.

Первый – пример естественного формирования предприятий на основе исторически сложившейся культуры и религии. Фактически мы имеем дело со свернутыми формами общественного сознания, воплотившимися в сборке субъектов современных предприятий. Речь пойдет о типовых японских предприятиях.

Второй – пример искусственного формирования сборки субъектов конкретного предприятия на основе представлений творчески одаренного менеджера. В данном случае мы имеем дело с развернутым процессом индивидуального сознания, воплотившего свой социальный проект. Речь пойдет о фирме Дженерал Электрик, которую благодаря уникальным преобразованиям Джек Велш вывел в мировые лидеры.

Японская модель сборки субъектов предприятия

Типовая модель японского предприятия базируется на фундаменте национальной культуры и духовности, в значительной степени повторяя черты японской семьи.

В Японии механизмом управленческого контроля служит «философия», или «теория» предприятия, то есть система ценностей и убеждений, определенная в ней учредителями и воспри-

нимаемая вынуждено или добровольно персоналом. Из этой системы сотрудники предприятия в состоянии вывести безграничное число целей-заданий и конкретных средств их достижения с весьма существенной, однако, разницей: работник, самостоятельно наметивший цель и путь к ней, быстрее и правильнее внесет коррективы, если того потребует изменившаяся обстановка. И другое: два или несколько работников, разделяющих философию предприятия, выведут из нее одинаковые правила поведения при одной и той же ситуации.

Иными словами, философия предприятия обеспечивает как контроль над реакцией работников на проблему, так и координацию их усилий, исключая столкновение принимаемых работниками решений. Настойчивость, энергия, находчивость человека, которому кажется, что он действует добровольно, неизмеримо выше, чем у того, кто работает из-под вполне осязаемой палки. Руководителям не докучает мелочная опека вышестоящих менеджеров, и подобным же образом они ведут себя по отношению к нижестоящим. Данная концепция ориентирована на активного субъекта в системе хозяйствования. Каждый работник обладает видением будущего предприятия, поскольку осознает его базовые ценности в качестве социального субъекта.

Для сотрудников в силу культурных традиций естественно выступать в роли рефлексивных элементов предприятия, вместе с тем дополнительно постоянно реализуется ряд специальных программ, стимулирующих рефлексивные процессы и обеспечивающие их адекватность. Приведем несколько примеров.

Программа *«Формирования представлений о концепции предприятия»* предусматривает организацию регулярных внепроизводственных встреч сотрудников для обсуждения философии, концепции предприятия.

Программа *«Ротация кадров»*, предусматривающая периодическое перемещение сотрудников на новые рабочие места, способствует формированию у них видения предприятия с разных рефлексивных позиций, а также адекватной взаимной рефлексии субъектов разных видов производственной деятельности.

Программа *«Группы качества»* также способствует стимулированию и поддержке рефлексивных процессов в связи с производственной деятельностью.

Очевидно, что эти программы, наряду с развитием рефлексивных процессов, способствуют формированию многих других выделенных нами качеств субъектов сборки, в частности, обеспечению идентификации, коммуникации, самоорганизации и др.

В контексте организации рефлексивных процессов, ориентированных на сборку субъектов производственной деятельности, японские предприятия можно отнести к образцовым предприятиям XXI вв.. В таблице 1 приведен сравнительный анализ отдельных аспектов организации рефлексивных процессов на предприятиях XX и XXI в.

Таблица 1

Отдельные аспекты организации рефлексивных процессов на предприятиях XX и XXI в.

Аспекты	Традиционные предприятия XX века («жесткая организация»)	Предприятия XXI века («гибкая, сетевая организация»)
Ведущая ориентация на способ деятельности сотрудников	Реактивный способ деятельности	Рефлексивный способ деятельности
Субъектный аспект отношения к сотрудникам	Ориентация на превращение сотрудников из субъектов в объекты управления. Блокировка рефлексии	Ориентация на сохранение и формирование «субъектности» сотрудников, отказ от манипулирования. Стимулирование, поддержка рефлексии, развитие рефлексивных способностей
«Носители рефлексии»	Топ-менеджеры	Все сотрудники предприятия, группы, организация в целом.
Действия сотрудников в конкретных ситуациях	Ориентация на шаблонные действия в типовых ситуациях и обязательное обращение к помощи руководителей в нестандартных ситуациях	Ориентация на самостоятельные действия, стимулирование креативности и рефлексии

Коммуникация «носителей рефлексии»	Формальное общение. Высокая степень опосредственности общения	Гибкое сочетание формального и неформального общения. Гибкое сочетание форм общения
Коммуникация «носителей рефлексии» и «носителей властных полномочий»	Совмещение «носителей рефлексии» и «носителей властных полномочий»	Создание условий для реального влияния «носителей рефлексии» на «носителей властных полномочий»
Координация действий подразделений и сотрудников предприятия	На основе должностных инструкций	На основе формирования у сотрудников взаимных адекватных рефлексивных представлений, а также рефлексивных позиций предприятия и подразделений как социальных субъектов
Базовые знания	Предметные	Процедурные, в том числе рефлексивные технологии
Стимулирование и поддержка рефлексивных процессов у сотрудников предприятия	Недооценка данного аспекта	Многообразие мероприятий и программ ориентированных на стимулирование и поддержку рефлексивных процессов у сотрудников предприятия
Создание условий для развития рефлексивных способностей «носителей рефлексии»	Недооценка данного аспекта	Предприятие как рефлексивно развивающая среда

Как показывают исследования, рефлексивность субъектов зависит от многих факторов, одним из которых является рефлексивная культура. Известные концептуальные представления о личности руководителя, её структуре и качествах могут быть интерпретированы как качества преимущественно реактивного или

рефлексивного субъекта. Мы можем назвать их субъектами реактивной и рефлексивной доминант. Этим типам соответствуют определённые особенности менталитета и делового поведения.

В первом варианте, при неразвитой или заблокированной рефлексии, когда субъектность руководителя снижена, он становится объектом информационных и иных воздействий. В таких случаях его рефлексивные процессы протекают стихийно, неорганизованно, и результат рефлексии в виде «счастливых озарений» случаен. Наиболее важные события не столько творятся таким руководителем, сколько случаются с ним. В психологическом плане это связано с неразвитой способностью к динамическому моделированию и построению многовариантной информационной картины производственных (управленческих) процессов. Это в значительной мере определяется неспособностью руководителя принимать адекватные решения.

Во втором случае мы можем говорить о том, что руководитель в своей деятельности преимущественно использует рефлексивные стратегии. Он в максимально возможной мере субъектен, способен к системному построению стратегии своей деятельности и может ясно осознавать, чётко формулировать и внятно озвучивать свои интересы.

Таким образом, современный характер деятельности руководителя, представляя собой деловую активность меняющегося субъекта власти в динамичной социальной среде, предъявляет исключительно высокие требования к его рефлексивной культуре.

Последнюю можно определить как систему способов организации рефлексии, построенных на основе интеллектуальных и ценностных критериев. Она включает в себя следующее: способность и готовность действовать в ситуациях с высокой степенью неопределенности, гибкость в принятии решений, постоянную готовность к поиску путей решения творческих задач в кризисных ситуациях деятельности, способность переосмысливать стереотипы своего опыта, возможность реализовать личностные, коммуникативные и интеллектуальные свойства адекватно ситуации. Сфера бизнеса – одно из наиболее подходящих пространств для реализации ценностей подобной культуры.

Рефлексия позволяет не только решать критические ситуации, но и обеспечивает коррекцию норм инновационной деятель-

ности. Поэтому ведущая ее функция – преодоление затруднения в деятельности через развитие самой деятельности. Важным признаком развития рефлексивной культуры субъекта является гармоничность различных её аспектов. Под этим понимается не только наличие доминирующей направленности рефлексии, которая не подавляет, а стимулирует проявление других рефлексивных содержаний, важных для конструктивной личностной реализации, но и лёгкость переключения с одного типа рефлексивных проявлений на другой. Гармоничное взаимодействие разных уровней рефлексии способствует формированию его адекватного поведения в кризисных ситуациях.

В качестве иллюстративного примера на рис. 1. приведена авторская оценка обобщенных образов российских и японских предприятий.

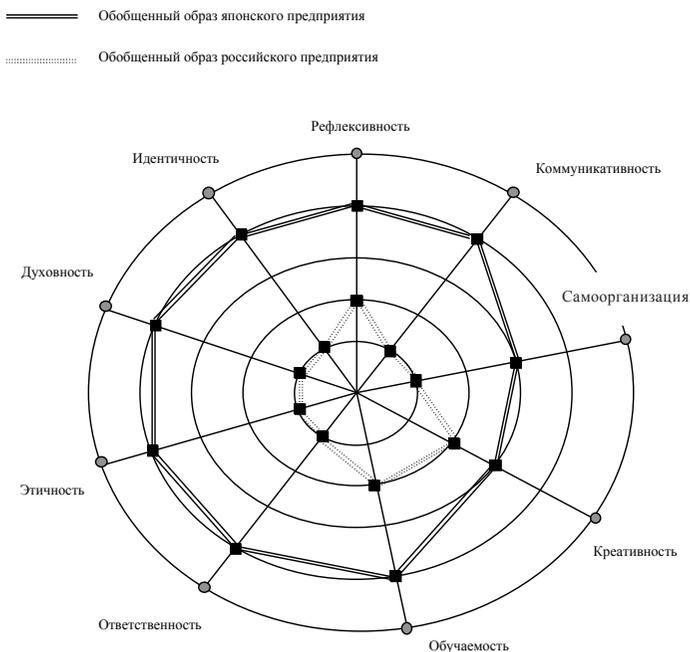

Рис. 1. Ориентировочное сравнение обобщенных образов российского и японского предприятий

Приведенная оценка, если принять ее качественную адекватность, позволяет выявить основные направления развития российских предприятий как совокупных субъектов сборки и одновременно заставляет задуматься об их конкурентности в XXI в., а также о необходимости учета этих аспектов.

Изменения в социальном окружении предприятий в XXI в. становятся все более фундаментальными, поэтому и способность их к изменениям должна быть глубинной и масштабной. Доминирование экономического подхода к организации предприятий становится неадекватным, в центре внимания все в большей степени оказываются представления таковых как совокупных субъектов сборки, ориентированных на развитие.

В качестве ведущих параметров сборки субъектов в рассмотренном примере следует выделить такие: общность ценностей, общность культуры, проектная идентификация, рефлексивные процессы (стимулирование и поддержка рефлексии), непосредственность общения, этические системы (первая этическая система), пространство доверия. В центре внимания оказываются такие характеристики субъектов сборки, как идентичность, рефлексивность, коммуникативность, способность к развитию.

Сборка субъектов фирмы Дженерал Электрик

Одно из крупнейших и динамично развивающихся предприятий мира Дженерал Электрик является ярким примером прототипа эталонного совокупного субъекта сборки, ориентированного на динамичное развитие. Дж. Велшу удалось фундаментальное преобразование этого бывшего прежде неповоротливым предприятия, его методам подражают во всем мире.

С 1993 г. Дженерал Электрик является «номером 1» относительно рыночной стоимости в Соединенных Штатах. С марта 1998 г. размер капитала предприятия достиг 250 миллиардов долларов. В конце 2000 г. Дженерал Электрик действует примерно в десяти различных группах производств – от авиационных двигателей, медицинских приборов, энергии, лизинга самолетов, финансовых услуг, информатики до бытовых электроприборов.

Рассмотрим мнения Дж. Велша о реализации многих из выделенных нами качеств субъектов и использовании разнообразных параметров сборки.

Высокий уровень рефлексивности обеспечивается за счет мотивации сотрудников, их непосредственного включения в сверхзадачи, создания уверенности в возможности воздействовать на принимаемые решения. В центре внимания всех сотрудников – осознание стратегического видения фирмы, ориентиров развития.

Стимулирование рефлексии всех сотрудников для решения сверхзадач (Stretch-концепция) может быть реализовано в рамках Дженерал Электрик. Однако потом «нужно посмотреть выше, еще выше – на цели вверху, которые, как кажется, находятся вне всяких пределов досягаемости, достичь которых можно лишь с нечеловеческими усилиями»¹. Постановка сверхзадач – фирменный стиль Дженерал Электрик. «Не довольствуйтесь автоматически вторым местом, если Вы можете достичь большего! Хватайте звезды»².

На стимулирование рефлексии каждого сотрудника, на критический анализ и развитие своей производственной деятельности направлена программа «work-out». Она должна сформировать у сотрудников чувство, что будущее предприятия зависит от каждого лично. В рамках программы сотрудникам были переданы права вносить собственные идеи для решения возникающих проблем.

Стимулированию и обеспечению адекватной рефлексии способствует и создание прозрачных производственных структур.

Коммуникативные процессы занимают также достойное место в организации предприятия. Мечтой Велша является безграничное предприятие, для которого глобализация является уже не целью, а заповедью. Он говорит, что рынки открываются, географические границы размываются и теряют значение. Поэтому нужно уничтожать географические границы и для сотрудников. «Наши сотрудники должны одинаково хорошо чувствовать себя в Дели и в Сеуле, как и в Лоунсвилле или Шенектади»³. Безграничное предприятие – это девиз в организации коммуникаций сотрудников.

Под безграничностью Велш имеет в виду также уничтожение внутренних барьеров. Он говорит о стенах между функциональными подразделениями, о границах между поставщиками и предприятием, между предприятием и его клиентами. «Каждая из этих границ представляет собой сопротивление, которое замедляет ход процессов на предприятии. Процесс осуществления всех этих функций может быть таким длительным и сложным, что при определенных обстоятельствах организации приходится концентриро-

ваться только на самой себе и своих внутренних процессах, и она терпит неудачу в осуществлении своей собственной миссии – удовлетворения клиента»⁴.

Преодоление географических и культурных границ, устранение барьеров в коммуникации и сотрудничестве на предприятии, с клиентами и поставщиками Велш называет «безграничным менеджментом». Он постоянно подчеркивает: кто хочет работать в Джeneral Электрик, тот должен примерять к себе критерии «безграничного менеджмента». Получающему по ним плохие оценки нужно довольно быстро присмотреть себе другого работодателя. Огромное значение, которое Велш придает безграничности, становится ясным из следующей цитаты: «Безграничность – это язык, культура, душа действительно глобального предприятия. Безграничность пробивает себе дорогу через географические расстояния, государственные границы, языковые различия и иностранную валюту и объединяет людей всех культур»⁵.

Велш постоянно анализирует чужой опыт и не колеблется при этом перенимать чужие идеи, если он полагает, что это может продвинуть Джeneral Электрик вперед, тем самым реальными действиями формируя образ открытого предприятия.

Вопросы **идентичности** также оказываются в центре внимания руководства предприятия. Существуют два ключевых понятия, к которым Велш возвращается постоянно и которые имеют основополагающее значение для его понимания руководства предприятием: ценности и видение. «Мы руководим теперь посредством не цифр, а ценностей, которые претворяем в поведение. Если ценности верны, то результат в итоге тоже будет верен. Мы поняли, что достигнем намного большего, если будем управлять посредством ценностей, а не посредством результатов деятельности за квартал»⁶. Велш убежден в том, что предприятие действительно необходимы ценности и что оно живет идеями. О самом себе он говорит: «Моя работа состоит в том, чтобы раздобывать, усиливать и распространять на предприятии идеи со скоростью света»⁷. От менеджера он требует, чтобы тот «умел сообщать видение своего предприятия», чтобы он был кем-то, «кто может сообщить всей организации смысл и цель предприятия и непоколебимо заботиться о том, чтобы эти перспективы с успехом реализовывались»⁸.

Развивающееся предприятие. Дженерал Электрик – образец неформального сетевого предприятия. Велш подчеркивает, обращаясь к своим менеджерам: «Мир быстро меняется. Мы не можем позволить себе растрачивать время на бюрократические вещи. Дженерал Электрик – это неформальное предприятие. Мы доверяем друг другу»⁹. Он призывает менеджеров решать стоящие перед ними задачи так, чтобы при этом они вырабатывали видение будущего, и заботиться о том, чтобы их сотрудники превращали это видение в свое собственное.

На 35 % было сокращение персонала, уменьшение числа уровней руководства с 29 до шести, а 350 участков были объединены в двенадцать подразделений. Эти мероприятия способствовали формированию комплексного предприятия.

Сокращение числа иерархических уровней Велш назвал также «креативной деструкцией» и позаботился о том, чтобы по возможности больше сотрудников участвовали в процессах принятия решений на предприятии. Он постоянно приглашает простых сотрудников даже на заседания Корпоративного Исполнительного комитета. Велш хочет слышать, что происходит «внизу».

Креативная трактовка производительности предприятия, по Велшу, такова: «Производительность – это убежденность, что существуют неограниченные возможности для того, чтобы улучшить все и каждое». Или в другом месте: «Мы черпаем из океана креативности, страсти и энергии, который, насколько видит глаз, не обнаруживает ни дна, ни берегов»¹⁰.

О крупных руководителях предприятия он говорит: «Их важнейшая задача состоит в том, чтобы поддерживать своих сотрудников в их развитии и давать им возможность реализовать свои мечты»¹¹.

Велш описывает Дженерал Электрик как обучающееся предприятие: «Дженерал Электрик является котлом, в котором кипят идеи и процессы обучения, с десятками тысяч обучающихся, попеременно выполняющих роли обучающихся и обучающихся»¹². В другом месте он говорит: «Эта безграничная культура обучения покончила с мнением, что делаемое в Дженерал Электрик является единственным или вообще наилучшим методом. Сегодня мы исходим во всем, что делаем, из того, что где-то у кого-нибудь есть идея еще лучше; и мы тотчас же чувствуем себя обязанными выяснить, у кого эта лучшая идея, как мы можем получить ее – и притом быстро»¹³.

Многообразие культур во всемирном предприятии Дженерал Электрик понимается как шанс для процессов обучения, результатом которых могут стать идеи совершенно нового качества. В своей речи 23 апреля 1997 г. на общем годовом собрании акционеров Дженерал Электрик в г. Шарлотт, Северная Каролина, Велш подчеркивал: «Отличает Дженерал Электрик от других культура, использующая это большое многообразие как источник для возможности обучения, как накопитель хороших идей, которым нет ничего равного в мире по богатству и широте»¹⁴.

В качестве ведущих параметров сборки субъектов в рассмотренном примере следует выделить следующие: общность ценностей, проектная идентификация, рефлексивные процессы (стимулирование и поддержка рефлексии), непосредственность и неформальность общения, этические системы, пространство доверия. В центре внимания оказываются такие характеристики субъектов сборки, как рефлексивность, свобода, способность к развитию, креативность, обучаемость.

Анализ технологий сборки субъектов в культовых организациях

История человечества накопила богатейший опыт эффективных технологий сборки субъектов на основе разнообразных культов, и не только религиозных. Этот опыт и сегодня широко используется для создания разнообразных культовых организаций (религиозных, образовательных, психотерапевтических и др.), в политических избирательных кампаниях и т. п. Технологии сборки субъектов весьма эффективны, а результаты весьма плачевны как для базовых субъектов, так и для общества в целом¹⁵.

Начиная с 1970-х гг., в обществе все более широко поддерживается точка зрения, что некоторые секты (религиозные культы), получившие название тоталитарных, представляют собой общественное зло. Лидерам этих культов и их агентам влияния предъявляется обвинение в «управлении человеческой психикой».

Религиозные культы указанных сект получили наибольшую известность, однако на сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что любая область человеческой деятельности – религия,

педагогика и просвещение, политика, досуг и хобби, психотерапия, производство и бизнес и т. д. – дает свои образцы культовых групп или движений.

Приведем одно из современных определений культа¹⁶.

«Култ является группой или движением, которое в значительной степени

– демонстрирует громадную или чрезвычайную преданность какой-либо личности, идее или вещи;

– использует реформирующую мышление программу, чтобы убеждать, контролировать и подготавливать к жизни в коллективе (т. е. интегрировать их в групповую уникальную модель отношений, верований, ценностей и практики);

– систематически стимулирует состояния психологической зависимости у членов;

– эксплуатирует членов для достижения успеха в целях лидеров и

– причиняет психологический вред членам, их семьям и обществу».

Попытки правового регулирования деятельности тоталитарных сект (запрет, ограничение и др.) наталкиваются на большие трудности. Вопреки распространенным мифам, вокруг поселений сектантов вы не найдете ни колючей проволоки, ни вооруженной охраны. Часто в этих культах отсутствует харизматический лидер, чьи чары заставляли бы молодежь менять образ жизни. Более того, в ряде случаев члены секты практически лишены возможности личного контакта с лидером (например, Церковь объединения, «мунисты»). При этом новообращенные члены сект ничем не напоминают зомби. Практически не используется массовый гипноз. В действительности методы психологического воздействия, с помощью которых происходит стремительное и долговременное обращение в новую веру, – это нормальные методы психологического воздействия, позволяющие достигать высокой эффективности за счет их комбинированного использования и применения к людям с ослабленными или несформированными социальными связями.

Негативность для личности и общества деятельности сект, видимо, следует искать не в проявлении отдельных признаков или использовании отдельных методов, а в целом, в комплексных технологиях, ими используемых. Это позволит более обоснованно представить направленность подобной деятельности на

ограничение свободы личности и формирование у нее особого рода психосоциальной зависимости от сект. Такой подход может создать предпосылки для рассмотрения психосоциальной зависимости от сект как синдрома особого рода болезни аналогично тому, как предпринимаются попытки введения понятия синдрома «киберзависимости».

Актуальность проблемы определяется также тем, что психотехнологии, сформированные в культовых организациях, все более широко начинают использоваться в интересах отдельных лиц и групп в ущерб интересам общества. Особенно ярко это проявляется в политическом PR, информационно-психологических войнах, международном терроризме¹⁷.

На примере так называемых тоталитарных сект рассмотрим обобщенное целостное представление методов психологического воздействия, используемых в культовых организациях, и соответственно механизмы сборки совокупного субъекта последних.

Главной целью любой тоталитарной секты является навязывание ее членам формы жизнедеятельности, считающейся нормой для последователей определенного религиозного культа. Только в таком случае достижимы беспрекословное подчинение и организация традиционных для тоталитарных сект форм бизнеса. Рассмотрим базовые рефлексивные технологии, реализуемые в контексте схемы управления формой жизнедеятельности в сектах.

В психологии выделяется два способа существования человека как субъекта жизни (жизнедеятельности)¹⁸. Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек; его можно назвать «реактивный» способ существования. Второй связан с появлением рефлексии. Сознание выступает как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней («рефлексивный» способ существования).

С учетом двух способов существования человека как субъекта жизни рассмотрим два крайних, с точки зрения блага и зла для общества, варианта организации перехода человека на новую форму жизнедеятельности. При этом будем исходить из того, что в этих процессах активно участвуют лица, содействующие переходу (управляющим) конкретного человека на новую форму жизнедеятельности.

Вариант 1. «Схема развития». В общих чертах включает следующие процедуры:

– *«Разрыв ранее сложившейся жизнедеятельности»* – состояния готовности к принятию ее новых форм. Человек или сам приходит к осознанию того, что надо что-то менять и как-то жить иначе, или ему оказывают в этом помощь.

– *«Актуализация рефлексии»* как единственной возможности самому создать, осознанно выбрать новую форму жизнедеятельности, а также организовать процесс перехода к ней. Помощь извне в данной процедуре крайне важна, ибо совершить, как иногда говорят, «рефлексивный выход» за пределы своей жизнедеятельности, сделать ее объектом исследования и соотнести с новой формой – весьма сложные процессы, требующие иных, чем для осуществления рутинной жизни, методов и средств.

– *«Рефлексивная кооперация»* – поддержка человека, совершившего «рефлексивный выход» за пределы сложившейся жизнедеятельности в новую позицию. Такого рода помощь определяет основу современных представлений гуманистической психологии. В этих подходах ведущая ориентация – обеспечение свободы личности, а не «навязывание» человеку внешних советов и рекомендаций.

При использовании «схемы развития» человек является подлинным субъектом развития своей жизнедеятельности; он развивается, ибо процедура актуализации рефлексии либо провоцирует переход с реактивного способа жизнедеятельности на рефлексивный, либо закрепляет последний, оснащая человека новыми средствами более эффективной работы. Можно утверждать, что «схема развития» является благом для общества и максимально ориентирует на свободную развивающуюся личность.

Вариант 2. «Схема рефлексивного программирования». В общих чертах включает следующие процедуры:

– *«Разрыв ранее сложившейся жизнедеятельности»* (аналогично Варианту 1).

– *«Рефлексивная блокада»* – блокировка «не санкционированных» кем-то рефлексивных процессов, фактически лишение человека возможности самостоятельно осуществлять осознанное создание или выбор новой формы жизнедеятельности.

– «Социальная изоляция» – блокировка «не санкционированных» кем-то информационно-психологических воздействий социального окружения, фактически лишение возможности влияния на процессы создания или выбора новой формы жизнедеятельности ближайшего социального окружения человека (семьи, друзей, коллег и др.).

– «Рефлексивное программирование» – навязывание человеку заранее predetermined кем-то представлений, точек зрения, позиций, мнений и других психических образований с целью сформировать осознанное принятие предлагаемой нормы жизнедеятельности. Этот «кто-то» – руководитель секты или авторитетный наставник – ставит целью достижение полного контроля над сознанием.

Существенные различия в ориентации схем развития и рефлексивного программирования иллюстрируются в таблице 2.

Таблица 2

Принципиальные различия схемы развития и схемы рефлексивного программирования

Аспекты сравнения	Схема развития	Схема рефлексивного программирования
Ориентация на способ жизнедеятельности человека	Ориентация на рефлексивный способ жизнедеятельности человека	Ориентация на реактивный способ жизнедеятельности человека
Отношение к субъекту	Ориентация на сохранение и формирование «субъектности» человека, отказ от манипулирования человеком Доминанта индивидуального субъекта над групповым субъектом	Ориентация на превращение субъекта в объект управления Ведущая роль социализации к нормам сект Доминанта группового субъекта над индивидуальным субъектом

Действия в конкретных ситуациях жизнедеятельности	Ориентация на самостоятельные действия в любых ситуациях жизнедеятельности (проблемный подход)	Ориентация на шаблонные (заранее предписанные) действия в типовых ситуациях жизнедеятельности и обязательное обращение к помощи ведущих представителей сект в нестандартных ситуациях
Ведущая направленность психологических воздействий	Стимулирование и поддержка рефлексивных процессов Гибкая, «горизонтальная»	Блокировка рефлексии; блокировка социальных контактов (вне секты); рефлексивное программирование, процесс обучения, усвоения идей строится на эмоциональном принятии без критического анализа Жесткая, «вертикальная» иерархическая структура управления Предметные
Структура управления	Структура управления	
Базовые знания	Процедурные	Обучение знаниям, навыкам и умениям для использования нормативных представлений и методов сект
Подготовка субъектов к жизнедеятельности	Формирование базовых качеств для самостоятельной организации своей жизнедеятельности	

При использовании «схемы рефлексивного программирования» человек превращается в объект управления. Процедуры «рефлексивной блокады», «социальной изоляции» и «рефлексивного программирования» способствуют закреплению «реактивного способа жизнедеятельности» и никоим образом не способ-

ствуют развитию личности. Эти процедуры явно ограничивают свободу личности. Можно утверждать, что «схема рефлексивного программирования» является злом для общества и максимально ориентирована на превращение человека в робота.

В тоталитарных сектах используется исключительно «Схема рефлексивного программирования», это утверждение обосновано нами путем анализа используемых в сектах методов психологического воздействия, обеспечивающих все выделенные в данной схеме процедуры¹⁹.

В качестве ведущих параметров сборки субъектов в рассмотренном примере следует выделить следующие: общность ценностей (культы), рефлексивные процессы (блокировка рефлексии и рефлексивное программирование), коммуникативные процессы (блокировка социальных связей), этические системы (вторая этическая система), межгрупповые отношения (свой – чужой). В центре внимания оказываются такие характеристики субъектов сборки, как рефлексивность (блокировка), свобода (ограничение, жесткое нормирование).

Примечания

- ¹ Slater R. Jack Welch: Wer fuhr, muss nicht managen. Landsberg/Lech, Verlag Moderne Industrie. 1999. P. 221.
- ² Ibid. P. 232.
- ³ Ibid. P. 170.
- ⁴ Lowe J. Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies, Landsberg/Lech, Verlag Moderne Industrie. 1999. P. 176.
- ⁵ Ibid. P. 170.
- ⁶ Linden F. A., Kade, W. Viel Spab: Gespraeh mil Jack Welch // Managermagazin. 8. S. 37–46.
- ⁷ Lowe J. Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies, Landsberg/Lech, Verlag Moderne Industrie. 1999. P. 96.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Slater R. Jack Welch: Wer fuhr, muss nicht managen, Lands-berg/Lech, Verlag Modcme Industrie. 1999. P. 49.
- ¹⁰ Lowe J. Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies, Landsberg/Lech, Verlag Moderne Industrie. 1999. P. 133.
- ¹¹ Slater R. Jack Welch: Wer fiihrt, muss nicht managen, Landsberg/Lech, Verlag Modern Industrie. 1999. P. 346.
- ¹² Lowe J. Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies, Landsberg/Lech, Verlag Moderne Industrie. 1999. S. 71.

- ¹³ *Lowe J.* Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies, Landsberg/Lech, Verlag Moderne Industrie. 1999. P. 177.
- ¹⁴ *Slater R.* Jack Welch: Wer führt, muss nicht managen, Landsberg/Lech, Verlag Modern Industrie. 1999. P. 24.
- ¹⁵ *Лепский В.Е., Степанов А.М.* Особенности рефлексивных процессов в культурных организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59–72. http://www.reflexion.ru/Library/I2002_2.pdf
- ¹⁶ *Singer M.T., Ofshe R.* Thought reform programs and the production of psychiatric casualties. *Psychiatric Annals*, 1990; *Русакова Е.Л.* Зависимость и подчинение авторитету: варианты моделей // Модели мира. М., 1997. С. 207–226.
- ¹⁷ *Емельянов Г.В., Лепский В.Е., Стрельцов А.А.* Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3. С. 47–51.
- ¹⁸ *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 253–381.
- ¹⁹ *Лепский В.Е., Степанов А.М.* Особенности рефлексивных процессов в культурных организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59–72. http://www.reflexion.ru/Library/I2002_2.pdf

В.Г. Марача

Методологическая схематизация как «логика» рефлексии и «сборки» субъектов развития*

Для начала следует различить *два жанра разговора*: один, который можно условно назвать «организационно-управленческим», – это когда мы анализируем ситуацию, выявляем проблемы и ищем управленческие решения; другой – «философско-методологический». Поднимаемая тема касается как раз философско-методологических проблем управления и инновационного развития, в частности, «сборки» стратегических субъектов.

Почему об этом нужен философский разговор? А.И.Кузнецов со ссылкой на В.Франкла указывал, что инновационный прорыв требует от субъекта решения метафизических проблем¹, т. е. *трансценденции*. Что такое трансценденция? Это выход за пределы нашего наличного бытия, за границы привычного опыта. Подобная ситуация предполагает именно философский разговор.

Это и в управленческом плане достаточно понятно на примере различения, с одной стороны, краткосрочного и среднесрочного и, с другой стороны, долгосрочного планирования.

В первом случае мы по сути занимаемся *тактикой* и можем продолжать тенденции существующей ситуации, пытаемся что-то подправить или улучшить за счет принятия грамотных организационно-управленческих решений.

---

* Статья написана на основе доклада на Круглом столе VII Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» 16 октября 2009 г.

Второй случай – это *стратегическое* планирование, которое требует принципиального «заброса» нашего понимания и размышления вперед и выработки такого образа будущего, которого еще нет в существующей ситуации и в нашем личном опыте.

Если вести философский и стратегический разговор об основаниях «сборки» стратегических субъектов и предпосылках инновационной деятельности, то, с моей точки зрения, речь может идти о *трех типах технологий*.

Первый тип – это *организационно-управленческие и институциональные технологии*, о них сегодня говорил А.С.Барыкин² и А.А.Денисов.

Второй тип, лежащий в основаниях «сборки» субъектов, – это *коммуникационные технологии*, данный сюжет затрагивал В.А.Буров.

Все сказанное ими было применительно к нашим целям совершенно справедливо, и эти два типа технологий следует иметь в виду.

Но я бы хотел акцентировать внимание на том, что существует еще третий тип – *технологии мышления*. И я, как человек, представляющий методологическую школу Г.П.Щедровицкого, хотел бы обсудить вопрос о том, какого типа мышление необходимые задачи «сборки» стратегических субъектов³.

Понятно, что *«сборка» стратегических субъектов требует работы с разнородными позициями, с совершенно разными типами знаний, парадигмами и способами мышления*. В качестве примера можно привести набор – причем минимальный! – стратегических субъектов, который требуется для решения задачи «сборки» в рамках регионального стратегирования. И уже этот перечень достаточно впечатляющий⁴. Но регион – это еще недостаточно «полный» субъект, у него отсутствует целый ряд полномочий, которые необходимы для развития страны. И если мы возьмемся за решение задачи формирования стратегического субъекта развития страны, то нужно решать еще более сложные и комплексные проблемы.

Рассмотрим задачу развития инновационной деятельности, даже в отвлечении от сложностей, связанных с инновациями в государственном и муниципальном управлении, ограничившись обычными инновациями на уровне микроэкономики, на уровне отдельного бизнес-проекта. Какой набор субъектов нужно соединить для того, чтобы такая инновация «пошла»?

Во-первых, нужно выполнить фундаментальное научное исследование, или во всяком случае должны быть некие исходные фундаментальные знания, на базе которых осуществляется инновационная деятельность.

Во-вторых, должно быть осуществлено некое прикладное исследование.

В-третьих, на этой основе должна быть выполнена инженерная разработка, в результате которой создается новый образец – изделие, материал и т. п.

В-четвертых, эта разработка должна быть превращена в бизнес-проект.

В-пятых, под этот бизнес-проект, а лучше в процессе его разработки должны быть найдены рынки – то есть там еще маркетолог будет присутствовать; в-шестых, инвестор, в-седьмых, местные власти, которые предоставляют инвестиционную площадку, в-восьмых, естественные монополии, которые обеспечивают инфраструктуру.

Вот сколько получается разнородных субъектов, и у всех не только разные интересы, но и совершенно разные парадигмы мышления, языки и т. д. Когда говорят, что проблема с инновациями упирается в менеджмент, то говорят-то совершенно верно, но понимается это упрощенно: будто нужно ученых или разработчиков опытных образцов научить писать бизнес-планы, общаться с инвесторами и т. д. Это очень упрощенная трактовка. На деле же тот, кого мы называем «инновационным менеджером», должен осуществить со-организацию всего этого набора субъектов в некоторый единый бизнес-процесс, который и называется «инновационной деятельностью».

По сути получается, что *«инновационный менеджер» – это как раз тот человек, который осуществляет «сборку», но на локальном уровне своего инновационного проекта. И опять-таки, возникает вопрос: каким типом мышления нужно для этого обладать?*

Г.П.Щедровицкий, будучи в течение более сорока лет лидером Московского методологического кружка, решал одну основную задачу. У него было много программ в самых разных областях, но одна задача, с моей точки зрения, была основной: формирование методологического мышления, которое, с его точки зрения, претендовало на то качество универсальности, которое позволяет осуществлять такие «сборки» и решать комплексные проблемы.

То, что такая претензия была небеспочвенна, доказывает многолетняя практика организационно-деятельностных игр (ОДИ), которые выступают организационной технологией решения комплексных проблем полипрофессиональными коллективами с задействованием методологического мышления⁵. Вот почему я здесь говорю именно о последнем в силу его претензии на такие вот качества⁶.

Если обратиться к истории, то первоначально на роль универсального претендовало философское мышление. Многие из существующих сегодня весьма полезных и эффективных типов мышления: научное, юридическое, еще целый ряд других – сформировались в недрах философского мышления, потом выделившись в качестве самостоятельных. А философия в течение долгого времени претендовала на роль своего рода «царицы наук», обеспечивавшей со-организацию всего этого в рамках единой картины мира. Но, к сожалению, те времена давно остались в прошлом.

В XIX в. на функцию всеобщности и универсальности претендовала наука. Но опять-таки, как мы знаем, в XX в., во времена научно-технического прогресса, наука подверглась специализации, дисциплинарному дроблению, и научное мышление сейчас таких функций тоже не выполняет. Наоборот, по отношению к нему еще нужно выполнять процедуру «сборки» между знаниями из разных дисциплин. И вот эта проблемная ситуация, когда универсальное мышление и единая картина мира отсутствуют, стала предпосылкой самой постановки задачи построения нового типа мышления, который бы эти функции выполнял. Г.П.Щедровицкий называл его «методологическим», хотя, возможно, кто-то здесь придумает что-то другое.

В каком отношении эта задача находится к рефлексивным проблемам? Элементарный анализ показывает, что если это новый тип мышления, то он должен обладать своей особой логикой. А какой логикой должно обладать мышление, претендующие на охват и со-организацию других типов? Очевидно, что если это мышление, «надстраивающееся» над другими типами, то это рефлексивное. И, соответственно, Г.П.Щедровицкий говорил, что логика методологического мышления – это логика рефлексии.

Традиционно принято считать, что рефлексия не имеет собственных форм, во всяком случае на обыденном уровне. Именно поэтому она – рефлексия, а не мышление, не понимание и не что-то еще.

Но помимо обыденной рефлексии, рефлексивный характер имеет также философское мышление, здесь формами рефлексии выступают понятийно-категориальные формы. Это вещь чрезвычайно важная, но можем ли мы утверждать, что логика рефлексии это есть логика философского мышления? Строго говоря, не можем. Поскольку если философскую рефлексию понимать в соответствии с классическим определением Дж. Локка как «обращение сознания на самое себя», то здесь идет речь об индивидуальном сознании, а в интересующем нас случае рефлексии должно подвергаться не индивидуальное сознание, а структуры сложной профессионально-кооперированной (то есть коллективной!) деятельности. Такое расширение понятия является особенностью методологического типа рефлексии⁷. Именно методологическая рефлексия сложной кооперированной (в общем случае коллективно-распределенной) деятельности и должна оформляться в виде «логики рефлексии», порождая методологическое мышление как новый тип рефлексивного мышления.

Несколько ближе к такому представлению о «логике рефлексии» подходит философская логика диалектических рассуждений – в той мере, в какой последние подразумевают и снимают ситуации реального спора двух или более участников. Собственно говоря, практика методологических семинаров, а затем и практика ОДИ опиралась на такие диалектические рассуждения и была их расширением. Но чтобы отсюда действительно получилась «логика» рефлексии, пришлось добавить еще два элемента, которых в философском мышлении не было. Первый – это пространственная организация мышления, второй – схематизация⁸.

На пространственную организацию мышления указал А.И.Кузнецов⁹, когда проводил аналогию между метафизическим усмотрением сущностей и распознаванием образов. За синтетической функцией сознания стоят некие пространственные представления. Но они – и это мой последний тезис – не могут быть образами, поскольку у нас тогда не получится логики. А логика требует структурности. И я утверждаю, что пространственные представления, которые являются формой «логики» рефлексии, – это методологические схемы.

Когда мы рисуем схемы (в строгом смысле этого слова), то задаем логический каркас для нашей рефлексии, которая затем позволяет нам со-организовывать разные позиции, сопоставлять основания

и делать разные другие интересные вещи с гетерогенными структурами, в отличие, например, от научной теории, которая должна положить некоторую однородную структуру, то есть привести всё к общему знаменателю. *Сила схем – и этим очень эффективно пользуются не только методологи, но и инженеры – заключается в том, что с их помощью мы можем соединять разнородное.*

Когда мы говорим о со-организации субъектов с помощью технологии мышления в некую сеть, выигрывает ли она всегда перед отдельным человеком, к примеру, если десять поэтов соберутся, напишут ли они лучше, чем Пушкин?

Я считаю, что сеть всегда выигрывает, если она правильно организована. Сила системного подхода заключается в том, что система, видимо, больше, чем сумма составляющих ее элементов. Но для этого их еще нужно правильно со-организовать в систему. То же самое, только в еще большей степени нужно сказать и про сеть. Если творческие субъекты правильно соединены в сеть, то они всегда будут сильнее, чем каждый в отдельности. Но для этого нужно особое мышление и особые технологии со-организации, опирающиеся на методологические схемы.

По мнению В.Е.Лепского, сеть при определенных условиях сильна, если же усложняется процесс коммуникации, то сеть может даже проиграть. Он проводил экспериментальное исследование влияния степени опосредованности общения между отдельными субъектами, и они конкурировали с группами разных размеров вплоть до одиночек. Так вот сеть, в которой высокая степень опосредованности, т. е. сложности коммуникации, проигрывает одному человеку. По мере улучшения организации коммуникации вплоть до непосредственного свободного общения сеть, т. е. группа, переигрывает. И это аргумент в мою пользу.

Еще один момент – о «слепых зонах» рефлексии, которые были упомянуты А.А.Денисовым¹⁰. Если мы правильно соединим людей, у которых эти зоны находятся в разных местах, то можно противостоять скрытым и даже «призрачным» субъектам рефлексивного управления.

Наконец, по поводу Пушкина, который написал такие замечательные строки: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Представьте себе Пушкина или какого-то другого очень креативного человека, который должен помимо творчества еще за-

ниматься продажей результатов своего труда. Это совершенно разные виды деятельности – очень сложно человеку переключаться, и в 90 % случаев ему неэффективно переключаться.

В частности, неэффективно тех же инженеров-инноваторов заставлять писать бизнес-планы. Не их это занятие! Гораздо лучше в правильную сеть соединить инженера, ученого, бизнесмена, инвестора, представителя образования и т. д., – и тогда мы выиграем.

Примечания

- ¹ *Кузнецов А.И.* Современный мир и метафизические проблемы субъекта // Рефлексивные процессы и управление. Сб. материалов VII Междунар. симпоз. 15–16 октября 2009 г., Москва / Под ред. В.Е. Лепского. М., 2009.
- ² *Барыкин А.С.* О необходимых условиях для выбора оптимальной стратегии инновационного развития // Там же.
- ³ О понятии «стратегического субъекта» см. подробнее: *Лепский В.Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 1. Т. 2. С. 5–23.
- ⁴ *Марача В.Г.* Региональное стратегирование как метод повышения эффективности государственного управления региональным развитием в Российской Федерации // Инновации в общественной сфере: Сб. тр. Т. 34 / Под ред. Б.В.Сазонова. М., 2008. С. 193–194 <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/66>; *он же.* Региональное стратегическое планирование: основные подходы и условия реализации // Междунар. журн. «Проблемы теории и практики управления». 2008. № 11. С. 40–41 <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/65>; *он же.* Рефлексивная коммуникация стратегических субъектов как условие успешной разработки и реализации стратегии развития территории // 4-я междунар. конф. по пробл. управления (26–30 янв. 2009 г.): Сб. тр. М., 2009. С. 1335.
- ⁵ См.: *Щедровицкий Г.П., Котельников С.И.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // *Щедровицкий Г.П.* Избр. тр. М., 1995. <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/50>; *Баранов П.В., Сазонов Б.В.* Игровая форма развития коммуникации, мышления, деятельности (издание второе, переработанное и расширенное). М., 1989.
- ⁶ Технологии ОДИ являются синтетическими, включающими все три типа технологий «сборки» субъектов: организационно-управленческие, коммуникационные и технологии мышления. Здесь важно отметить, что при этом сам технологический синтез возможен только на основе методологического мышления, обладающего необходимыми для этого качествами рефлексивности и универсальности. Важной практической проблемой является применение технологий ОДИ и других подобных синтетических технологий в консалтинге. Именно консультант (внешний или внутренний) выступает тем инновационным агентом,

который «запускает» процесс рефлексии. Результатом последней становится выявление основных действующих субъектов, их позиций и оснований, что создает возможность «сборки» стратегического субъекта развития.

Но традиционный консалтинг задействует лишь два из трех упомянутых выше типов технологий «сборки» субъектов – организационно-управленческие и коммуникационные. Вопрос о технологиях коллективного мышления, обеспечивающего постановку и решение комплексных проблем, либо вообще не ставится, либо переводится на психологический уровень техник групповой работы.

В связи с этим Лабораторией инновационных методов мышления Государственной академии инноваций (ЛИММ ГАИН) инициирован проект «Метаконсалтинг», направленный на разработку нового поколения синтетических технологий постановки и решения комплексных проблем, включающий опыт и наработки, полученные в ОДИ. В проекте участвуют ведущие консультанты по стратегическому управлению и организационному развитию. Полученные в результате этой работы новые технологии предполагается применять прежде всего при решении задач, связанных с обеспечением перехода России на инновационный путь развития.

⁷ См.: *Марача В.Г.* Типология рефлексии. Особенности методологической рефлексии // Рефлексивные процессы и управление: Тез. V Междунар. симпоз. (Москва, 11–13 окт. 2005 г.) / Под ред. В.Е.Лепского. М., 2005. <http://www.reflexion.ru/Library/ThesisRPC2005.zip>

⁸ Основными формами организации философского мышления являются понятия и категории, которые выступают при этом в своей регулятивной функции. Как пространственные представления, так и схемы становились предметом философского мышления, но никогда не были формами его организации. Подробнее см.: *Марача В.Г.* Отличительные черты методологического мышления как «идеального ядра» интеллектуальной традиции Московского методологического кружка // Георгий Петрович Щедровицкий. М., 2009.

⁹ См. примеч. 1.

¹⁰ Трактовку «слепых зон» рефлексии как «скрытых зон» сознания исследователя, внутри которой операции рефлексии для него запрещены, см. в работе: *Денисов А.А.* Системы, превосходящие исследователя по совершенству // 4-я междунар. конф. по пробл. управления (26–30 янв. 2009 г.): Сб. тр. М., 2009.

Менеджмент как социокультурное конструирование субъекта управления: проблема эволюции концепта руководителя

Постановка проблемы конструирования субъекта: два подхода

Проблема анализа, моделирования и конструирования субъекта социального управления становится актуальной для современных философских и междисциплинарных исследований¹. Например, В.Лепский говорит о необходимости разработки философии и структурно-функциональных моделей стратегических субъектов².

С этой точки зрения можно различить, условно говоря, «инженерный» и «феноменологический» подходы к анализу субъекта.

С позиции «инженерного» подхода мы предполагаем, что субъект необходимо спроектировать, нормировать и внедрить с помощью некоторого социокультурного проекта.

С помощью «феноменологического» подхода мы предполагаем, что субъекты уже по факту сконструированы социокультурными практиками. Наша задача состоит в том, чтобы отразить эти социокультурные практики для того, осмысления специфики текущей ситуации социального управления.

Наш подход будет представлять из себя симбиоз первой и второй точек зрения. С одной стороны, мы предполагаем, что субъект управления – это уже сформированный социальными практиками конструктор.

Например, наши представления о том, кто такой эффективный руководитель, чем он должен заниматься в современных условиях и пр., являются социокультурными концептами, которых меняются под влиянием тех или иных «мод» или парадигмальных представлений о рациональности управленческой деятельности.

С другой стороны, мы ставим ретроспективный вопрос о том, как стали возможны проекты по конструированию и нормированию субъектов управления в прошлом и какие проекты возможны сейчас.

В этой связи встает задача реинтерпретации истории таких концептов, как «управление» и «субъект управления», а также контекстов, в которых оказались возможными практики их проектирования. В некотором смысле, это занятие археологическое. Сейчас у нас есть руины некогда непоколебимых классических систем знаний об управлении, организации, социальном порядке. Археология нужна для того, чтобы понять, как стало возможным появление этих систем и каким образом порождались их трансформации.

Тейлоровский инженер как социокультурная конструкция

Начнем наши «раскопки» с работ Тейлора. Как известно, понятие «управление» как специфического вида деятельности было предложено и введено в обиход научного сообщества и сообщества руководителей в трудах Федерика Тейлора. Работа, с точки зрения Тейлора, всегда совершается как минимум двумя группами людей – управленцами и рабочими. Цели и результаты деятельности этих двух групп различны. Пафос работ Тейлора состоял в отказе от труда как от «искусства», ремесла или «мастерства»:

«Несомненно, во всех случаях, когда умные и образованные люди приходят к выводу, что ответственность за прогресс в любой отрасли механических искусств лежит на них, а не на рабочих, фактически принимающих участие в производстве, все они, почти без исключения, идут по пути развития научных основ там, где в прежнее время существовали только традиционные и грубо практические навыки»³.

Многие современные теоретики организации и управления отмечают то, что эти простые правила оказали колоссальное влияние на развитие человеческой культуры и техники⁴. Тейлор решал проблемы социальной организации в духе своего времени: он верил в прогресс, в здравый смысл, в логику как универсальный инструмент анализа всех технических и социальных проблем. Он искал решения с точки зрения технократических представлений о гла-

венстве разума управленца, об универсальной эффективности его способностей организовать процесс работы над «традиционной» и «грубо практической» социальной и технической реальностью.

Управление в этом контексте можно представить как экспликацию и логическую оптимизацию социально-технических процессов. Первая происходит на языке, придуманным Тейлором, а вторая – с помощью принципов. Эта экспликация и оптимизация становятся необходимыми в контексте управления, так как именно они решают все задачи, стоящие перед организацией и субъектом управления.

Тейлор сформировал традицию, согласно которой управление – это не усложнение и не искусство, требующее таланта.

Управление – это нормирование и *упрощение* действий объекта управления, совершенное субъектом управления.

Надо превратить действия из «традиционных» и «ремесленных» в регулярные и постоянно улучшаемые с помощью логики и здравого смысла. Таким образом формировались идеалы и нормы управленческой рациональности, роль руководителя как управленца, его действий как управления – операций над объектами управления.

Эта «правильность» субъекта управления, придуманная Тейлором, позволяет нам говорить о том, что он, создав понятие «управление», имплицитно сконструировал субъект управления. Назовем его термином «инженер».

Говоря о конструировании субъекта, мы методологически солидаризируемся с Бергером и Лукманом⁵, которые считают, что социальная реальность создается людьми и что она сама создает человека.

В этой точке нам надо различить понятия «человек» и «субъект». В традиционном понимании субъект – это тот (или то), кто (или что) познает, мыслит и действует⁶.

С точки зрения конструктивизма, субъект – это социальный конструкт, который не абсолютен. Он может претерпевать эволюцию – «умирать» и «рождаться». Фуко, утверждая свой знаменитый тезис о «смерти» субъекта, на самом деле говорил о необходимости привнесения понятий становления и трансформации в разговор о субъекте:

«Если бы я делал доклад о субъекте, то возможно, я точно таким же образом проанализировал бы функцию-субъект, то есть проанализировал бы условия, при которых возможно выполне-

ние неким индивидом функции субъекта. И следовало бы еще уточнить, в каком поле субъект является субъектом и субъектом чего: дискурса, желания, экономического процесса и так далее. Абсолютного субъекта не существует»⁷.

То есть задача в философском дискурсе управления ставится таким образом: при каких условиях оказалось возможным превратить человека-руководителя в инженера? Как оказалось возможным создание социальной роли и идентичности управленца?

Понимание Тейлора с помощью Лакана: символическое пространство конструирования и инвалидизация инженера

Одна из версий ответа на этот вопрос – лакановская. По мнению Лакана⁸, не существует субъекта без символического пространства. Субъект в топике Лакана живет в реальном, воображаемом и символическом мире. Реальный мир – это мир тела, мир желаний. Единственная реальность, о которой я могу себе сказать достоверно, – это реальность моего тела, моей боли, страсти, желаний, возрастных изменений, грядущей смерти. Но как только я начинаю говорить и мыслить, тут же порождаю воображаемые и символические миры. Я не могу помыслить реальность вне образных (перцептивных) представлений и символических (лингвистических) интерпретаций. Воображаемый мир – это мир образов субъекта. Символический мир конституирован порядком, диктуемым дискурсами власти и языками, в которые погружен субъект.

Тейлор, создавая субъект управления, производит идеализацию и абстрагирование, вынося за скобки реальный и воображаемый (в смысле Лакана) мир субъекта. Тейлор постулирует исключительно символический порядок управления.

Принципы управления по Тейлору – это символы власти и языки организационного порядка. Надо заметить, что эта власть оказалась эффективной. По крайней мере, мы покупаем авиабилеты в авиакомпаниях или питаемся в фаст-фудах – организациях, сконструированных по принципам Тейлора. Энергия людей, их реальности, символические и образные миры оказались ограниченными и прирученными властью субъектов управления.

Итак, исходя из этой точки зрения, Тейлор породил символический универсум под названием «научное управление». Это пространство власти: с одной стороны, власти инженера над рабочими, а с другой – власти принципов «научного менеджмента» над инженером.

Тейлор превратил руководителей в управленцев, заставив их наблюдать, измерять и поклоняться таким символическим конструкциям, как «эффективность», «этапы работ», «наилучший способ работы», «простота». Эти символы оказались работоспособными, так как они не только строили жизнеспособные организации, приносящие прибыль, но и потому, что они резонировали с ожиданиями людей, их ценностями, их картинами мира.

Например, ведь работник теоретически принимает свободное решение о трудоустройстве. Он может не идти работать на организацию, производящую гамбургеры или авиабилеты, согласно принципам «научного менеджмента». Но мощь символических конструкций такова, что он необходимо испытывает неудовлетворенность, личную нереализованность от того, что он не связал свою жизнь с «родным заводом».

Символическая конструкция оказалась столь сильной, что она перестала зависеть от национальных, религиозных или идеологических особенностей. Работник и управляющий желают отдать свою человеческую реальность, свое «Я» сконструированному субъекту в Америке и Советском Союзе, в Тайланде и Мексике.

Итак, оказавшись во власти символов, предложенных Тейлором, руководитель необходимо должен был превратиться в субъект управления. Это кроме всего прочего означает замещение пространств жизни символическими конструктами. Части (символы управления) заменили целое – жизнь человека, а субъект управления заменил его самого.

Надо заметить, что порожденный фантазией Тейлора инженер – родной брат декартовского субъекта. Он всегда сомневается в эффективности тех процессов, которыми управляет. Эта вечная подозрительность к тому, что рабочие делают что-то не так, что работы организованы нерационально, что эффективность можно повысить еще и еще, должна порождать его мотивацию – непрерывный интерес к развитию и улучшению работ. Принцип методологического сомнения Декарта заменяется принципом сомнения в эффективности системы управления.

Подмена человека субъектом, сконструированным в определенных социокультурных условиях, – вот интереснейшая философская проблема. Как этот субъект оказался возможен? Кто и как идеологически отрефлектировал концепт, лежащий в основе субъекта? Почему общество восприняло этого субъекта, его социальные роли и идентичности, осуществив редукцию человека к предлагаемому?

Ход мышления Лакана – от психической реальности человека к образам и символам. Но ведь возможен и другой ход – от символов и образов идентичностей сконструированного субъекта к конструированию психической реальности человека. Другие порождают интерессубъективную сеть образов и символов. Попадая в эту сеть, я активирую свою реальность, свою способность ощущать и говорить так, как нужно этой сети. Власть символов обнаруживается тогда, когда человек перестает различать свою реальность и внешние символические и образные операции над ним.

В социальной конструкции субъекта реальность человека заменяется на реальность социального мира управления и его символического пространства.

По мнению Кирхлера, Майер-Пести и Хофманн, этот концепт власти обрел социологическую рефлексию в работах Макса Вебера о бюрократии и закрепился в стандартах управления организациями, в частности, в стандартах семейства ISO 9000⁹.

Инженер Тейлора социален и нормативен, так как генерирует социальные нормы и ожидания. Этот субъект обладает ценностями и интенциями, соответствующими принципам его создателя. Философская и социологическая значимость работ этого ученого состоит в создании и институционализации субъекта социального управленческого действия, благодаря которому мы можем отличить управление как технологическую работу от руководства как личностной и нетехнологизируемой работы.

Взгляд Тейлора – это взгляд инженера, конструктора технических систем. Ему надо сформировать у управленца правильное, т. е. соответствующее его нормативным символам субъекта и объекта управления ожидание будущего. Но ведь это не то, чем занимается наука или философия.

Если взять за основу точку зрения Р.Бернса¹⁰ и различить когнитивную, оценочную и поведенческую установки Я-концепции субъекта, то можно увидеть **эмоциональную инвалидизацию** нормативного управленческого субъекта, сконструированного Тейлором. Эта инвалидизация – следствие тейлоровских идеализаций.

Инженер-управляющий – это, с одной стороны, идеал, лишенный человеческих «ремесленных» свойств, а с другой стороны, эмоциональный инвалид, лишенный пространства внутреннего «Я». Этот субъект не должен допускать эмоционального отношения к себе и к окружающим, наличия психической реальности в себе и в них. Логика и языки, символы и принципы должны вытеснить ощущения и интуицию. Эта дегуманизация управленческого акта, совершенная Тейлором, имеет далеко идущие последствия, которые обсуждал Поппер, говоря о «чарах Платона». Идеализированный субъект необходимо порождает инвалидизированного человека.

«Научная» и «паранаучная» управленческие стратегии и практики конструирования субъекта

Если философия берется за конструирование субъекта и еще добавок за интеграцию его в человека, то она, на мой взгляд, перестает быть философией. Почему? Причина очень проста: в такой стратегии куда-то пропадает сам человек. Вместо него образуется носитель необходимого языка и необходимых образов – перцептивно-лингвистический конструкт или и инвалид, реализуемый в легко усваиваемой социальной роли.

Этот конструкт может оказаться полезным для решения тех или иных социальных задач – государству и обществу нужны инженеры, рабочие, солдаты, милиционеры, эффективные с точки зрения требований, предъявляемых к ним. Таким образом, возникает спрос на субъектов и заказчик работ по созданию этих самых конструктов. Но это прикладная задача.

По нашему мнению, надо различить две этих задачи – условно говоря, «научную» задачу понимания и создания языков объяснения и систематизации феноменов управления организацией и «паранаучную» прагматическую задачу конструирования субъектов и повышения эффективности работ.

Реконструируем постановку и решение паранаучной задачи на примере Тейлора. Предположим, что во времена Тейлора научная и прагматическая задача были практически тождественны. Управление отождествляется с задачей создания прагматических

символьных конструкций субъекта управления. Появилась возможность нормировать субъект и объект управления, т. е. отличить разные субъекты – состояние руководителя.

Одна ситуация, условно говоря, «патологическая» состоит в том, что некий руководитель не является управленцем, не имеет необходимых с точки зрения Тейлора характеристик субъекта. Другая ситуация, условно говоря, «нормальная» состоит в том, что он является управленцем и соответствует принципам. Когда руководитель в состоянии определить свое текущее состояние как ненормальное и сформировать желаемое будущее как нормальное и достижимое, происходит конструирование его управленческой реальности. Формируется динамика системы управления. Схематично это выглядит следующим образом:

Рис. 1. Динамика управления в конструировании субъекта

Поэтому Тейлора можно назвать основателем не «научного» менеджмента, а «паранаучного» менеджмента. С его легкой руки была сформирована традиция понимания организационно-управленческих систем с нормативной точки зрения. Именно он стал основоположником жанра под условным названием «открытие настоящих принципов». К этому жанру можно отнести принципы Анри Файоля и Деминга, модель 7С компании Маккинси, которая была разработана в шумевшей работе Питерса и Уотермена¹¹. Часто этот жанр переносится из области управления организациями на развитие личности, рождая, на взгляд автора, не всегда корректные редукции¹².

Почему, по нашему мнению, это не научные, а паранаучные знания? Прежде всего потому, что, на наш взгляд, они не охватывают уникальность социальной динамики. Дискурс экспликации феноменов социальной реальности попросту элиминируется – нас не интересуют ни аффекты, ни ожидания субъекта. Конструируя субъект управления, Тейлор абстрагируется не только от его психических состояний, но и от пола, возраста, языка, культурной идентичности. Ему не интересны социокультурные детерминанты и дескрипции феноменов – теория Тейлора интересуется тем, что надо, а не тем, что есть. Поэтому она конструктивна.

Конструируемая реальность редуцируется к «практическим» и «универсальным» нормам. Эти нормы мифологизируются символическими пространствами власти.

С помощью каких приемов осуществляется мифологизация? Прием номер один – авторитет автора. Он должен быть либо «выдающимся ученым», либо «революционером менеджмента», либо обычным миллиардером.

Прием номер два – «выдающиеся практические результаты». Они должны быть достигнуты благодаря выполнению норм и правил, придуманных автором «гениальной» теории.

Когнитивный статус паранаучных моделей становится ясным, если мы предположим, что они служат не инструментами понимания социальной организации или практик управления, а **инструментами институционализации субъекта**. Например, власти и влияния. Или успеха и достижения статуса.

Так как феноменологический взгляд на систему управления элиминируется, то сконструированная нормативная реальность управления необходимо получается редуцированной – инвалиди-

зированной. Мало того, что она не тождественна реальности человека, она ведет с ней войну на поражение через интеграцию эффективного субъекта.

Нормативная система должна заменить и «перезагрузить» когнитивную карту субъекта управления, изменить систему его власти над собой и объектом.

Вопрос о нормах – это вопрос о знаниях. Вопрос о знаниях – это вопрос о власти и управлении: «Знание и власть есть две стороны одного вопроса: кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать? В эпоху информатики вопрос о знании более, чем когда-либо, становится вопросом о управлении.»¹³.

Если бы «паранаучные» авторы были знакомы с философией постмодерна, то они нашли бы с ней много общего. Например, утверждение о том, что школьное образование – это образование не для руководителей, а для их подчиненных¹⁴, корреспондирует с идеями о знании как о форме власти и управления.

С этой точки зрения возможен взгляд, систематизирующий «паранаучную» управленческую литературу, позволяющий производить археологию управленческого знания в ней. Задача формулируется следующим образом: в чем сходство и различие идеалов и норм субъектов и их символических (мифологических) реальностей управления?

Что такое управление в предлагаемой методологической схеме? Это **движение субъекта управления в его когнитивном пространстве от «ненормального» (текущего) состояния к ожидаемому («нормальному»)**. Последнее формируется нормативной моделью, которая обосновывается автором модели.

«Паранаучная» управленческая литература предлагает человеку или группе различные формы знания, которое мифологизируются с точки зрения способности сделать этого человека или группу субъектом управления.

Итак, управление в рассмотренной выше «нормативной» постановке вопроса – создание и нормирование процессов субъекта управления. Поэтому управление организациями – это такие неотъемлемые свойства субъекта управления, как язык, навыки, ценности, интенции и идентичности, рассматриваемые в их динамике с точки зрения формирования и развития организаций. Именно их анализ позволяет дифференцировать те объекты, которые конструирует управленец.

Конструирование субъекта как рыночный процесс создания будущего

Конструирование субъекта – это конструирование будущего и «продажа» этого будущего человеку.

В русском языке «неудачник» – это тот, от кого отвернулся успех, кому изменила удача. Английский *looser* – это тот, кто потерялся. Тот, кто потерял своё «Я» в будущем. Книги и концепции по управлению предлагают широкий ассортимент социальных ролей руководителя, богатый выбор субъектов, которыми он сможет обладать в своем будущем.

Итак, на наш взгляд, авторы книг по менеджменту демонстрируют различные роли и генерируют свои представления о навыках и поведении, ролях субъекта. Они стараются сделать так, чтобы социальные роли были привлекательными для сообщества руководителей.

Еще один аспект состоит в том, что это не только символический и мифотворческий, но и **рыночный процесс**. Образ моего «Я» как успешного руководителя-управленца в будущем является предметом купли-продажи и конкуренции между авторами концепций управления.

Существует рынок консалтинговых услуг по управлению. Тейлор, Деминг и Файоль продавали свои услуги как инженеры. Питерс и Уотермен были консультантами агентства Мак-Кинси.

По нашему мнению, главным товаром рынка управленческого консультирования являются модели управления, которые можно интегрировать в людей, сделав их таким образом субъектами управления. Бренд на этом рынке – это мифологизация «эффективных» инструментов руководителя и социальной реальности, конструируемой управленцем.

В осознании этого феномена, по нашему мнению, кроется понимание непростых отношений между философией управления и прагматикой менеджмента.

Авторы практических пособий не занимаются исследованием социальных структур и процессов. Они конкурируют между собой за владение образами и символическими пространствами, имеющими рыночную ценность.

Одни субъекты, например, инженер Тейлора, отправляются на свалку истории как неэффективные или немодные. Другие – например, «фанки-предприниматель»¹⁵ или «командный игрок»¹⁶ – подняты на щит и становятся новыми идолами для поклонения в когнитивном пространстве менеджерского сообщества. Для продажи и продвижения субъекта все средства хороши. Кто-то для этого использует научные теории и схемы, а кто-то заимствует язык религии, астрологии и эзотерики. Кто-то ищет вдохновения в Каббале¹⁷, а кто-то в фэн-шуй¹⁸.

В этом тоже, на наш взгляд, состоит ситуация постмодерна. В эпоху социального конструирования и мифологизации дискурса управления социология управления, социология организации или философия оказываются одним из дискурсов. Не больше и не меньше. В мифопоэтическом пространстве конструируемых символических конструкций и образных переживаний брендов научный и философский дискурсы теряют претензию на истину или достоверность.

Ученые и философы вынуждены находиться в рыночной ситуации и конкурировать за ресурс внимания руководителей. И позиции науки или философии с точки зрения влияния на руководителей оказываются часто менее интересными, чем позиции альтернативных концепций.

Согласно Эрнсту фон Глазерфельду¹⁹, идеологу радикального конструктивизма, знание не обретается пассивным образом, оно активно конструируется познающим субъектом, это не открытие онтологической реальности, а способ организации опытного мира.

Действительно, руководитель – с одной стороны – как субъект управления вынужден постоянно конструировать и создавать то, чем он собирается управлять. А с другой стороны – его самого сконструировали.

Субъект управления – это социокультурный конструкт, порожденный как институтами, ценностями и ожиданиями современного ему общества, так и особенностями психики и личности, межличностными коммуникациями, ценностями, установками, навыками, знаниями и отношениями людей, образующих этот субъект.

Проще говоря, инженер, желающий управлять по принципам Тейлора, сформировал свою интенцию развития субъекта управления, с одной стороны, под влиянием институциональных факто-

ров: моды и привычек, порожденных Тейлором, а с другой – под влиянием истории развития личности, психики и культурного контекста, например, под влиянием изучения логики и математики в средней школе.

Поэтому, с нашей точки зрения, надо всегда показывать специфику не только социальных процессов управления, но и **генезиса и трансформаций субъектов, генерирующих эти процессы**. Этот субъект вовлечен не только в научные, но и в «модные» мифологические детерминанты деятельности.

Говоря иначе, современный субъект управления неоднороден – фрактален²⁰. Человек уже вышел из колыбели универсальной идентичности и окружен облаком борящихся за него субъектов, жаждущих приватизировать его. А человек не желает приватизироваться.

Типы управленческой рациональности

Поэтому проблема экспликации субъекта в междисциплинарном дискурсе имеет огромную актуальность. Подход к решению этой проблемы, на наш взгляд, обозначен в концепции классической, неклассической и постнеклассической научной рациональности академика РАН В.С.Степина.

В зависимости от характера взаимоотношений между субъектом, объектом и средствами В.Степин рассматривает три типа научной рациональности: классический, неклассический и постнеклассический.

Продемонстрируем различия между ними на примере знания об управлении.

Мы можем определить менеджмент как знание, которое изучает объективные процессы в системах управления, формируя предметы исследований, абстрагированные от субъекта принятия управленческих решений.

Например, предмет нашего исследования «объективные процессы управления организациями». Этими процессами могут быть планирование, контроль, координация и пр. Мы абстрагируемся от субъектов управления и рассматриваем некие нормы – законы и правила реализации этих процессов. В этом случае рамки нашего исследования фиксированы классическим типом научной рациональности.

Вот пример текста, объясняющего то, что такое управление с точки зрения классических парадигм научной рациональности, необходимо устраняющих все знания о субъекте управления:

«Управлять обществом научно – это значит познавать общественные закономерности и на этой основе направлять (планировать, организовывать, регулировать и контролировать) его развитие; своевременно вскрывать противоречия общественного развития и разрешать их, преодолевать препятствия на пути к цели; обеспечивать сохранение и развитие единства системы, её способности преодолевать или нейтрализовать внутренние и внешние негативные воздействия; проводить правильную, реалистическую политику, основанную на строгом учёте объективных возможностей, соотношения социальных сил»²¹.

В случае, если мы рассматриваем помимо процессов управления методы и средства организации субъектов, то мы образуем дискурс неклассической рациональности. Например, мы можем сформулировать задачу следующим образом: какие механизмы социальных конвенций между субъектами разворачиваются в процессе управления, как и какие нормы планирования и контроля формируют социальные субъекты?

Ключевая установка постнеклассического дискурса в философии управления, на наш взгляд, состоит в предположении, что субъект **социального управленческого действия является институциональным социальным конструктом.**

Нет раз и навсегда зафиксированного субъекта. Он подвержен культурным трансформациям. Этого не может и не хочет понять философ, находящийся в дискурсе классической рациональности.

В этой связи мы можем реинтерпретировать точку роста знания об управлении – результаты работ Тейлора.

С точки зрения постнеклассической рациональности Тейлор:

– сконструировал и институционализировал субъект и объект управления – социальную роль инженера-управленца и функции управления;

– определил ценности и интенции субъекта управления – «сомнение в эффективности» и убеждение в непрерывной необходимости оптимизации функций объекта управления, направление познания, связанное с потребностью в структурном моделировании и рационально анализе объекта, преимущество явного структурного и описанного знания над неявным навыком и ремеслом;

– выявил знания и навыки субъекта управления, например, необходимость логики, анализа труда, планирования, мотивации и контроля работ;

– определил процессы, которыми субъект управления влияет на объект через свои знаменитые принципы.

Схема рефлексии субъекта в постнеклассической рациональности

Какие вопросы необходимо обсудить для того, чтобы выстроить научную схему объяснения феноменов управления с точки зрения позиции постнеклассической рациональности?

1. Каковы ролевые характеристики субъекта, как субъект видит свои социальные роли, насколько они отрефлексированы языком, кто и как описал, усилил внимание общества к этим социальным ролям?

2. Каковы ценности субъекта управления? Как, исходя из них, формируются интенции – направления внимания и ожидания субъекта? Насколько ценности осознаны в убеждениях, насколько они осознаны и рациональны? Кто и как формирует ценности субъекта и влияет на них?

3. Каковы навыки субъекта управления, как они формируются? Как происходит социализация и освоение навыков, насколько они осознаны?

4. Каковы языки и явные знания субъекта управления, какой лингвистический и семиотический аппарат используется сим для выражения своих интенций, намерений, ожиданий, как описываются объекты, на которые он намерен влиять?

5. Каково поведение субъекта управления, какие процессы и функции он реализует?

6. Каково окружение субъекта управления, какие границы формирует он со своим окружением, какие предметы во внешнем окружении способен распознать и определить своими языками и образами?

Именно эта субъект-центрированная методология, а не тотальная ориентация на процессы, на наш взгляд, позволяет более четко устанавливать сходства и различия между различными парадигмами и концепциями в менеджменте и философии управления.

Примечания

- ¹ См., например, сборник *Рефлексивный подход: от методологии к практике*. М., 2009.
- ² Там же. С. 297.
- ³ *Тейлор Ф.У.* Принципы научного менеджмента. М., 1995. С. 54.
- ⁴ *Морган Г.* Образы организации. Стокгольмская школа экономики. М., 2008. С. 42–43.
- ⁵ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Руткевич. М., 1995.
- ⁶ *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2009.
- ⁷ *Фуко Мишель.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч.Офертаса; под общ. ред. В.П.Визгина, Б.М.Скуратова. М., 2002.
- ⁸ *Лакан Ж.* Функции и поле речи и языка в психоанализе: Докл. на Римском конгр., читанный в Ин-те психологии Римского Ун-та 26 и 27 сент. 1953 г. М., 1995.
- ⁹ *Кирхлер Э., Майер-Пести К., Хофманн Э.* Психологические теории организации. Минск, 2005. С. 64–78.
- ¹⁰ *Бернс Р.* Что такое Я-концепция? // *Общая психология. Тексты*. В 3 т. Т. 2. М., 2004. С. 131.
- ¹¹ *Питерс Т., Уотермен Р.* В поисках эффективного управления. М., 1986.
- ¹² *Тарасенко В.* Осторожно: Стивен Кови! Как разрушить организацию, используя «7 навыков высокоэффективных людей, и как воссоздать ее, отказавшись от управленческого романтизма. М., 2008.
- ¹³ *Лиотар Ж.Ф.* Состояние постмодерна. СПб., 1998.
- ¹⁴ *Роберт Т.* Кийосаки и Хал Зина Беннет. Если хочешь стать богатым и счастливым, не ходи в школу. М., 2008.
- ¹⁵ *Кьелл А.* Нордстрем, Йонас Риддерстрале. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. СПб., 2005.
- ¹⁶ *Адизес И.* Идеальный руководитель: Почему им нельзя стать и что из этого следует. М., 2007.
- ¹⁷ *Нилтон Бондер.* Каббала денег. М., 2005.
- ¹⁸ *Милаш М.* Фэн Шуй. Успешный бизнес. Привлекаем деньги и удачу. М., 2006.
- ¹⁹ *Глазерсфельд Э. фон.* Введение в радикальный конструктивизм // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия*. 2001. № 4. С. 59–81.
- ²⁰ *Тарасенко В.* Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания. М., 2009.
- ²¹ *Афанасьев В.Г.* Управление // *Большая сов. энцикл.* М., 1975.

Е.А. Евстифеева, С.И. Филиппченкова

Сборка субъектов врачевания: социально-психологическая модель

Обозначенную на VII Международном симпозиуме «Рефлексивные процессы и управление» проблему сборки субъектов инновационного развития рельефно демонстрирует, с нашей точки зрения, социально-психологическая модель врачевания; разрабатываемая в рамках Гранта РГНФ № 07-06-57601а/Ц «Социальная модель врачевания: холистическое здоровье, атрибуция ответственности и образ жизни». Эта модель интегрирует опыт междисциплинарных исследований, ориентированный на субъектный и рефлексивный подходы. Сегодня очевидна ограниченность использования только медицинской модели врачевания, ориентированной на субъект-объектные отношения между врачом и пациентом, и традиционных медицинских технологий лечения многих болезней, включая хронические заболевания. Новой технологией является социально-психологическая модель врачевания и лежащая в ее основе концепция холистического здоровья, ориентированная на пропаганду здорового образа жизни, на профилактику и лечение заболеваний. Социально-психологическая модель врачевания и холистическая интерпретация здоровья получили разработку в философской, психологической, медицинской литературе у таких авторов, как А. Маслоу, К. Роджерс, Г. Олпорт, К. Юнг, Э. Эриксон, Ш. Бюлер, Б.Г. Юдин, С.Н. Ениколопов, В. Жирнов, П.В. Тищенко, Г.Б. Степанова, Г.М. Зараковский, В.И. Кулайкин, Т.Б. Дмитриева и др. Эта модель элиминирует патерналистский взгляд на пациента, в ней между врачом и пациентом формиру-

ются субъект-субъектные отношения и феномен разделенной ответственности путем восхождения к рефлексивности. Субъектно-ориентированный подход, как пишет В.Е.Лепский, легализует субъектные реальности через рефлекссию. «Каждый субъект рефлексивизирует среду, себя и других субъектов индивидуально, интерпретируя и переводя их в свою собственную реальность по-своему. Реальность – это форма представления бытия субъектом. Рефлексия моделирует реальность, превращая ее в воображаемую реальность. Только с появлением субъектов возникают реальности как субъективные формы представления бытия»¹. По мнению В.Е.Лепского, субъектная позиция – это рефлексивная площадка, оснащенная языковыми средствами для осознания и структурирования реальности самого себя и своей деятельности.

Современная герменевтика субъекта прибегает к дискурсивному знанию. Трансдисциплинарный и психологический дискурсы обнаруживают сегодня проблему границ субъекта, учреждения им самого себя через установление границ своей ответственности, под которой понимается способность субъекта селективно, осознанно, рефлексивно реагировать, контролировать, прогнозировать, управлять, генерировать свою активность. Ответственность – рефлексия субъектом своего авторства по отношению к обстоятельствам, в которых он оказался, своей способности делать выбор и воздействовать на ту ситуацию, в которую он попал. Ответственность идентифицируется также с моральными обязательствами. С точки зрения субъектно-ориентированного подхода параметр «ответственность» включается в критерий субъектности. Диагноз «бессубъектности» – это неспособность адекватно воспринимать и оценивать сложившуюся ситуацию, самоидентифицироваться и самоопределяться, принимать рефлексивные решения. На пути к становлению субъектности требуется дискурс о принятии рефлексивных решений субъектом. Принятое решение – это всегда субъектное решение. Даже если при этом проводились математические, статистические расчеты, использовались объективные данные, оно сохраняет качественный и в этом смысле индивидуальный характер. Решение зависимо от конкретного принимающего его субъекта и конкретной ситуации.

¹ Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М., 2009. С. 102–103.

Для индивидуального субъекта (пациента) использование субъектного фактора означает стимулирование его рефлексивных процессов. Под рефлексией здесь понимается психическая, личностная активность человека, возникающая в результате разрыва выполняемой деятельности и направленная на его преодоление. Рефлексия – процесс критического осмысления текущей деятельности, умение выделять, анализировать и соотносить с ситуацией свои действия, а также обоснование необходимости внесения коррективов в ход деятельности. Рефлексия направлена на выяснение оснований собственного способа осуществления активности, на процессы взаимодействия с другими людьми. Рефлексивная активность всегда селективна – это означает, что субъект может придавать большое значение одним полученным данным (как правило, положительным данным о себе) и «не замечать» других, обычно отрицательных, снижающих его самооценку. Сведения, полученные путем саморефлексии, имеют больше шансов привести к психологически ожидаемому результату.

В разрабатываемой нами социально-психологической модели происходит сборка субъектов врачевания. Пациент и врач выступают целостным коллективным субъектом лечебного, профилактического и реабилитационного процесса. Врач рефлексивно управляет пациентом путем процесса передачи оснований для принятия решений последним. В такой рефлексивной модели управления взаимодействуют два субъекта, обладающие свободой воли, разделенной ответственностью, доверием. Основными характеристиками субъект-субъектных отношений пациента и врача являются следующие: наличие и осознание субъектами врачевания общей и единой для всех цели совместной деятельности; отношение пациента к самому себе как к субъекту лечебного процесса; формирование определенного типа личности пациента, характеризующегося активностью, автономностью, самостоятельностью, психологической готовностью брать на себя ответственность за свое здоровье; партнерские (психологически равные) отношения между субъектами врачевания – пациентом и врачом; преобладание горизонтальных коммуникационных связей, имеющих добровольный характер и исключают какие-либо формы принуждения; наличие и оценка обратной связи при осуществлении субъектами врачевания своих действий. Ответственность человека за свое здоровье и повы-

шение интернального локуса контроля является главным условием холизма. Первая предполагает желание и способность человека осуществлять и поддерживать стиль поведения, способствующий укреплению здоровья. Это включает отказ от дисфункционального стиля поведения: курения, алкоголя и других вредных привычек.

В разработке социально-психологической модели врачевания и в определении ответственности человека за свое здоровье нами используется рефлексивный подход (В.А.Лефевр, В.Е.Лепский, Г.Г.Малинецкий и др.). Присущая человеческому сознанию способность к рефлексии является одной из базовых предпосылок перехода от внешней детерминированности к самодетерминации. Рефлексия в данном подходе понимается как способность произвольного обращения человеком сознания на самого себя. В самом общем виде – это способность некоторых систем строить модели себя и одновременно видеть себя строящими таковые модели. На этом пути удается провести конструктивные различия между знанием о себе и осознанием себя как носителя такого знания. В.А.Лефевр в 60-е годы XX столетия ввел понятия рефлексивной системы и рефлексивного управления, существенно изменившие парадигму исследования сложных социально-культурных объектов. Теория, описывающая такие объекты, являясь их внутренней компонентой, способна разрушить собственную истинность. Рефлексивные процессы включены во все механизмы регуляции функционирования рефлексивных систем. Рефлексией могут обладать любые типы субъектов: индивид, группа, организация, государство, человечество и т. п. Ориентация рефлексивного подхода на исследование механизмов рефлексии независимо от морфологии ее носителей предопределяет изначально ярко выраженный междисциплинарный характер.

Рефлексивный подход в повышении мотивации здорового образа жизни у больных хроническими заболеваниями в период реабилитации может быть реализован в структуре поэтапного расширения осознаваемых компонентов своего статуса, ответственности за свое здоровье, поведенческих стратегий и выстраивания субъект-субъектных отношений между врачом и больным. Рефлексивные технологии используются в реабилитационном и профилактическом периоде и предполагают научить больного хроническим заболеванием делать бессознательное сознательным, развивать у себя

способность контролировать свою умственную деятельность, рождающую негативные эмоции и самоповреждающее поведение, формировать навыки конструктивных психологических защит. Это повышает адаптивный потенциал и способствует выработке стратегий поведения и развитию адекватной субъектности.

Для оказания помощи больным с хроническим заболеванием в реабилитационный период, особенно на катамнестическом этапе, необходимо использовать и стимулировать такие его ресурсы, как рефлексивность, ответственность, мотивационные предпочтения, волевые интенции.

В 2007–2009 гг. проведено эмпирическое исследование с помощью комплекса методик 230 человек в возрасте от 23 до 74 лет. 130 человек имеют хронические сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ), 100 человек больны диабетом. Обе группы испытуемых на момент психодиагностического обследования находились на лечении в стационаре после госпитализации в плановом порядке в связи с ухудшением в течении хронического заболевания (хроническая сердечная недостаточность различного генеза, гипертоническая болезнь, ишемическая болезнь сердца без признаков острого коронарного синдрома, хронические формы аритмий и блокад сердца без тяжелых нарушений системной гемодинамики, гипо/гипергликемическая кома, резкое падение/увеличение уровня сахара в крови по результатам поликлинических анализов. Больные включаются в исследование накануне дня выписки после госпитализации, когда основной лечебный процесс уже позади. Базой исследования являются кардиотерапевтическое отделение (КТО) и отделение эндокринологии Областной клинической больницы (ОКБ) г. Твери.

Мы разделили выборку испытуемых на несколько подгрупп и провели сравнительный анализ больных по полу и возрасту.

1. Возрастной статус испытуемых. Оказалось, что в группе больных хроническими сердечно-сосудистыми заболеваниями всего 13 % испытуемых младше 30 лет, а остальные больные (87 %) старше 30 лет. В группе больных сахарным диабетом 36 % испытуемых младше 30 лет и 64 % старше 30 лет.

2. Половой статус испытуемых. Оказалось, что в группе больных хроническими сердечно-сосудистыми заболеваниями 69 женщин и 61 мужчина. В группе больных сахарным диабетом 75 женщин и 25 мужчин.

Мы исследуем мотивацию здорового образа жизни и атрибуцию ответственности как средство внутреннего самоконтроля и саморегуляции при помощи комплекса психодиагностических методик: методики определения уровня рефлексивности А.В.Карпова, методики психосемантической диагностики скрытой мотивации (ПДСМ) И.Л.Соломина, методики многофакторного исследования личности Кеттелла (фактор G – низкое супер-эго – высокое суперэго), опросника личностной ориентации Э.Шострома, методики диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера, методики диагностики самооценки Дембо-Рубинштейна в модификации А.М.Прихожан, методики диагностики ценностных ориентаций М.Рокича, опросника диагностики волевых качеств личности М.В.Чумакова. Мы использовали математико-статистические методы обработки полученных данных (корреляционный анализ, критерий значимых различий Манна-Уитни) с помощью компьютерного статистического пакета SPSS 13.0.

По результатам проведенных исследований мы можем сделать следующие выводы:

1. Больные сахарным диабетом демонстрируют высокий уровень рефлексивности (среднее значение 7,3 стена). Им свойственно задумываться над происходящим, над причинами своих действий и поступков других людей, над их последствиями. Они стараются планировать свою деятельность, редко бывают импульсивны и рассматривают различные варианты при принятии решения. У них редко возникают трудности в общении с другими людьми.

2. Мотивация здорового образа жизни является достаточно сформированной, что позволяет говорить о психологической готовности больных хроническими заболеваниями к профилактической и коррекционной работе по модификации их психического состояния. Базовыми для испытуемых являются стремление к поддержанию здорового образа жизни и потребности в общении. Эти потребности не удовлетворены. Испытуемые озабочены проблемами своего здоровья, личной независимости и достижения успеха в жизни и деятельности. Потребности в сохранении и поддержании здоровья, в общении и личной независимости побуждают испытуемых к рефлексии собственного физического состояния.

3. Больных хроническими заболеваниями можно охарактеризовать как склонных к добросовестности, настойчивости, ответственности, упорству, стойкости. Именно хроническое заболевание предъявляет такие требования к качествам личности. Жизнь хронически больного человека зависит не только от его эрудиции, опыта и стремления совершенствовать свои умения, но в основном от знания особенностей своего заболевания и его протекания, а также специфических умений его профилактики и лечения, своей ответственности по отношению к самому себе и окружающим людям для обеспечения нормальной жизнедеятельности. Чувство долга, упорство и настойчивость в сочетании со знаниями дают возможность быть уверенным в себе и своем самочувствии.

4. Испытуемые стараются активно проявлять себя во всех сферах жизнедеятельности, направлены на самоактуализацию, личностный рост, развитие, активную и деятельную жизнь. Они разделяют ценности самоактуализирующейся личности: раскрытие всего потенциала своих способностей и талантов для полной реализации себя, свобода действий, мыслей и чувств, проявление честности, вера в себя, свои силы, вера в других, понимание ценности своей неповторимости, а также большая независимость от других и большая опора на себя.

5. Большинству больных (75 %) свойственна тенденция приписывать причины жизненных событий собственной личности. Испытуемые склонны считать достигнутые успехи результатом собственных качеств и проявленной активности. Они обнаруживают внутренний контроль над отрицательными событиями, обвиняют себя в неприятных событиях своей жизни. Склонны приписывать ответственность за происходящее с ними внешним силам 25 %. Они считают, что результаты их деятельности и значимые события в их жизни слабо зависят от их собственной активности.

6. У испытуемых заниженная самооценка собственного здоровья и уверенности в себе. Испытуемые склонны адекватно оценивать такие качества, как ум, характер, внешность и целеустремленность.

7. Большинство испытуемых (72 %) в иерархии терминальных ценностей на первое место поставили психическое и физическое здоровье. Данная ценность отражает фундаментальные человеческие физиологические потребности и потребность в безопасности, без хотя бы частичного удовлетворения которых невозможно

полноценное существование и развитие индивида. Испытуемые находятся в измененных условиях жизнедеятельности, поскольку обязаны предпринимать усилия для обеспечения сохранности своего здоровья. На первое место среди ценностей-средств, предпочтительных для применения в любой ситуации, большинство испытуемых поставили честность (правдивость, искренность).

8. Испытуемые – ответственные, обязательные, инициативные, деятельные, уверенные, решительные, настойчивые, энергичные, хорошо контролирующие свои эмоции, независимые, самостоятельные, целеустремленные, собранные люди (показатели по всем без исключения шкалам превышают среднее значение в 5,5 баллов). У них есть ясные жизненные цели и стремление настойчиво их достигать. Волевые качества являются существенным условием стабильности и успешности сохранения здоровья.

Мы разработали программу медико-психологической консультации больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями и сахарным диабетом в период реабилитации, включающую в себя комплекс методов психологического и психотерапевтического воздействия для формирования готовности к модификации образа жизни. Основной целью консультационной психологической работы с больными хроническими заболеваниями является формирование ответственного отношения к собственному здоровью и мотивации здорового образа жизни. В ходе психологической работы пациент начинает относиться к своему физическому состоянию как к результату прежде всего своей (а потом уже врача) напряженной и требующей постоянных усилий работы. Необходимо в отделениях ОКБ г. Твери оборудовать комнату психологической разгрузки, активнее использовать существующие возможности профилактики (санитарно-просветительные лекции и беседы, занятия спортом и т. д.). В реабилитационной программе необходимо применять для психокоррекции и профилактики такие методы кризисной психотерапии, как рациональную психотерапию, когнитивную психотерапию, гештальттерапию, экзистенциальную терапию, различные методы релаксации и аутогенной тренировки, а также групповую поведенческую терапию (психодрама).

Результаты исследования позволяют обосновать и использовать в социально-психологической и медицинской практике концепции «холистическое здоровье» и «социально-психологическая

модель врачевания», расширяющие возможности самореализации человека в ситуации хронического заболевания. Теоретические результаты и практические разработки исследования интегрированы в преподавание ряда общепрофессиональных и специальных дисциплин для студентов, обучающихся в ТГМА, в профессиональную деятельность клинических психологов, врачей и медицинских работников, проходящих профессиональную переподготовку.

Таким образом, результаты проведенных исследований показывают значимость учета психологических особенностей и предикторов больных в ситуации хронического заболевания и в реабилитационный период, а также валидность трансдисциплинарного знания как инструментария социально-психологической модели врачевания и неклассического типа рациональности в такой науке, как медицина.

Об авторах

Аришинов Владимир Иванович – Институт философии РАН, заведующий отделом, доктор филос. наук

Ахромеева Татьяна Сергеевна – Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, научный сотрудник, кандидат физ.-мат. наук

Буров Владимир Алексеевич – Институт философии РАН, старший научный сотрудник, кандидат психол. наук

Гутнер Григорий Борисович – Институт философии РАН, старший научный сотрудник, доктор филос. наук

Евстифеева Елена Александровна – Тверская государственная медицинская академия, заведующая кафедрой, доктор филос. наук

Князева Елена Николаевна – Институт философии РАН, заведующий сектором, доктор филос. наук

Лекторский Владислав Александрович – Институт философии РАН, заведующий отделом, академик РАН, доктор филос. наук

Лепский Владимир Евгеньевич – Институт философии РАН, главный научный сотрудник, доктор психол. наук

Малинецкий Георгий Геннадиевич – Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, заместитель директора, доктор физ.-мат. наук

Марача Вячеслав Геннадиевич – Институт развития им. Г.П.Щедровицкого, кандидат филос. наук

Моисеев Вячеслав Иванович – Московский государственный медико-стоматологический институт, заведующий кафедрой, доктор филос. наук

Свирский Яков Иосифович – Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник, доктор филос. наук.

Тарасенко Владислав Валерьевич – Институт философии РАН, старший научный сотрудник, кандидат филос. наук

Филиппченкова Светлана Игоревна – Тверская государственная медицинская академия, доцент, кандидат психол. наук

Хачатурян Валерия Марленовна – Институт всеобщей истории РАН, заведующий центром «Теории и сравнительной истории цивилизаций», кандидат филол. наук

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

ЧАСТЬ 1

АКТУАЛЬНОСТЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ СБОРКИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ

<i>В.Е. Лепский</i> Проблема субъектов российского развития.....	5
<i>Т.С. Ахромеева, Г.Г. Малинецкий</i> Актуальность проблемы сборки российских субъектов в инновационном, Технологическом, образовательном пространстве	31

ЧАСТЬ 2

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СБОРКИ СУБЪЕКТОВ

<i>В.И. Аришинов, В.Е. Лепский</i> Субъектность в контексте этапов развития науки (от классической к постнеклассической науке)	52
<i>В.И. Аришинов</i> Становление субъекта синергетики	59
<i>В.И. Аришинов, Я.И. Свирский</i> Рекурсивность постнеклассического субъекта	64
<i>Е.Н. Князева</i> Сборка субъекта с точки зрения коэволюции сложных систем.....	86
<i>Г.Б. Гутнер</i> Субъект и индивид в коммуникативных практиках.....	97
<i>В.А. Буров</i> Постнеклассическая сборка субъекта: выбор точки отсчета.....	109
<i>Н.М. Смирнова</i> Философские трансформации субъекта: от трансцендентализма к «новому натурализму».....	119
<i>В.И. Моисеев</i> Образы постнеклассической онтологии и сборка субъектов.....	132
<i>В.М. Розин</i> Сборка событийной и несобытийной трактовок субъекта в современной исторической науке.....	147
<i>В.М. Хачатурян</i> К проблеме архаической компоненты в сознании индивида.....	170

ЧАСТЬ 3

ПАРАМЕТРЫ, МОДЕЛИ И ТЕХНОЛОГИИ СБОРКИ СУБЪЕКТОВ

В.Е. Лепский

Эскиз структуры параметров сборки субъектов
и их дескриптивной модели 185

В.Е. Лепский

Технологии сборки субъектов (на примерах предприятий
и культовых организаций) 218

В.Г. Марача

Методологическая схематизация как «логика» рефлексии
и «сборки» субъектов развития 236

В.В. Тарасенко

Менеджмент как социокультурное конструирование субъекта управления:
проблема эволюции концепта руководителя 244

Е.А. Евстифеева, С.И. Филиппченкова

Сборка субъектов врачевания: социально-психологическая модель 260

Об авторах 269

Научное издание

Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *Е.Н. Дудко*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 20.07.10.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 17,00. Уч.-изд. л. 13,09. Тираж 500 экз. Заказ № 017.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии: iph.ras.ru